ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2006 Том 12

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 7

Главный редактор
Н.М. РАССАДИН

Редакционная коллегия:

О.П. Акаев, Н.Ф. Басов, П.Н. Белкин, А.М. Белов, С.К. Булдаков, Н.П. Гибало, И.А. Едошина, А.Г. Кирпичник (зам. главного редактора), **А.Н. Коврижных** (отв. секретарь), **В.П. Лебедев, Ю.В. Лебедев, В.Н. Маин, В.Л. Миловидов, М.И. Скаржинский, А.И. Субетто, А.И. Тимонин, Г.М. Травин, Н.П. Фетискин, В.В. Чекмарев, М.С. Шалумов**

Учредитель
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

3 **Артеменко В.Г., Акаев О.П., Озерова Т.И., Романова И.А., Семенова Ю.В.**
Модифицирование азотнокислотной вытяжки микроэлементами

9 **Желудова Е.М.**
Проблемы выделения и мониторинга редких видов папоротников на примере Polystichum braunii (Spenn.) Fee

14 **Мурадова Л.В., Сиротина М.В.**
Генетический и адаптивный потенциал коров костромской породы

16 **Соколова Т.Л.**
Влияние антропогенного фактора на численность и биоразнообразие почвенной мезофауны городских и фоновых биоценозов

18 **Кривошеин В.В.**
Основные виды осетровых используемых в тепловодной биотехнологии в условиях Верхней Волги

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

21 **Илюхина А.С.**
Классификация институциональных условий, влияющих на функционирование малого бизнеса

24 **Курова Г.М.**
Формирование системы партнерских отношений в России

27 **Лягушев Г.Е.**
Политическая экономия социализма: современные оценки

29 **Чекмарев В.В., Боровикова Т.В., Филинов В.А.**
О формировании совокупного интеллектуального продукта в регионе

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

35 **Бухмастова Г.А.**
Проблемно-ориентированное обучение как одна из форм обучения в течение всей жизни

38 **Захарова Ж.А.**
Опыт сопровождения замещающих семей

42 **Каменская В.Г., Козырева Ю.К.**
Сенсомоторное и когнитивное развитие старших дошкольников с различной степенью ювенильности

ФИЛОЛОГИЯ

50 **Аглеева З.Р.**
Синтаксическая идиоматика как когнитивно-семантическая проблема

54 **Ваулина Л.Н.**
Модальные характеристики межкультурной коммуникации

59 **Ганцовская Н.С.**
Типология лексики говоров костромского акающего острова: итоги и перспективы развития (по материалам исследований последних десятилетий)

62 **Мураткина Е.Л.**
Полностью «Диалектика души» Толстого и Диккенса

67 **Очкасова М.Р.**
Проявление художественного билингвизма Льва Толстого в использовании фразеологии (на материале образа Наполеона в романе «Война и мир»)

69 **Шпилевая Г.А.**
«Вертеровский» след в романе Н.А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1841–1848)

ИСТОРИЯ

71 **Волков Д.А.**
История Костромского государственного педагогического института

76 **Мальцев Р.Ю.**
Политические тенденции в среде предпринимателей г. Костромы в период выборов в Государственные Думы (1905–1912 гг.)

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА

80 **Дулин Ю.Н.**
Формирование контекста в содержании профессиональной подготовки менеджеров

85 **Колесов Е.В.**
Практическая направленность подготовки специалистов на основе математических методов анализа экономики

87 **Секованов В.С., Козырев С.Б.**
Преодоление стереотипов мышления при рассмотрении понятия фрактальная размерность множества

ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

94 **Белкина Т.Л., Гринько В.С.**
Основные проблемы философии российской отечественной национальной духовной традиции (ФРОНДТ)

100 **Витель Е.Б.**
Возможности системного подхода при изучении художественной культуры XX века

105 **Андреева Л.С.**
Природа исторических законов как выражение логики человеческой деятельности и открытость истории

111 **Швецова Н.А.**
Феномен харизмы в современном религиозном сознании

116 **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

118 **ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ**

«Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова» отражает основные результаты научной, педагогической, методической и воспитательной деятельности коллектива университета, а также публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Журнал включен в перечень периодических научных и научно-технических изданий, рекомендуемых ВАК РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

В.Г. Артеменко, О.П. Акаев, Т.И. Озерова, И.А. Романова, Ю.В. Семенова

МОДИФИЦИРОВАНИЕ АЗОТНОКИСЛОТНОЙ ВЫТЯЖКИ МИКРОЭЛЕМЕНТАМИ

В северных районах России гармонично сочетается выращивание овощных культур в открытом грунте и теплицах. Однако суровый климат не позволяет получать хорошие урожаи, и производство овощей является сезонным и высокозатратным.

Интенсификация тепличного овощеводства направлена на возможно более полное удовлетворение биологических требований культур в условиях произрастания к теплу, свету, влаге, воздуху, включая оптимизацию питания.

В последние годы используются малообъемные технологии выращивания овощных культур, основанные на системе капельного полива и питания, подаче их в зону корней. Успешному внедрению таких технологий взамен существующих грунтовых без существенной реконструкции теплиц способствуют: получение более высокой (на 30–50%) урожайности экологически чистой продукции хорошего качества при меньших затратах труда и средств, т.к. отпадает необходимость в проведении предпосадочной дезинфекции и применения гербицидов; экономия энергии и тепла за счет меньших объемов обогрева субстрата; резкое снижение расходов воды на промывку грунта; снижение затрат на оптимизацию микроклимата и др.

Для улучшения питательных свойств поливочных растворов в них вводят макро- и микроэлементы [1–5].

При недостаточном или избыточном количестве отдельных элементов в поливочном растворе возможно изменение товарного вида плодов, ухудшение качества, проявление физиологических нарушений, из-за чего вероятны неинфекционные заболевания.

Целью наших исследований было изучение влияния элементов Zn, Cu, Mo, Fe и Mg на устойчивость системы азотнокислотной вытяжки (АКВ) с ПФА (полифосфатом аммония) и без него, установление концентрации этих ионов и времени, в течение которого не происходит выпадение осадков.

Цинк способствует поступлению через листья углекислоты, т.е. фотосинтезу, активизирует многие ферменты, сказывается на ростовых процессах, азотно-углеводном обмене. Недостаток его ведет к появлению желтой пятнистости и розеточности листьев, опадению цветков и завязей, избыток – к общей задержке роста, некрозу кончиков листа, уродливости корней. Оптимум цинка в листьях – 30–80 мг/кг.

Медь важна для регуляции жизненно-важных функций, таких, как дыхание, нормальный водный режим, углеводный и азотный превращения, устойчивость к грибковым болезням, временным изменениям (против оптимума) температур. Недостаток меди приводит к падению тургора, побелению кончиков листьев, медленному образованию семян в плодах, избыток – к хлорозу и последующему опадению листьев. Хорошее медь-питание улучшает качество плодов. Содержание меди в листьях к началу плодоношения – 8–12 мг/кг сухого вещества.

Магний необходим растениям в течение всей жизни, особенно в начале их развития и в период плодоношения. Магний всегда содержится в растениях, т.к. входит в состав молекул хлорофилла и пектинов, активирует многие ферменты, стимулирует поступление фосфора из почвы и его усвоение растительными организмами, обеспечивает (вместе с кальцием и марганцем) стабильность в клетках структуры хромосом и коллоидных систем, повышает защитные реакции, например, засухоустойчивость. Магний поглощается корнями растений главным образом как катион Mg^{2+}, и в растении остается преимущественно в ионной форме. При недостатке магния в сельскохозяйственных культурах (менее 0,2% оксида магния на сухую массу) усиливается активность пероксидазы, снижается содержание аскорбиновой кислоты и глюкозы. Это вызывает так называемое магниевое голодание – хлороз и мраморность листьев.

Молибден – жизненно-важный элемент, активизирующий азотные превращения, а том числе

© В.Г. Артеменко, О.П. Акаев, Т.И. Озерова, И.А. Романова, Ю.В. Семенова, 2006

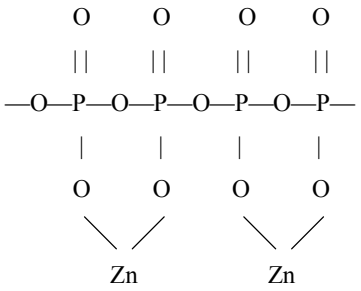

Рис. 1.

превращение солей аммония в нитроформу, участвует в синтезе нуклеиновых кислот, дыхании, фотосинтезе. Дефицит молибдена приводит к деформации, отмиранию стебля, изменению его окраски до красновато-буровато-зеленого, а листьев – до светло-зеленого цвета, избыток – к хлорозу и некрозу старых листьев, засыханию их кончиков. В листьях к плодоношению содержится около 1 мг/кг сухого вещества.

Железо сказывается на содержании хлорофилла в листьях, деятельности систем, определяющих интенсивность дыхания. Недостаток железа ведет к хлорозу молодых листьев (без отмирания тканей), устранение дефицита повышает продуктивность фотосинтеза.

Введение микроэлементов Zn, Cu, Mo, Mg в раствор АКВ проводили в два этапа: с полифосфатом аммония (2%) и без него.

В результате предыдущих исследований установлено, что раствор АКВ с 2% ПФА устойчив в течение 9 дней. Медь, цинк, магний и молибден вводили в виде солей $Cu(OH)NO_3$, $Zn(NO_3)_2$, $Mg(NO_3)_2.6H_2O$, $(NH_4)_6Mo_7O_{24}.4H_2O$.

В Таблице 1 приведены данные о времени выпадения осадков с различным содержанием ионов Zn^{2+} в АКВ с ПФА и без ПФА.

Как видно из экспериментальных данных (табл. 1), увеличение концентрации ионов Zn^{2+} приводит к стабилизации системы. Время, в течение которого выпадает осадок, увеличивается. Причем, в растворах с содержанием 2% ПФА время выпадения осадков в 2 раза больше по сравнению с аналогичным раствором без ПФА. Очевидно, это связано с образованием полифосфатов цинка, обладающих хорошей растворимостью (рис. 1).

Таким образом, увеличение концентрации ионов Zn^{2+} и добавление к раствору АКВ 2% ПФА приводит к стабилизации системы.

Экспериментальные данные по влиянию концентрации ионов Cu^{2+} на содержание P_2O_5 и CaO в растворе приведены в Таблице 2.

По данным таблицы 2 строим графики (рис. 2 и рис. 3).

Как видно из результатов эксперимента, концентрация меди до 4% практически не влияет на содержание P_2O_5 и CaO в растворе. С увеличением концентрации меди от 4 до 6% содержание P_2O_5 и CaO в растворе резко уменьшается (до 13,3 и 8,43% соответственно). Можно предположить, что в осадок выпадают фосфаты кальция, что и подтвердил химический анализ осадка: 41,3% фосфора (в пересчете на P_2O_5), 17,4% кальция (CaO) и 3,3% меди.

Результаты эксперимента по влиянию различных концентраций молибдата аммония на устойчивость раствора АКВ свидетельствуют о том, что до 0,054% молибдена раствор устойчив, осадок не выпадает. После 0,07% молибдена содержание P_2O_5 и CaO в растворе резко уменьшается (с 15,16 до 13,45% и с 9,0 до 6,2% соответственно), что свидетельствует о выпадении в осадок ортофосфата кальция (рис. 6, 7). Это наблюдалось и ви-

Таблица 1

Зависимость времени выпадения осадков из раствора АКВ от концентрации ионов Zn^{2+} с ПФА и без ПФА

№ пробы	Концентрация ионов цинка, г/л	Время выпадения осадка, сутки	
		без ПФА	с ПФА
1	1,09	10	20
2	2,19	14	28
3	6,56	18	36
4	10,94	22	40
5	15,32	25	50
6	19,70	30	-
7	24,07	34	-
8	26,26	38	-

Таблица 2

Содержание P_2O_5 и CaO в растворах АКВ с различной концентрацией меди

ω(Cu^{2+}) с ПФА, %	ω(P2O5), %	ω(CaO), %
0	15,14	8,974
0,96	15,14	8,974
1,35	15,11	8,973
2,70	15,10	8,972
4,04	14,90	8,960
6,22	13,30	8,436
8,33	13,28	8,435

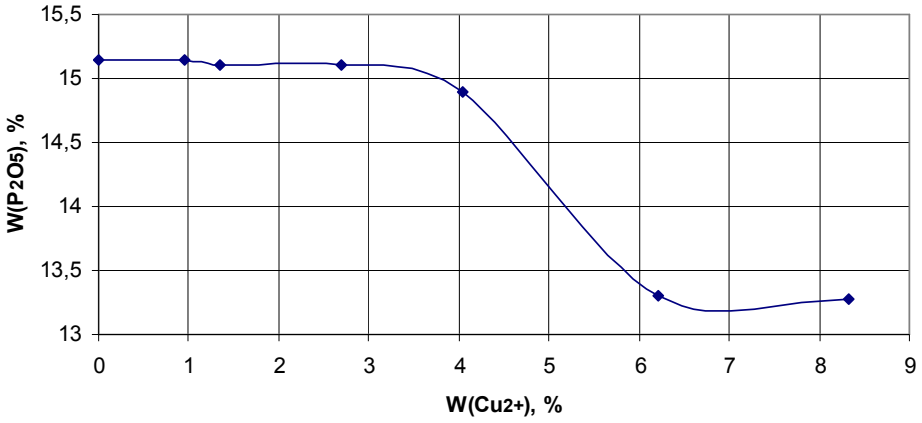

Рис. 2. График зависимости содержания орто-фосфатов от концентрации Cu^{2+} в растворе

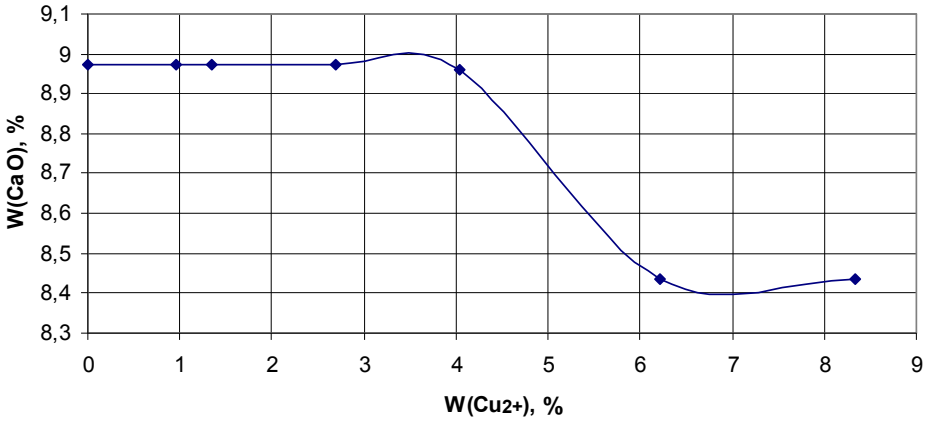

Рис. 3. График зависимости содержания CaO от концентрации Cu^{2+} в растворе

ω (Mo), %	Объем осадка, %
0,070	< 0,5
0,085	1,0
0,101	1,65

Рис. 4.

Состав осадка:	ω,%
CaO	19,77
P_2O_5	46,45
Mo	2,55

Рис. 5.

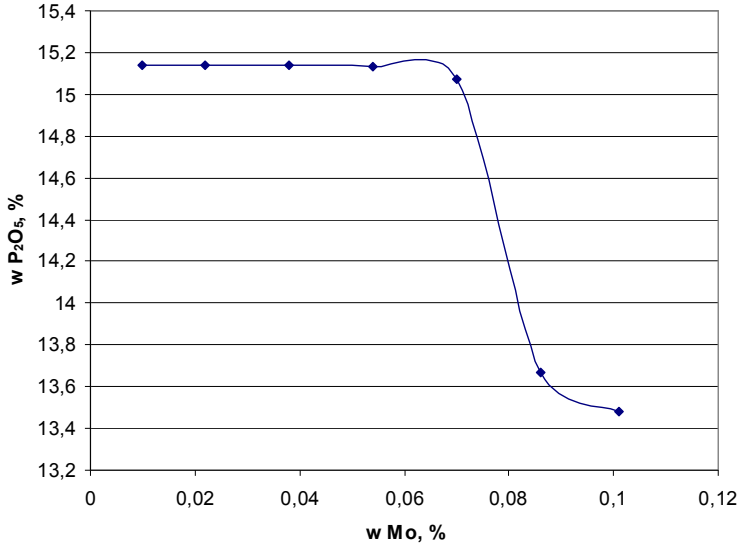

Рис. 6. Зависимость содержания орто-формы P_2O_5 от массовой доли молибдена в растворах

зуально: объем осадка по отношению к общему объему раствора с каждой последующей вводимой навеской молибдата аммония увеличивался в 1,5–2 раза (рис. 4).

Химический анализ осадка показал, что он состоит, в основном, из фосфатов кальция и молибдена (рис. 5).

Выпадение соединений молибдена и кальция в осадок можно объяснить следующим образом. Молибдат аммония всегда содержит избыток свободного кислотного оксида молибдена MoO_3, растворимость которого составляет 0,138 г/100 г воды. По мере его накопления в растворе образуются условия для конверсии P_2O_5 с последующим выпадением в виде орто-фосфатов кальция. Вводимый полифосфат аммония ведет себя как комплексон, образуя растворимые полифосфаты кальция и увеличивая при этом растворимость молибдата аммония с 0,054 до 0,12% (рис. 8). Освободившиеся ионы аммония увеличивают растворимость MoO_3, переводя его в молибдат аммония. Добавление ПФА значительно увеличивает время стабильности модифицированных растворов. Например, при концентрации вводимого молибдена выше 0,054% – с 9 до 30 дней, т.е. в 3,5 раза (табл. 3).

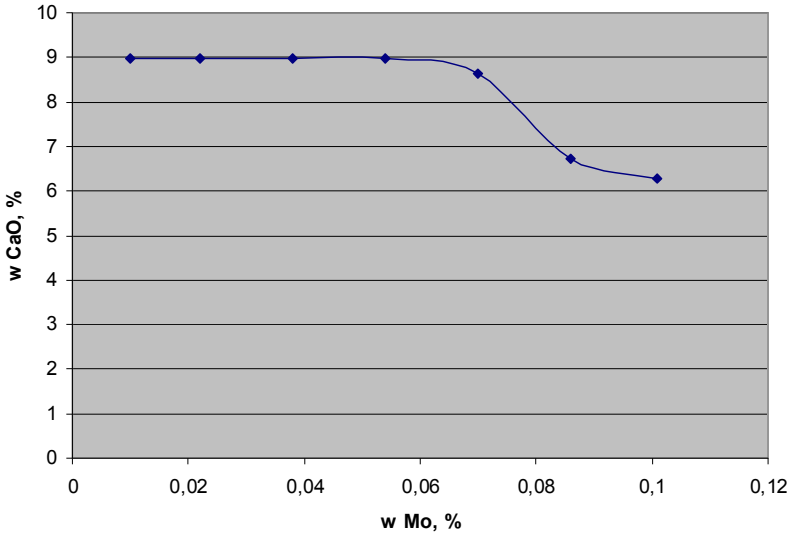

Рис. 7. Зависимость содержания CaO от массовой доли молибдена в растворах

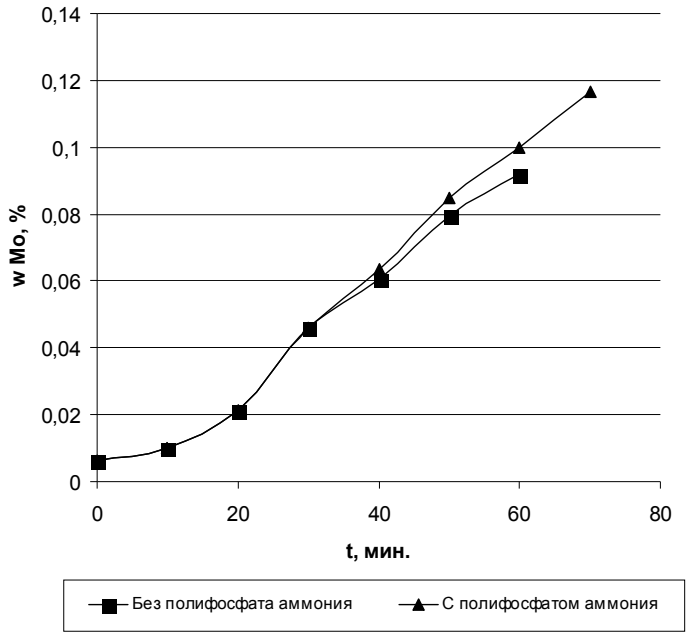

Рис. 8. Кинетика растворения молибдата аммония $(NH_4)_6Mo_7O_{24}\cdot 4H_2O$ в азотнокислотной вытяжке

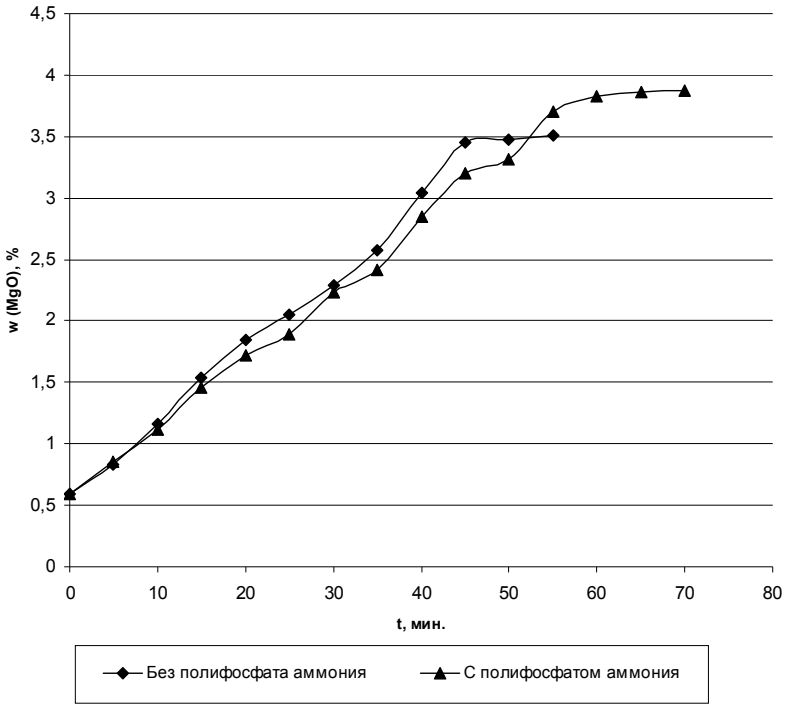

Рис. 9. Кинетика растворения нитрата магния $Mg(NO_3)_2\cdot 6H_2O$ в азотнокислотной вытяжке

Таблица 3

Время стабильности растворов АКВ при модифицировании молибдатом аммония

ω(Mo),%	Время стабильности (сутки)	
	без ПФА	с ПФА
0,006	30	30
0,022	30	30
0,038	30	30
0,054	9	30
0,069	6	26
0,085	1	26
0,101	1	26
0,12	0,5	24

Причем, чем выше концентрация молибдена, тем сильнее влияние ПФА на стабильность раствора.

Результаты эксперимента при введении нитрата магния в АКВ приведены на рисунке 9. Растворимость нитрата магния в АКВ без ПФА составляет 3,51%, с ПФА – 3,87%, т.е. отличается незначительно (Рис. 8).

В обоих случаях вышеуказанные концентрации нитрата магния соответствуют насыщению раствора АКВ этой солью. Введение ПФА практически не увеличивает время стабильности раствора АКВ при модифицировании его ионами магния. Оба раствора устойчивы в течение 30 дней.

Таким образом, увеличение концентрации ионов Zn^{2+} приводит к стабилизации системы, что, очевидно, связано с образованием полифосфатов цинка, обладающих хорошей растворимостью. Концентрация меди до 4% практически не влияет на стабильность системы. С увеличением концентрации меди от 4 до 6% содержание P_2O_5 и CaO в растворе резко уменьшается, что связано с выпадением в осадок фосфатов кальция и меди.

Введение ПФА в раствор АКВ значительно увеличивает время стабильности растворов с содержанием ионов молибдена свыше 0,07%. Введение нитрата магния практически не влияет на стабильность растворов с ПФА и без ПФА.

Библиографический список

1. *Школьник М.Я., Макарова Н.А.* Микроэлементы в сельском хозяйстве. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1957 .

2. *Ладухин А.Г., Смирнова Ю.В.* Применение внекорневых обработок минеральным комплексом серии «Акварин» в посевах клевера лугового // Материалы 55-ой Международной научно-практической конференции. Актуальные проблемы науки в агропромышленном комплексе. – Т. 11. – Кострома, 2004.

3. *Уманский Р.И., Ладухин А.Г.* Влияние минеральных водорастворимых комплексов серии «Акварин» на продуктивность яровой пшеницы // Материалы 55-ой Международной научно-практической конференции. Актуальные проблемы науки в агропромышленном комплексе. – Т. 11. – Кострома, 2004.

4. *Смоленцев А.Ю., Орлова В.Т.* Использование химических соединений в качестве стимуляторов роста растений // Материалы межвузовской научно-практической конференции. Актуальные проблемы науки в агропромышленном комплексе. – Т. 1. – Кострома, 2002.

5. *Батяхина Н.В.* Использование микроэлементов на зерновых культурах // Материалы научно-методической конференции. Актуальные проблемы и перспективы агропромышленного комплекса. – Иваново, 2005.

Е.М. Желудова

ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И МОНИТОРИНГА РЕДКИХ ВИДОВ ПАПОРОТНИКОВ НА ПРИМЕРЕ *POLYSTICHUM BRAUNII* (SPENN.) FEE

Папоротники – одна из древнейших и наиболее многочисленная в современную эпоху группа среди высших споровых растений. В настоящее время известно 10,5–11,3 тыс. видов папоротников (Roos, 1996).

Первые ископаемые формы папоротников обнаружены примерно 380 млн. лет назад в середине девона. Однако большинство современных видов папоротников появляются лишь в перми (290–250 млн. лет назад) и достигают расцвета только в верхнем мелу (90 млн. лет назад) и палеогене (65 млн. лет назад) [12].

Сейчас наибольшее видовое разнообразие папоротников сосредоточено в тропиках Старого и Нового Света, где климат кардинально не менялся во все предыдущие исторические эпохи [22]. Около 80% всех известных видов папоротников встречается именно в тропических и экваториальных областях, занимающих всего 15% суши [21].

В умеренных областях преобладают виды, имеющие широкий ареал, а также полиморфные виды, особи которых могут резко отличаться по внешнему облику. Эндемизм, то есть распространение и приуроченность видов к ограниченному району, у папоротников очень низкий. Например, среди папоротников Южной Сибири широкоареальных видов – 41, а эндемичных – всего два [3].

Обычно считают, что широкие ареалы папоротников объясняются, во-первых, тем, что они расселяются спорами, а, во-вторых, древностью их существования, за время которого они могли расселиться на большой площади. Расстояние разлета у спор папоротников колеблется от совсем короткого, непосредственно под спорофитом, до очень большого, в несколько сотен километров [13]. Одна вайя, в зависимости от вида папоротника, может продуцировать от 750 тысяч до 750 миллионов спор [20]. Однако видов с широким распространением среди папоротников не так много, гораздо больше видов, имеющих широкий, но дизъюнктивный (разорванный) ареал.

Примером особенно широкого распространения у папоротников является орляк обыкновенный (*Pteridium aquilinum*). Это один из немногих, среди наземных сосудистых растений, видов космополитов. Он распространен от экватора до полярного круга и южных широт Новой Зеландии. При этом во многих частях своего обширного ареала орляк – растение обычное, произрастающее массово [16].

Противоположностью широкому распространению, приближающемуся к космополитному, является узкая локализация произрастания вида в каком-нибудь небольшом, иногда предельно ограниченном районе. Например, тирсоптерис элегантный (*Thyrsopteris elegans*) – эндемичный древовидный папоротник, растет только в одном месте на земле – в лесах островов Хуан-Фернандес, в Тихом океане недалеко от побережья Южной Америки [1].

Древние виды имеют обширные, но часто фрагментированные ареалы, состоящие из удаленных друг от друга мест обитания. Вследствие изменений природной среды или антропогенных воздействий на протяжении третичного и особенно четвертичного периодов сплошные ареалы папоротников оказались разорванными на отдельные фрагменты. Ареал осмунды королевской (*Osmunda regales*), древней формы эуспорангиатных папоротников, широкий, но разорванный, захватывающий Западную Европу, Черноморское побережье Кавказа, Северную и Южную Америку, Юго-Западную Индию [16].

Более широко распространен случай, когда ареал обширный, местообитаний много, но каждое изолировано, нет контакта с другими местообитаниями того же вида и потому нет возможности обмена спорами. Такие местообитания уподобляются, в известном смысле, островным флорам.

В настоящее время очень остро стоит вопрос о принципах выделения редких видов растений. Особенно для папоротников с дизъюнктивными ареалами такое выделение связано с существенными трудностями. Если обширный ареал папоротника сильно фрагментирован, то мы, изучая его на большой по площади территории, со значительным разнообразием природных зон и биотопов, не можем считать данный вид редким. Но, когда мы переходим к изучению небольших территорий (областей, краев), то подобные виды папоротников часто становятся редкими, нуждающимися в охране.

© Е.М. Желудова, 2006

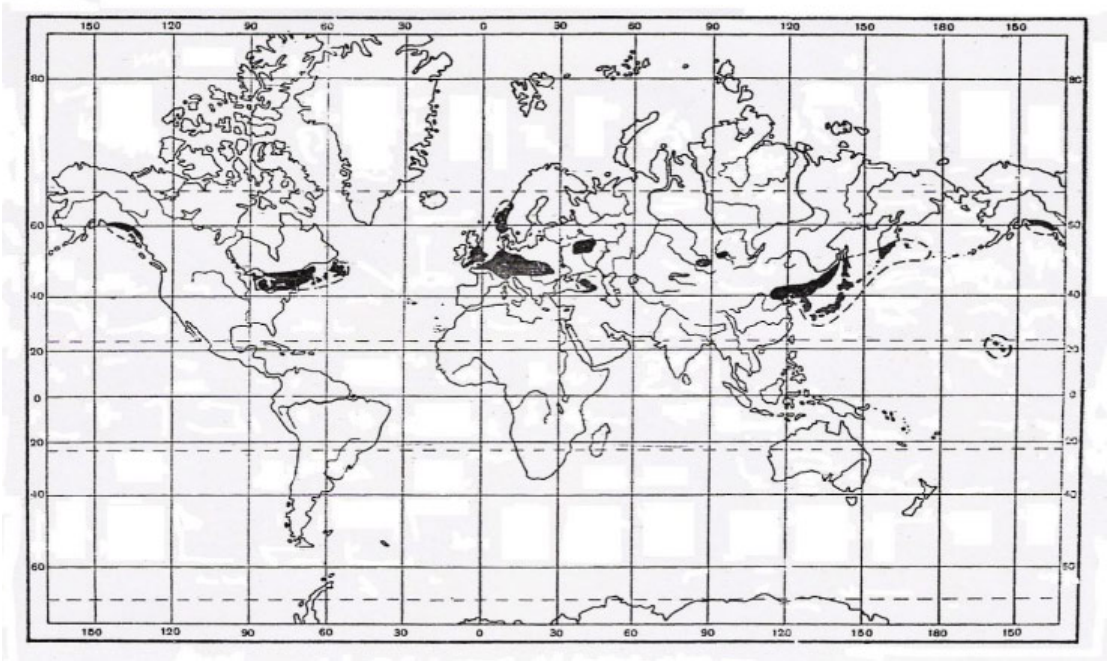

Рис. 1. Ареал *Polystichum braunii* (по Гричук, Моносзон, 1971)

Примером может служить *Polystichum braunii* – папоротник с широким голарктическим распространением со значительными дизъюнкциями в ареале [2]. Северо-американский участок его ареала (рис. 1) охватывает восточную часть континента: провинции Онтарио, Квебек и Ньюфаундленд, южнее – в Миннессоте, Висконсине, Мичигане, горах Пенсильвании и северозападе штата Массачусетс, а затем, после большого перерыва, встречается на западе континента – на Аляске и Алеутских островах (рис. 1).

В Евразии *P. braunii* распространен от юго-западной Скандинавии на севере до Испании на юге, в горах Средней Европы, в Прибалтике, на возвышенностях Восточно-Европейской равнины, на Кавказе, в Северном Иране, затем после значительной дизъюнкции – в горах Южной Сибири и вновь после значительной дизъюнкции – на Дальнем Востоке России, Японии, Корее, Китае [3]. На всем протяжении своего обширного ареала *P. braunii* во многих районах не является редким растением. Например, в Средней Сибири, Китае, на Алтае, горах Краснодарского края – это обычный широко распространенный вид. Но на равнинах Восточной Европы *P. braunii* становится редким видом, так как присутствует только в отдельных местонахождениях, которые отстоят далеко друг от друга, т.е. его ареал фрагментируется.

В настоящее время местонахождения *P. braunii* в средней полосе Европейской части России, приуроченные главным образом к глубоким оврагам и речным долинам, исчезают из-за массового дачного строительства в этих живописных местах. И здесь вид, несомненно, принадлежит к числу редких растений и требует охраны. Так, в предвоенные годы (1891 – 1923 гг.) по данным гербарных сборов (MW) в районе Фили-Кунцевского лесопарка города Москвы данный вид был весьма обычным и относительно многочисленным. А в 1994 г. Л.А. Дейстфельдтом и Ю.А. Насимовичем (MHA) и в 2003 г. Ли Цзюань (2005) там было обнаружено всего три экземпляра *P. braunii*.

В Смоленской области, да и в других регионах средней полосы России, *P. braunii* находится далеко за пределами своего экологического оптимума. К сожалению, в Красной книге Смоленской области (1997) *P. braunii* не упоминается в числе видов, рекомендуемых к охране. Он включен в Красные книги Московской (1998), Ленинградской (2000), Рязанской (2002), Тверской (2002) и Калужской (2006) областей.

Согласно литературным и гербарным данным, в Смоленской области известно только одно местонахождение *Polystichum braunii* – в Темкинском районе, в северной излучине р. Угры. Здесь между г. Вязьмой и пос. Темкино, по левому берегу р. Угры, близ устьев речек Жижалы и Вороновки в 1978 и 1998 годах его собирал А.К. Скворцов [14]. Редкая встречаемость объясняется тем, что данный вид имеет очень узкую экологическую амплитуду. Растет в тенистых оврагах, выходящих к реке, на рыхлой незадерненной, с внутрипочвенным подтоком грунтовых вод, известняковой почве. В Смоленской области подобных мест, подходящих для его произрастания очень мало. Ландшафт области представляет собой на большей части слабо всхолмленную и волнистую равнину.

Мы наблюдали *Polystichum braunii* в августе 2003 года в Темкинском районе в 3 км к юго-западу от д. Рассолово, в северной излучине р. Угры, примерно там же, где его обнаружил А.К. Скворцов в 1978 году. Здесь *P. braunii* произрастает в глубоких оврагах, в нижних и частично в средних их частях. В этих оврагах растут широколиственные леса. Древесный ярус образован *Tilia cordata*, *Ulmus laevis,* с примесью *Picea abies, Acer platanoides, Quercus robur* (6Ли4Вя+Ел+Кл+Д), сомкнутость крон 0,6–0,7, высота деревьев 19–23 м, диаметр стволов 17–30 см. Подлесок разреженный из *Lonicera xylosteum* и *Padus avium*. В травяном покрове с общим проективным покрытием 75–80 % преобладают *Carex pilosa* и *Galeobdolon luteum,* значительно участие *Chrysosplenium alternifolium, Asarum europaeum, Aegopodium podagraria, Mercurialis perennis, Oxalis acetosella, Campanula latifolia, Equisetum hyemale*. Моховой покров не развит.

Polystichum braunii – короткокорневищный вертикальнорозеточный хамефит со слабо кожистыми зимующими листьями [18].

Оценка экологических условий по шкалам Д.Н. Цыганова (1983) показала, что в Смоленской области *Polystichum brauniii* произрастает в условиях влажнолесолугового типа увлажнения, на слабокислых, довольно богатых, средне обеспеченных азотом почвах.

Polystichum brauniii стеновалентен по двум факторам: увлажнения почв и солевого режима [17], что определяет узкие адаптационные возможности его популяций.

Для анализа популяции *Polystichum braunii* исследовали всю генеральную совокупность особей в ценозе и учетные площадки, размером 1 м^2, закладывали в виде совокупности трансект. На площадках провели учет и сплошное картирование особей *P. braunii*. Учитывая то, что *P. braunii* в Средней России принадлежит к числу редких видов растений, мы определяли онтогенетические состояния спорофитов непосредственно в полевых условиях, изучая морфологические показатели надземных органов: общее очертание пластинки вайи, форму перышек, способность к спороношению. Более точно это можно было бы сделать с учетом структуры подземных органов, как делали Н.Н. Лащинский и Н.И. Шорина (1985), но такой метод был неприемлем, поскольку нанес бы ущерб изучаемой популяции *P. braunii*, которая и так малочисленна. Подземные части исследовали только у крупных старых спорофитов, прощупывая их корневища вручную.

В качестве счетной единицы использовали морфологически целостную особь – генету [19], поскольку *P. braunii* вегетативно неподвижен и размножается только спорами.

При выделении онтогенетических состояний спорофитов *Polystichum braunii* мы придерживались схемы, предложенной Н.Н. Лащинским и Н.И. Шориной (1985), которые выделяют следующие онтогенетические состояния: *ювенильные спорофиты* (j_1, j_2, j_3) — летнезеленые растения, отличающиеся небольшими размерами (2–15 см), слабо выраженным тонким горизонтальным корневищем, с 1–3 вайями с однажды и дважды перистыми, ланцетными и треугольно-ланцетными пластинками; сегменты перьев туповатые, приросшие к рахисам широким основанием, зубчики по их краю с оттопыренными волосками; *имматурные* (im) — растения с вертикальным корневищем, имеющие по три довольно крупные кожистые вайи с узколанцетными, дважды перисторассеченными пластинками; форма сегментов перьев похожа на таковую у ювенильных растений, но гораздо сильнее развит покров из светло-бурых пленчатых чешуек; *взрослые неспороносящие* (v) — растения с мощным корневищем и 3–4 крупными дважды перистыми продолговато-ланцетными вайями; сегменты перьев прикрепляются к рахису узким черешочком и имеют в основании характерную направленную вперед заостренную долю, волоски по краю сегментов слегка оттопыренные; *молодые спороносящие* (sp_1) — несут 3–5 крупных вай, в верхней трети которых возникают сорусы,

по 5–6 в каждом сегменте; характерные направленные вперед зубовидные доли в основании сегментов делаются еще заметнее; *зрелые спороносящие* (sp_2) — имеют 5–6 (до 8) крупных вай с обильным спороношением, охватывающим примерно 3/4 их длины, по 6–8 сорусов на каждом сегменте; волоски по краю сегментов перьев направлены вперед и плотно прижаты к краю, образуя вокруг сегмента своеобразную кайму; *старые спороносящие* (sp_3) — довольно крупные особи с 5–7 вайями, спороношение ослаблено и охватывает перья лишь самой верхушки вайи, число сорусов на сегментах перьев сокращается до 5–6; *субсенильные* (ss) и *сенильные спорофиты* (s) — растения с мощным, но сильно разрушенным корневищем и 2–3 небольшими вайями, форма и размеры которых напоминают имматурные, спороношение отсутствует.

В условиях Средней Сибири жизненный цикл спорофита *P. braunii* длится более 50 лет и первые его этапы протекают медленно: лишь к 11–12 годам жизни растение достигает имматурного, а к 20 годам взрослого состояния. Спороношение начинается в возрасте 20–25 лет [18].

По нашим наблюдениям *P. braunii* растет единичными особями или небольшими группами. Численность растений многорядника Брауна составила всего 25 особей, что говорит о низкой плотности особей в популяции (0,22 ос./м^2).

Онтогенетический спектр популяции *P. braunii* бимодальный (двухвершинный), почти полночленный, отсутствуют лишь субсенильные (ss) и сенильные (s) особи. Два максимума приходятся на ювенильные (16 %) и зрелые спороносящие (28 %) особи (Рис. 2).

О жизненности особей *P. braunii* мы судили по величине морфометрических показателей спороносящих растений (sp_1, sp_2, sp_3), поскольку именно они оказывают наибольшее влияние на ценоз, а изменение условий в ценозе отражается в основном на их жизненном состоянии. Спороносящие особи разделяли по жизненному состоянию на слаборазвитые (*vit* 1), среднеразвитые (*vit* 2) и мощноразвитые (*vit* 3). При этом учитывали количество вай на 1 особь, длину наибольшей вайи с черешком (без филлоподия), ширину пластинки вайи, интенсивность спороношения (участок пластинки вайи, несущий сорусы). На основании этих показателей составлена шкала для определения уровней жизненности (табл. 1).

Согласно нашим результатам, высокий уровень жизненности (*vit* 3) имеют сравнительно мало спорофитов – 27,8 %, преобладают особи со средним баллом жизненного состояния (*vit* 2) – 66,7 %, также отмечены растения с низким уровнем виталитета (*vit* 1) – 5,5 %.

Интересно, что в этой популяции *P. braunii* Ли Цзюань (2005) была изучена генетическая струк-

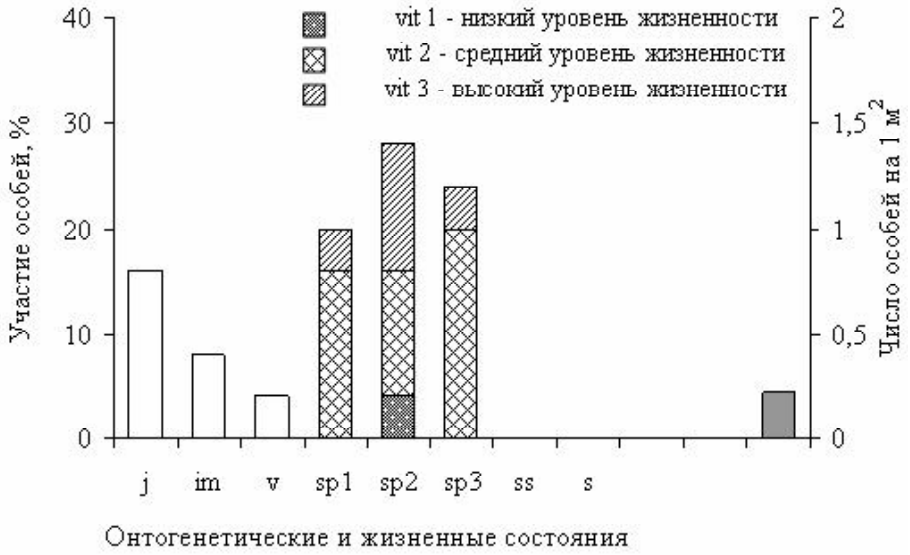

Рис. 2. Виталитетно-онтогинетический спектр и плотность популяции Polystichum braunii в вязово-липовом зеленчуково-волосистоосоковом лесу

Таблица 1

Шкала уровней жизненности спороносящих спорофитов *Polystichum braunii*

Морфологические признаки	Онтогенетические состояния								
	sp_1			sp_2			sp_3		
	vit 1	*vit* 2	*vit* 3	*vit* 1	*vit* 2	*vit* 3	*vit* 1	*vit* 2	*vit* 3
Количество вай на 1 особь	≤ 3	3–5	5–7	2–5	5–8	6–8	≤ 5	5–7	6–8
Длина вайи с черешком (без филлоподия), см	10–29	29–48	48–65	22–45	45–65	65–90	19–36	36–55	55–70
Ширина пластинки вайи, см	2–6	6–11	11–16	7–10	10–15	14–20	4–8	8–13	13–19
Интенсивность спороношения (в долях от общей длины пластинки вайи)	≤ 1/6	1/6–1/3	1/3–2/5	1/4–2/5	2/5–1/2	1/2–3/4	≤ 1/4	1/4–1/3	1/3–2/5

Примечание: *vit* 1 (низкий), *vit* 2 (средний), *vit* 3 (высокий) – уровни жизненности

тура методом RAPD. Уровень генетического полиморфизма не достаточно высок и составляет 37 %, что указывает на уязвимость популяции в случае неожиданных изменений внешних условий, которые могут резко сократить ее численность.

Итак, в Смоленской области пока известно только одно местонахождение *Polystichum braunii* – в Темкинском районе, в северной излучине р. Угры. Эта популяция, по нашим данным, малочисленна, имеет неполночленный онтогенетический спектр (отсутствуют субсенильные и сенильные особи), в ней преобладают спорофиты среднего уровня жизненности. Самоподдержание данной популяции в настоящее время осуществляется, прежде всего, за счет большой длительности жизни растений. Экологические ниши (стволы, пни, валеж), оптимальные для прорастания спор, отсутствуют.

Мы зафиксировали современное состояние популяции *P. braunii* в Смоленской области. По всей вероятности, существенных изменений в структуре этой популяции, с тех пор как ее обнаружил в 1978 году А.К. Скворцов, не произошло. В дальнейшем было бы желательно проводить повторные наблюдения за состоянием данной популяции с интервалами в 5–10 лет. Полученные при таком мониторинге результаты послужат базой для выявления динамики популяционной жизни не только *P. braunii*, но и других растений, имеющих фрагментированный ареал.

Выводы

1. Популяция *Polystichum braunii* в Смоленской области, как пока единственная на данной территории, требует неоднократных повторных наблюдений (мониторинга).

2. Полученные нами данные о современном состоянии популяции *P. braunii* (численности, онтогенетической и виталитетной структуре) могут служить отправной базой в организации такого мониторинга.

3. Мониторинг за популяциями растений с фрагментированными ареалами представляет особый интерес для понимания механизма их самоподдержания.

Библиографический список

1. *Гладкова В.Н.* Семейство асплениевые (Aspleniaceae) // Жизнь растений. Т. 4. Мхи. Плауны. Хвощи. Папоротники. Голосеменные растения / Под ред. И.В. Грушвицкого, С.Г. Жилина. – М.: Просвещение, 1978. – С. 222–237.

2. *Гричук В.П., Моносзон М.Х.* Определитель однолучевых спор папоротников из семейства Polypodiaceae R. Br., произрастающих на территории СССР. – М.: Наука, 1971. – 126 с.

3. *Гуреева И.И.* Равноспоровые папоротники Южной Сибири. Систематика, происхождение, биоморфология, популяционная биология. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – 158 с.

4. Красная книга Калужской области. – Калуга: Золотая аллея, 2006. – 608 с.

5. Красная книга Московской области. – М.: Аргус, Рус. ун-т, 1998. – 560 с.

6. Красная книга природы Ленинградской области. Т. 2. Растения и грибы. – СПб.: Мир и Семья, 2000. – 672 с.

7. Красная книга Рязанской области: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения грибы

и растения. – Рязань: Узорочье, 2002. – 264 с.

8. Красная книга Смоленской области: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений. – Смоленск: Изд-во СГПИ, 1997. – 295 с.

9. Красная книга Тверской области. – Тверь: ООО «Вече Твери», ООО «Издательство АНТЭК», 2002. – 256 с.

10. *Лащинский Н.Н., Шорина Н.И.* Онтогенез спорофита и структура ценопопуляций *Polystichum braunii* (Spenn.) Fee в черневой тайге Салаирского кряжа // Изв. СО АН СССР. Сер. биол. наук. – 1985. – Вып. 2. – № 13. – С. 35–44.

11. *Ли Цзюань.* Популяционная экология и генетический полиморфизм ценопопуляций *Polystichum braunii* (Spenn.) Fee (Dryopteridaceae) в России и в Китае в связи с проблемой биоразнообразия: Автореф. дис. … канд. биол. наук. – М., 2005. – 18 с.

12. *Мейен С.В.* Основы палеоботаники. – М.: Недра, 1987. – 403 с.

13. *Науялис И.И.* Факторы возникновения гаметофитов папоротников в природе // Бот. журн. – 1989. – Т. 74. – № 6. – С. 844–852.

14. *Скворцов А.К.* Прогресс в изучении флоры западных областей нечерноземного центра РСФСР (Брянской, Калужской и Смоленской) // Состояние и перспективы исследования флоры средней полосы европейской части СССР (Материалы совещ. Дек. 1983 г.). – М., 1984. – С. 10–14.

15. *Скворцов А.К.* Материалы к флоре Смоленской области // Бюл. МОИП. Отд. биол. – 1998. – Т. 103. – Вып. 2. – С. 44–52.

16. *Толмачев А.И.* Введение в географию растений. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 244 с.

17. *Цыганов Д.Н.* Фитоиндикация экологических режимов в подзоне хвойно-широколиственных лесов. – М.: Наука, 1983. – 198 с.

18. *Шорина Н.И.* Экологическая морфология и популяционная биология представителей подкласса Polypodiidae: Дис. … д-ра биол. наук. – М., 1994. – 359 с.

19. *Harper J.L.* Population biology of plants. – L.; N.Y.: Acad. Press, 1977. – 892 p.

20. *Page C.N.* Experimental aspects of fern ecology // The experimental biology of ferns. – London; New York; San Francisco: Acadsemic Press, 1979. – P. 551–589.

21. *Roos M.* Mapping the world's pteridophyte diversity – systematics and floras // Pteridology in perspective. – Kew: Royal Botanic Gardens, 1996. – P. 29–42.

22. *Tryon R.M.* Fern speciation and biogeography // Proc. Roy. Soc. Edinburgh, 1985. – B. 86. – P. 353–360.

Л.В. Мурадова, М.В. Сиротина

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ И АДАПТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОРОВ КОСТРОМСКОЙ ПОРОДЫ

Преамбула. *В статье представлены материалы исследования показателей продуктивности лучших коров в стаде ГПЗ «Караваево» и влияние на эти показатели различных генетических и паратипических факторов.*

Основу благополучия и прогресса любой породы составляет ее приспособленность, отражающая степень соответствия генотипа и среды. Продуктивность лишь производная приспособленности, а не основной и единственный селекционируемый признак. В практике животноводства под приспособленностью понимают способность животных проявлять высокую продуктивность на протяжении всей жизни в конкретных условиях производства. Поэтому реализация наследственного потенциала высокой продуктивности животных зависит от его адаптивного потенциала и условий внешней среды. Если условия кормления и содержания обеспечивают продолжительный срок хозяйственного использования высокопродуктивных животных, в породе будет сохраняться и накапливаться концентрация аддитивных генов, детерминирующих продуктивные признаки [1]. При непостоянных условиях среды только животные с высоким адаптивным потенциалом способны удержать высокую продуктивность и воспроизводительные качества.

В стаде ГПЗ «Караваево» за последние 20 лет резкий спад продуктивности, связанный с неблагоприятными условиями внешней среды, был в 1996 году. Средний удой по стаду в этот период составлял 3847 кг молока, расход кормов на 1 голову – 52,09 ц корм.ед. Несмотря на то, что условия кормления и содержания в этот период не

 © Л.В. Мурадова, М.В. Сиротина, 2006

Таблица 1

Показатели продуктивности лучших коров 1996 года в стаде ГПЗ «Караваево»

Группы по пожизненной продуктивности	Кол-во коров	Средний пожизненный удой, кг	Продолжит-ть хозяйственного использ., лакт.	Удой, кг на 1 дойный день	Средняя продолжит-ть сервис периода
До 60 000 кг	11	53535,6±968,5	7,27±0,4	19,53±0,7	179,5±12,2
Свыше 60 000 кг	9	68169±1130,9	9,44±0,5	19,66±0,4	174,4±18,7

отвечали физиологическим потребностям животных, в стаде были коровы, имеющие высокую продуктивность. Мы проанализировали данные 20 лучших коров 1996 года (табл. 1), у которых средний удой за 305 дней лактации 1996 года был более 5000 кг молока, а пожизненная продуктивность составила от 48098 кг до 72468 кг молока.

По результатам данной таблицы видно, что коровы с пожизненной продуктивностью свыше 60000 кг молока на 29,8 % имели более продолжительный срок хозяйственного использования. В этой группе 44,4 % животных имели кровность по швицкой породе свыше 50 %. Коэффициент корреляции между пожизненной продуктивностью и продолжительностью сервис периода составил – 0,27. Количество дойных дней в среднем у коровы на одну лактацию было 384,1, при колебаниях этого показателя от 296,7 до 512,8 дойных дней.

При анализе причин выбытия лучших коров в стаде нами установлено, что 40 % животных выбывают по причине гинекологических заболеваний и абортов, т.е. высокая продуктивность отрицательно сказывается на состоянии репродуктивной системы, приводит к более продолжительному сухостойному и сервис периоду у высокопродуктивных коров. 25 % животных выбыли по причине заболеваний конечностей, 25 % по причине заболеваний органов пищеварения и печени.

Высокая молочная продуктивность – один из наиболее энергоемких процессов, в значительной мере характеризующий общую интенсивность различных метаболических реакций и секреторных функций животного. Поэтому высокопродуктивным животным для нормальной жизнедеятельности требуется гораздо больше энергоресурсов, чем средне- и низкопродуктивным. При недостатке энергии и белка в рационе, высокопродуктивные коровы расходуют собственные ресурсы, что приводит к их преждевременному выбытию из стада. Мы проанализировали продолжительность использования животных после 1996 года и установили, что 15 % коров последнюю лактацию закончили в 1996 году, 30 % – в 1997, остальные выбыли в течение последующих 4 лет (табл. 2).

Как показывают данные таблицы, 45 % животных выбыли из хозяйства практически сразу же после напряженного периода эксплуатации в 1996 году. Остальные животные имели более высокие удои в 1996 году и в последующие годы, т.е. их адаптивный потенциал был намного выше, что позволило им проявить генетический потенциал продуктивности как в неблагоприятный период, так и после него. При этом коэффициент корреляции между удоем в 1996 году и пожизненной продуктивностью у лучших коров составил 0,18.

Таблица 2

Характеристика выбывших коров

Год выбытия	Кол-во, %	Ср. удой по последней лактации, кг	Средний удой в 1996 г, кг	Основная причина выбытия
1996	15	4423,0	4423,0	100 % гинекол. заболевания
1997	30	4908,2	5158,5	66,7% гинекол. заболевания
1998	20	7778,5	6060,5	75% заболевания конечност.
1999	10	5166,5	5838,0	50% гинекол. заболевания, 50% заболевания конечност.
2000	15	7734,3	7262,0	33,3% забол. конечн., 33,3% забол. пищеварит. сист.
2001	10	7676,5	7781,5	50% гинекол. заболевания, 50% заболевания конечност.

Таблица 3

Коэффициент корреляции между показателями продуктивности коров и их родителей

	Удой М	Удой ММ	Удой МО
Средний удой за лактацию	0,27	0,18	**0,37**
Пожизненная продукт-ть	0,057	**0,095**	0,067
Срок хозяйственного использования	**-0,35**	-0,11	-0,27

В фенотипическом проявлении адаптивного потенциала определяющую роль играют адаптивные модификации, но основу способности определенным образом реагировать на внешние и внутренние факторы составляют наследственно обусловленные особенности. Проанализировав наследственную обусловленность продуктивности у лучших коров 1996 года, мы получили следующие данные (табл. 3).

Наибольшее влияние на продолжительность хозяйственного использования коров оказывает удой матерей, причем эта взаимосвязь отрицательная. На средний удой коров большее влияние оказывает удой матери отца, коэффициент корреляции 0,37. При сравнении удоя коров с удоем оцененных дочерей отца мы получили коэффициент корреляции 0,24. Это свидетельствует о наследственной обусловленности продуктивности и срока хозяйственного использования коров, причем проявление этой обусловленности варьирует и зависит от конкретных условий и уровня селекционной работы в хозяйстве.

Таким образом, результаты наших исследований показали, что в костромской породе крупного рогатого скота на базе ведущего стада ГПЗ «Караваево» накоплен богатейший генетический потенциал породы, который проявляется даже при недостаточно благоприятных условиях кормления и содержания, что свидетельствует о хорошей приспособленности животных и высоком адаптивном потенциале.

Библиографический список

1. *Охапкин С.К., И.М. Дунин, Ю.И. Рожков.* Селекция и эволюционный процесс. – М.: Изд-во ВНИИплем, 1995. – 218 с.

2. *Раушенбах Р.* Экогенез домашних животных. – М.: Наука, 1985. – 200 с.

Т.Л. Соколова

ВЛИЯНИЕ АНТРОПОГЕННОГО ФАКТОРА НА ЧИСЛЕННОСТЬ И БИОРАЗНООБРАЗИЕ ПОЧВЕННОЙ МЕЗОФАУНЫ ГОРОДСКИХ И ФОНОВЫХ БИОЦЕНОЗОВ

Преамбула. *Приводятся данные биоразнообразия и численности комплексов почвенной мезофауныфоновых и городских биоценозов.*

Почва представляет неотъемлемую важнейшую составную часть биосферы, в которой протекают многочисленные процессы трансформации и миграции вещества, являющиеся важнейшими звеньями биогеохимических круговоротов, осуществляющие связь между разными структурными компонентами биогеоценозов и биосферы в целом и определяющие их устойчивость [3]. Обладая высокой ёмкостью поглощения, почва является главным аккумулятором, сорбентом и разрушителем токсикантов. Почвенный покров предохраняет сопредельные среды от техногенного воздействия. Однако возможности почвы как буферной системы небезграничны. Аккумуляция загрязняющих веществ различного происхождения в почве приводит к изменению химического, физического и биологического состояния, деградации и, в конечном итоге, разрушению. Эти негативные изменения неизбежно сопровождаются воздействием почв на почвенные беспозвоночные (в первую очередь, на видовое разнообразие, продуктивность и устойчивость биоценозов в целом).

Важными индикаторами состояния окружающей среды является почвенная мезофауна, так как почва для них выступает как среда обитания в целом, и они могут взаимодействовать со многими компонентами своей экосистемы.

 © Т.Л. Соколова, 2006

Таблица 1

Биоразнообразие и численность (экз/м²) почвенной мезофауны в городских и фоновых (пригородных) биогеоценозах

Объект	Городские биоценозы			Фоновые биоценозы		
	березняк	смешанный лес	агроценоз	березняк	смешанный лес	агроценоз
1. Lumbricidae	1,8	1,8	3,5	5,4	3,4	4,4
2. Enchytraeidae	0,4	0,6	-	0,3	0,6	+
3. Diplopoda	+	0,6	0,3	1	3,04	0,5
4. Chilopoda	-	-	0,1	0,7	2,9	0,5
5. Личинки насекомых:						
Coleoptera	0,5	0,6	+	1,1	1,2	0,3
Diptera	0,4	+	0,4	1,1	+	47
6. Staphylinidae	-	-	-	+	0,2	0,3

Примечание: «+» – единичные экземпляры

Состав и структура почвенных компонентов мезофауны Костромы и Костромского Заволжья практически не изучены, что и послужило обоснованием выбора темы и объекта изучения. Нами изучены численность и видовое разнообразие почвенной мезофауны в городских и фоновых биоценозах. Отражена трофическая специфика и закономерности сезонной динамики этой группы педобионтов.

Разные авторы предлагают различные критерии оценки почвенной мезофауны. В России мезофауна – это среднего размера почвенные животные, от нескольких миллиметров до нескольких сантиметров [1]. Наибольшее значение в почве имеют дождевые черви (Lumbricidae), энхитреиды [2], многоножки, насекомые (преимущественно личинки).

При изучении почвенной мезофауны применялись общепринятые в почвенно-зоологических исследованиях методы послойной выборки почвенных проб размером 50×50 см в полевых условиях. Раскопки проводились три раза в сезон – весной, летом и осенью для изучения сезонных колебаний численности. Численность почвенных беспозвоночных определялась методом прямого учета – количество учитываемых объектов на единицу площади поверхности почвы (экз/м²). Исследования проведены в следующих биоценозах: березняк, смешанный лес и агроценоз в черте города Костромы и Антроповском районе, взятых в качестве фоновых биоценозов.

Для определения видового состава педобионтов использовались определительные таблицы, предложенные Б.М. Мамаевым [4], Т.С. Перель [5], О.В. Чекановской [6].

В результате изучения и классификации сборов почвенных беспозвоночных выявлены следующие почвенно-зоологические комплексы мезофауны, представленные геобионтами и геофилами: дождевые черви (Lumbricidae, Enchytraeidae) многоножки диплоподы (Diplopoda) и хилоподы (Chilopoda), личинки жесткокрылых (Coleoptera) и двукрылых (Diptera), стафилиниды (Staphylinidae) (табл. 1).

Структура доминирования мезофауны по численности в городских и фоновых биоценозах различна. Так, в городских биотопах доминантными группами являются, прежде всего, дождевые черви – Lumbricidae (47,7%), личинки насекомых (Insecta) (16,6%), многоножки (Miriapoda) – Diplopoda (16,5%) и Chilopoda (14,8%).

В фоновых биоценозах складывается иная картина: дождевые черви – Lumbricidae составляют 67,7%, личинки насекомых (Insecta) до 18%, на Enchytraeidae приходится 8,7% и Diplopoda – 4,6% соответственно. Кроме того, здесь выявлены представители Staphylinidae, составляющие 2,7% от общего числа почвенных беспозвоночных. Тогда

как в городе отмечены единичные экземпляры этой группы животных.

При рассмотрении всех учтенных педобионтов по основным доминантным группам зарегистрирована следующая особенность: численность и видовое разнообразие доминантных групп почвенной мезофауны в фоновых биоценозах выше по сравнению с городскими, в ряде случаев значительно. Так, в фоновых биотопах люмбрициды составляют до 34,5% (10 видов), многоножки – 5,9%; в то время, как в городских биотопах представителей семейства Lumbricidae выявлено – 18,7% (9 видов), а многоножки составляют 1,9%.

В сезонной динамике численности почвенной мезофауны наблюдалось два пика активности – в конце мая – начале июня и в конце августа. Изменения числа особей всех выявленных групп мезофауны сопряжены с сезонными колебаниями гидротермических условий и динамикой поступления и разложения органики в почвенных экосистемах. В течение сезона происходит перераспределение численности почвенных беспозвоночных между подстилкой и собственно почвой. В частности, наблюдаются сезонные вертикальные миграции дождевых червей, энхитреид, личинок насекомых.

Среди педобионтов обнаружены представители всех типов пищевой специализации: сапрофаги, фитофаги и зоофаги (хищники). Их доля в почвах городских и пригородных биоценозов заметно колеблется. Так, обилие сапрофагов характерно для почв фоновых (пригородных) биогеоценозов.

Таким образом, рекреационные нагрузки на городские и фоновые биоценозы сказываются на биоразнообразии и численности основных групп почвенной мезофауны. Максимальные показатели разнообразия и обилия установлены в фоновых биогеоценозах. В то время как антропогенные воздействия на экосистемы в черте города реорганизуют трофическую структуру почвенных беспозвоночных, сокращая долю сапрофагов в городских биотопах.

В.В. Кривошеин

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ОСЕТРОВЫХ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ТЕПЛОВОДНОЙ БИОТЕХНОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ

Преамбула. *Приводятся данные оценки роста и развития осетровых видов рыб и их гибридов выращиваемых в тепловодной аквакультуре на теплых сбросных водах Костромской ГРЭС.*

Видовые особенности осетровых рыб, условия выращивания, в том числе свойства среды, водной среды, продукционные свойства комбинированных кормов, определяют эффективность выращивания жизнеспособной посадочной молоди для зарыбления естественных и искусственных водоемов. Биологическая характеристика основных выращиваемых видов и их гибридных форм позволяет планировать ряд технологических показателей получения рыбопосадочного материала осетровых рыб.

Объектами товарного осетроводства в условиях Верхней Волги являются как чистые виды осетровых (белуга, русский и сибирский (ленский) осетры, шип, стерлядь), так и их гибриды – белуга × стерлядь (БС), белуга × бестер (ББС), белуга × шип (БШ), русский осетр × ленский осетр (РОЛО), шип × стерлядь (ШС), осетр × белуга (ОБ), осетр × бестер (ОБС) и другие. Эти объекты товарного выращивания характеризуются различными рыбоводно-биологическими показателями.

Выбор конкретного вида или гибридного генотипа осетровых рыб зависит от способа выращивания наиболее перспективными в тепловодной аквакультуре следует отнести бестера, белугу, ББС, русского и сибирского (ленского) осетров, шипа, стерляди и их гибридов. В результате специальных исследований была проведена оценка основных видов и их гибридных форм по рыбоводным показателям. Так белуга это самая крупная из семейства осетровых, проходная рыба, имеющая большую рыбохозяйственную ценность, как основной поставщик пищевой черной икры и осетрины. Основу питания этой рыбы в естественных условиях обитания составляет мелкая рыба: килька, вобла, бычки, сельдь. При искусственном разведении белуга характеризуется самым высоким темпом роста среди осетровых рыб (например к трем годам белуги достигают массы 2–3 кг). Товарное выращивание белуги наиболее эффективно проводить в бассейнах на теплых водах в монокультуре при

 © В.В. Кривошеин, 2006

высоких плотностях посадки и интенсивном кормлении искусственными гранулированными кормами. Русский осетр – крупная рыба семейства осетровых. Высокий темп роста, хорошие пищевые качества мяса определяют этого осетра как перспективный объект в товарном тепловодном осетроводстве. Выращивание русского осетра для пополнения запасов в естественных водоемах, а также для получения осетрины и черной икры, следует осуществлять в прямоточных бетонных бассейнах площадью 25–50 м^2 при кормлении и искусственными, гранулированными, полнорационными кормами. В зависимости от температурных условий уже на третий год рыбы достигают массы до 3 кг.

Из сибирских осетров наиболее перспективными следует считать ленского, амурского, сахалинского и байкальского. Характер питания сибирского осетра дают основание рассматривать их в качестве перспективных объектов товарного выращивания в индустриальной тепловодной биотехнологии. При искусственном разведении например Ленский осетр проявляет высокую толерантность к условиям среды и питания, обладает высоким потенциалом роста. Так трехлетки сибирского осетра достигают массы 2,5–4 кг.

Среди осетровых стерлядь – типично это типично пресноводный вид. Производители стерляди в естественных условиях созревают относительно быстро: самцы в 4–5 лет, самки в 6–7 лет. В тепловодных условиях самки созревают уже на второй–третий год жизни. Масса трехлетков стерляди составляет от 1 до 1,7 кг.

Шип каспийский находится под угрозой исчезновения. В естественных условия нерестится в верховьях рек при температуре воды в 15–20°С. Его численность в Каспийском бассейне среди осетровых менее 1%. В тепловодной аквакультуре этот вид осетровых представляет особый интерес как объект не только для его сохранения но и для получения различных форм наиболее продуктивных гибридов, а также для производства осетрины и икры. При выращивании на теплых водах у самок шипа выход икры достигает 22–25% от массы тела. Тогда как у других видов осетровых этот показатель гораздо ниже.

Гибридные формы осетровых. Практическое значение многих гибридов осетровых заключается в использовании гетерозиса, проявляющегося в ускоренном росте, повышенной жизнестойкости, раннеспелости. Экспериментальные исследования по изучению гетерозиса у осетровых и опыт, накопленный в рыбоводстве, свидетельствуют о перспективности разведении ряда межвидовых гибридов осетровых.

Эмбриональное развитие гибридов рыб протекает зачастую быстрее, чем у исходных видов. Наблюдается более высокая жизнеспособность и больший выход молоди гибридов при бассейновом выращивании. Для гибридных форм характерно раннее половое созревание, что связано, очевидно, с их быстрым ростом, так как известно, что половое созревание в большей степени коррелирует с размерами, чем с возрастом рыбы. Гетерозис, свойственный первому поколению гибридов, выражающийся в лучшей приспособляемости и жизнеспособности организмов, проявляется в разные периоды онтогенеза.

Приоритетный опыт гибридизации осетров разных видов принадлежит академику Ф.В. Овсянникову (1869). Им впервые была получена икра стерляди, оплодотворенная спермой осетра, севрюги, гибрида между осетром и стерлядью. С целью развития товарного осетроводства в 1949 г. в Саратовском отделении ВНИРО были начаты интенсивные исследования по получению гибридов от скрещиваний стерляди с осетром, стерляди с белугой и изучению их жизнестойкости а в 1956 г. впервые в истории осетроводства было получено жизнеспособное потомство от гибрида между стерлядью и севрюгой, спермой которого была оплодотворена икра стерляди (Николюкин Н.И., 1958). Дальнейшие исследования гибридизации осетровых показали возможность сочетания в их генотипах желательных качеств двух или нескольких видов. Так например, интенсивный рост проходных видов с пресноводностью, скороспелостью и вкусовыми качествами стерляди, указали на неодинаковую фертильность гибридов, связанную с использованием для скрещивания диплоидных видов (белуга, стерлядь, шип, атлантический осетр и другие) и видов, у которых число хромосом примерно вдвое больше (русский осетр, сибирский осетр и некоторые другие). Получение стерильных гибридов приобретает в последнее время особую актуальность в связи с выходом отечественного осетроводства на международную арену. Это поможет сохранить приоритет России в гибридизации осетровых и позволит учесть запрет в ряде стран на ввоз плодовитых экзотических рыб. К тому же стерильность может оказаться полезным качеством

объектов рыбоводства. У стерильных рыб не происходит замедление соматического роста в период начала созревания за счет энергетических затрат на развитие половых желез. Бестер (гибрид белуги со стерлядью) является основным объектом товарного осетроводства в тепловодных бассейнах. Данный гибрид быстро растет, обладает высокой жизнестойкостью и широкой пластичностью, что обусловлено проявлением гетерозиса. От белуги бестер унаследует хищнический инстинкт и высокие пищевые потребности, поэтому его сравнительно легко удается приучить к питанию искусственными кормами. От стерляди гибрид получает высокие пищевые качества осетрины и скороспелость. Так самцы бестера созревают на 3–4 год, а самки в возрасте 4–5 лет. По ряду морфологических признаков бестер занимает промежуточное положение между исходными родительскими видами. Бестер – эвритермная рыба: температурные границы его выращивания широки – от 0,5 до 30°С. Этот гибрид может жить как в пресной, так и в солоноватой воде. Бестер – донная рыба, избегающая сильно освещенных участков водоема. При товарном выращивании на теплой воде средняя масса трехлетков бестера достигает 3–4 кг. Интенсивное выращивание бестера осуществляется в бассейнах при использовании гранулированных полнорационных комбикормов. Близкой к белуге и бестеру скоростью роста отличается ББС, возвратный гибрид белуги получаемый от оплодотворения икры бестера спермой белуги или оплодотворения икры белуги спермой самцов бестера. Этот гибрид по многим признакам и чертам биологии напоминает белугу, который имеет 75% наследственности белуги и 25% стерляди. Преимущественно в скорости роста ББС по сравнению с материнским видом сохраняется и на более поздних стадиях развития. При товарном выращивании в бассейнах с теплой проточной водой ББС достигают массы до 4–5 кг за три года выращивания. Данный генотип имеет особое значение в осетроводстве в целях получения от них пищевой икры. Гибрид белуги с шипом также сохраняет высокий темп роста белуги при одновременном увеличении содержания органических веществ в теле, что позволяет предполагать целесообразность использования данного гибрида в целях товарного выращивания для получения осетрины и пищевой икры учитывая более высокий выход икры у самок шипа.

Особый интерес для промышленного осетроводства представляет гибрид шипа со стерлядью который наследует от шипа несколько больший рост по сравнению со стерлядью, а также повышенный выход икры и более быстрое половое созревание. У гибридов с генотипами русского осетра и белуги отмечается более интенсивный рост, повышенная жизнестойкость, более широкий спектр питания и скороспелость по сравнению с исходными родительскими генотипами. Гибрид характеризуется также повышенным содержанием гемоглобина в крови, что обуславливает более высокую устойчивость к кислородному дефициту. Особенно в зимний период.

В целях производства так называемого стерляжьего гибрида осетра со стерлядью который может использоваться как товарная рыба к концу второго года выращивания при массе 1 кг, причем в этом возрасте он приобретает высокие вкусовые качества, приближаясь в этом отношении к стерляди, в отличие от осетра того же возраста. Данный гибрид достигает половозрелости в 3–4 года, тогда как осетр – не ранее чем в 5–6 лет. Учитывая темп роста данного гибрида, можно предполагать ценность его как объект для товарного производства осетрины и икры.

А.С. Илюхина

КЛАССИФИКАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ, ВЛИЯЮЩИХ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА

Институциональные условия формирования малого предпринимательства следует воспринимать как совокупность правил и механизмов, принуждающих субъектов малого предпринимательства к исполнению этих установленных правил и норм. Даже незначительная динамика институциональной структуры оказывает существенное, если не решающее воздействие на подсистемы, в том числе и на предпринимательские структуры.

Институт выступает как единица анализа институциональных условий, которая включает совокупность действий, правил и норм поведения в конкретной ситуации, а так же систему принятия или не принятия этих установок, которые регулируют сферу малого предпринимательства[1]. Приходится констатировать тот факт, что в России не выработано четкого представления о том, какие институты необходимы для успешного становления рыночной экономики, как они взаимосвязаны Неучтены правовая, экономическая, а так же морально-этическая и психологическая основы их формирования. Это привело к преимущественно дискретному, точечному характеру институциональных преобразований, многие из которых не способствовали экономическому росту, так как не оправдали возложенных на них надежд[2].

До сих пор демократические институты существуют в России либо в зачаточном состоянии, либо в формальном виде[3]. Как отмечают исследователи, именно в условиях трансформации социально-экономических систем, проблема институциональных преобразований приобретает особое значение, не уступая позиций финансовой стабилизации.

Формальные правила – законы данной страны и другие нормативные акты, которые определяют «правовое поле» для малого бизнеса и устанавливают «правила» игры в нём. Именно формальные правила обеспечивают субъектам малого бизнеса экономическую свободу, права, гарантии, позволяющие им заниматься бизнесом. Но вместе с тем они определяют и ответственность этих субъектов перед государством, партнерами, потребителями.

В.А. Рубе, занимаясь масштабным, разносторонним изучением малого бизнеса и институциональных условий, в которых он находится, верно указывает на то, что для стран, которые переходят к рыночным отношениям, формирование правовой среды особенно важно, потому что от этого будет зависеть возможность формирования сектора малого предпринимательства, столь необходимого для развития рыночных отношений[4]. Формальные правила могут способствовать развитию малого бизнеса, создавая благоприятную среду по средством простоты процедуры оформления и регистрации фирм, отсутствия сложной отчетности и затруднений при ведении бухгалтерских документов, обеспечения налоговых льгот и государственной помощи. Но неблагоприятные условия способны надолго затормозить развитие конкурентной среды в конкретной стране.

Под неформальными правилами понимаются не только традиции, но и менталитет, сложившейся в обществе, в том числе и отношение к бизнесу. Неформальные правила принуждают индивида вести себя в соответствии с «правилами игры», хотя они и не фиксируются в письменной форме. «Это целый культурный пласт, наследие предков, результат многовекового развития народов: традиции, обычаи, морально-этические нормы, которые защищены так же надежно, если не лучше, как и формальные»[5].

В период плановой экономики экономические отношения строились в основном на неформальных нормах, то есть в соответствии с максимально персонифицированными нормами доверия, взаимности оказания услуг[6]. В течение трансформационного периода российской экономики, борьба между формальными и неформальными институтами за право влияния на экономические отношения была особо острой. В итоге, как отмечает Р. Капелюшников, в переходный период неформальные отношения оттеснили формальные «правила игры» на второй план[7]. При

© А.С. Илюхина, 2006

рассмотрении взаимодействия формальных и неформальных норм, ряд авторов склонен полагать, что институциональная рассогласованность в переходный период неизбежна, так как вызывается быстрой сменой формальных правил, а в результате продолжают функционировать старые[8]. Это сопровождается неразвитостью институциональной сферы малого бизнеса, под которой подразумевается отсутствие формальных и неформальных ограничений в обществе, в рамках которых он мог бы инвестировать средства в собственное развитие и общественные блага, доступ к которым был бы ему открыт наравне с более крупными хозяйствующими субъектами[9].

Когда институциональные условия носят системный характер, то это способствует возникновению синергетического эффекта. Так, в развитых странах интересы как предпринимателя, так общества и государства оказываются идентичными, сбалансированными, что способствует более интенсивной активизации предпринимательской деятельности. К сожалению, институциональные условия развития малого предпринимательства в России еще не представляется возможным охарактеризовать как системные.

Для рационального формирования совокупности институциональных условий, необходимо знание сущности и специфики каждого из них, учитывать сложившуюся их структурную соподчиненность. Получаемая классификация может варьироваться в соответствии с включенными в рассмотрение критериями.

В связи с этим помимо хорошо известного разделения институциональных условий на формальные и неформальные предлагается следующее:

А. Определять институциональные условия на основе существующих фундаментальных институтов.

По мнению автора, первую группу составляют властные и политические институты, включающие в себя исполнительную и законодательную власть; вторую – экономические институты, содержащие финансовую и налоговую системы, институты бизнеса, инфраструктуру его поддержки; в третью группу входят идеологические институты, определяющие мотивацию к инициативной деятельности, культуру деловых отношений, систему ценностей. В таком контексте институциональные условия подразделяются на административные, экономические и идеологические.

Административные условия регулируют действия, связанные с обеспечением правовой инфраструктуры деятельности малого предпринимательства. Принимаемые меры содержат в себе достижение цели, которая заключается в обеспечении набора правовых условий, способствующих созданию и функционированию частного сектора. Под этим понимается защита конкурирующей среды, гарантия прав собственности, а так же свободы принятия экономических решений, обеспечение стабильной юридической обстановки для деловой жизни. В связи с этим разрабатываются как правила запрещения, разрешения, так и принуждения.

Создание мер воздействий, направляющих развитие рыночных процессов в нужное государству русло, находится в ведении экономических условий. В первую очередь под ними подразумеваются те из них, которые влияют на финансовую стабилизацию, доступность ресурсов, уровень налогообложения, эффективный совокупный спрос и совокупное предложение.

Б. Выделить институциональные условия прямого и косвенного влияния.

Первые заставляют субъектов малого бизнеса основываться на предписаниях государства, а не на самостоятельном экономическом выборе при принятии решений. Наиболее ярким примером служат налоги, так же предписания об объемах амортизационных отчислений.

Данные условия воздействия характеризуются высокой эффективностью, так как экономический результат достигается оперативно. В то же время они имеют и ряд недостатков. Следует учитывать, что в экономике ведет свою деятельность множество разных субъектов, в результате которой между ними складывается определенная система связей. Как только государство навязывает какому-то из субъектов этой совокупности конкретное решение, то следствием является возникновение реакции на него даже у тех агентов рынка, на которых не были направлены государственные меры. Таким образом, вероятно, что уже сложившиеся между участниками рынка равновесие будет нарушено, а следовательно можно утверждать, что институциональные условия прямого воздействия способны нарушать естественное развитие рыночных процессов.

Косвенные условия не нарушают рыночной ситуации. Их сущность заключена в том, что на процесс принятия решения субъектами предпри-

нимательства, государство не оказывает прямого вмешательства. Его задача сводится к созданию комплекса предпосылок, чтобы субъекты рассматривали при самостоятельном выборе правил действий такие варианты как наиболее целесообразные, которые соответствуют целям экономической политики. Обязательно будет возникать временной лаг, между моментом принятия государством мер и реакции на них экономики, с последующими изменениями в результатах хозяйствования. К тому же косвенные меры неоднородно влияют на различных субъектов предпринимательства и принимаемые ими решения.

В. Не следует игнорировать спектр проблем, которые решаются по средством благоприятных институциональных условий. Классифицируя по этому признаку, выделим следующие виды институциональных условий:

1) обеспечение конкурентоспособности предприятий и экономики в целом;

2) повышение эффективности использования потенциала, имеющегося в наличии;

3) создание рабочих мест, путем открытия новых производств;

4) формирование стратегических зон развития;

5) выравнивание межрегиональных неравенств.

6) развитие взаимодействия на уровне стран и регионов.

Г. Институциональные условия дифференцируются в зависимости от уровня рассмотрения: низший уровень – локальные, с ростом масштаба влияния – муниципальные и региональные, высший уровень – общегосударственные.

Д. Не исключительной является такая ситуация, при которой региональные условия в большей степени воздействуют на поведение субъектов бизнеса. В связи с этим институциональные условия следует различать по величине их влияния. В зависимости от степени развитости и функционирования подразделим институциональных условий по уровню значимости на крупные, средние и малые.

Е. Приобщая к данному рассмотрению критерий – тип субъектов, которых предполагается охватить данным институциональным условием. К ним относятся граждане, организации, юридические лица, работники данного предприятия, субъекты федерации и т.д.[10]

Для современной России ликвидация препятствий, мешающих развитию малого бизнеса, интеграции легального и теневого секторов, создание единой правовой экономической системы является крайне актуальной. Формирование четкого представления реально существующей системы институциональных условий, определит вектор институциональных преобразований на ближайшие годы.

Примечания

[1] Исследователи, такие известные как У. Митчелл, Г. Мюрдаль, Я. Корнаи подчеркивают, что институты призваны не столько ограничивать, сколько направлять и облегчать человеческую деятельность. Хотя институты могут устаревать, в целом они создают тот фундамент, без которого деятельность человека невозможна: институты формируют связи между людьми, стирают различия в индивидуальном поведении, делают поведение индивида понятным и предсказуемым для других.

[2] *Гутник В.* Рыночные институты и трансформация российской экономики//Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – №7. – С. 50–64.

[3] *Пороховский А.А.* Современная рыночная модель: экономические и неэкономические факторы реализации //Формирование российской модели рыночной экономики: противоречия и перспективы: Медунар. научн. конф. “Ломоносовские чтения”: 24–26 апреля 2002г. – М.: МАКС Пресс, 2002.

[4] *Рубе В.А.* Институциональные аспекты организации малого бизнеса в развитых странах и в России: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 42.

[5] *Гурунян Т.В.* Институциональный анализ малого предпринимательства как фактор экономической безопасности. – Новосибирск: СибАГС, 2004. – С. 13.

[6] *Клейнер Б.Г.* Совеременная экономика России как «экономика физических лиц» //Вопросы экономики. – 1996. – №9. – С. 87–88.

[7] *Капелюшников Р.* «Где начало того конца?» (к вопросу об окончании переходного периода в России) //Вопросы экономики. – 2001. – №1. – С. 43.

[8] *Дерябина М.* Институциональные аспекты постсоциалистического переходного периода // Вопросы экономики. – 2001. – №2. – С. 108–124.

[9] *Кочановский М.В.* Развитие институциональной среды малого бизнеса. – Нижний Новгород, 2000. – С. 4.

[10] *Клейнер Г.Б.* Эволюция системы экономических институтов в России. – М., 2003. – С. 16.

Г.М. Курова

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

В настоящее время под партнерскими отношениями принято понимать один из типов общественных отношений, проявляющихся как взаимосвязь между партнерами, коллегами и даже конкурентами в процессе совместной деятельности на рынке и в коллективе. Возникновение партнерских отношений было связано с появлением рынка и рыночных отношений, когда предприниматели стали осознавать, что совместное решение проблемы приносит большие пользы, чем конфронтация. Даже в условиях жесткой конкуренции необходимо развивать партнерские отношения, тем самым укрепляясь на рынке. По нашему мнению, формирование и развитие системы партнерских отношений позволяет повысить конкурентоспособность экономических организаций (предприятий, фирм). Конечно, партнерские отношения в России имеют свою историю. Достаточно вспомнить взаимоотношения купцов, которые заключали совместные неформальные сделки, взаимоотношения промышленников и царского правительства, а также других предпринимателей. История развития партнерских отношений – очень интересный вопрос, который ждет своего исследования.

Все партнерские отношения, по нашему мнению, можно классифицировать, прежде всего, по масштабу действия.

Отношения внутри организации

В советское время это были договоры с профсоюзами на предприятиях. В меньшей степени они распространены и сейчас, хотя профсоюзное движение пока не затухает. Внутри предприятия могут также сложиться особые взаимоотношения между подразделениями или цехами, которые в ряде случаев имеют свои конкретные интересы, которые, в конце концов, должны приводить к реализации общей цели предприятия – получению максимальной прибыли при минимальных издержках и к повышению конкурентоспособности организации. Примером может служить разработанный нами метод паспортизации на птицефабриках [2]. Противоречие между участниками цеха воспроизводства состоит в том, что участок родительского стада кур заинтересован в как можно большем валовом производстве инкубационных яиц, зачастую в ущерб их качеству; а в инкубатории оплата труда ведется за результаты вывода суточного молодняка, который сильно зависит от качества инкубационного материала. Кроме того, если получены плохие результаты вывода, начинаются зачастую безуспешные поиски виновного между этими участниками, зоотехниками и ветеринарами. Все недоразумения помогает устранить разработанная нами комплексная система управления качеством продукции и труда (КСУКПТ). Применение подобранных систем позволяет наладить партнерские взаимоотношения на самом предприятии.

Развитие партнерских отношений между различными предприятиями (организациями, фирмами)

В стране присутствует большое количество крупных предприятий, которые играют определяющую роль на рынке, а небольшие предприятия являются партнерами гигантов, или же считаются с ними. То есть, речь идет, прежде всего, о франчайзинге. Франчайзинг – это система взаимовыгодных партнерских отношений предприятий крупного и малого бизнеса, объединяющая элементы аренды, купли – продажи, подряда, представительства, но в целом остающаяся самостоятельной формой договорных отношений хозяйствующих субъектов, имеющий статус юридического лица. Франчайзер (обычно крупная родительская компания) обязуется снабжать франчайзи (мелкую фирму или бизнесмена) своими товарами, рекламными услугами, отработанными технологиями бизнеса, за это франчайзи обязуются предоставлять услуги в области менеджмента и маркетинга с учетом местных условий, а также инвестировать в эту компанию какую-то часть своего капитала. При франчайзинге отношения ведутся только между этими предприятиями и в соответствии с договоренным предписанием. Становление и развитие франчайзинга наряду с арендой лизингом позволяет быстрее решить проблему занятости населения, преодоление монополизма производства, развитие конкуренции – движущей силы рыночной экономики. Возможны, вероятно, и другие фирмы партнерских отношений между предприятиями,

© Г.М. Курова, 2006

в зависимости от специализации, размеров и юридического статуса предприятий.

Партнерские отношения организаций с государством

Как отмечают Б.П. Панков и Д.В. Сидельников [3], в настоящее время в России серьезно пересматриваются отношения между бизнесом и обществом; появился даже новый термин – «социальная ответственность бизнеса». Упрощенное понимание данной проблемы предполагает развитие бизнеса по пути меценатства и спонсорства в обмен на государственные гарантии прав собственности, получаемые в ходе приватизации, причем на всегда законно проведенной. По мнению авторов, наиболее эффективна другая модель: четкое и результативное осуществление бизнесом своих прямых функций (выпуск качественных товаров и производство услуг по разумной цене, выплата достойной зарплаты наемным работникам и забота о их здоровье и безопасности, уплата налогов и т.д.). Решение же других социальных проблем должно оставаться прерогативой и первой функцией Государства. Еще одна точка зрения заключается в том, чтобы в рамках конструктивного диалога общества, бизнеса и власти согласовать основные приоритеты развития страны, создавать эффективные механизмы формирования партнерских отношений. То есть речь идет о том о социальном партнерстве. Институт социального партнерства, который развит на Западе и предполагает тесную увязку принципа социальной ответственности и экономической эффективности производства, у нас только начинается формироваться. Панков и Сидельников приводят в этой связи опыт создание агрохолдингов в современной России.

Партнерские отношения между РФ и другими странами

Такое партнерство особенно важно в крупной промышленности (нефтяной, газовой и т.п.). Медленное становление рыночной экономики в России, тяжелый налоговый процесс, недостаточно развитая правовая база, неплатежи за продукцию и услуги, слабая государственная поддержка предпринимательства сдерживают развитие бизнеса в России. Несмотря на это, западные франчайзеры проявлять инициативу в заключении контрактов с франчайзи России: например известные компании M.C. Donalds, Pizza – Hat, Rank – Xerox и др.

Таким образом, речь надо вести не просто о становлении системы партнерских отношений в России, а о формировании и развитии института партнерских отношений (ИПО). Причем выращивать его надо на своей, российской почве, используя все наработки за советское и постсоветское время (рис.). Как видно из рисунка, к горизонтальному объединению партнерства можно отнести п. 1 и п. 2 разработанной нами классификации, а к вертикальному – п. 3 и п. 4 классификации.

Говоря о создании ИПО невозможно не упомянуть такую экономическую категорию, как доверие. Доверие тоже может быть основано на формализации правовой базы в государстве. Когда основная роль в обеспечении соблюдена прав собственности отводится государственной регламентации и надзору, судебно-правовым процедурам, переводу неформальных отношений в формальные, можно говорить о том юридическом подходе к формированию ИПО [1]. Но речь идет о том, что юридическое оформление прав не является достаточным условием экономического благополучия. Закон, договора, экономическая целесообразность необходимы, но недостаточны в качестве основы стабильности и благополучия в обществе; к ним надо добавить такие понятия, как принципы взаимности, материальные обязательства, долг перед обществом и доверие, которые основаны на традициях и обычаях, а не на рациональном расчете [5] Юридический подход на деле ориентирован на то, чтобы уверенность в партнерах приходила вместе с дисциплиной деловых отношений, которые обеспечиваются административными и судебными санкциями, контролем и т.д. [4] Но, с другой стороны, жесткие стандарты деятельности детализация контрактов сигнализируют о малом доверии партнеров. Общество попадает в ловушку недоверия. [6] Для желаемого перевода экономики в режим понижения трансакционных издержек нужно понимание социальных и экономических обстоятельств, способствующих формированию доверительных партнерских отношений [1] и, добавил, формированию ИПО.

По нашему мнению, последовательное создание правовой базы, перевод неформальных отношений в формальные необходимы, они являются одной из ступеней создания ИПО в нашей стране. Но этого не достаточно. Необходимо также развитие персонального (личного) доверия и расчетливого доверия в среде партнеров и развитие рыночной власти.

Рис. Формирование института партнерских отношений (ИПО)

Таким образом, формирование и развитие системы, а затем и института отношений в России – вполне выполнимая задача.

Библиографический список

1. *Дементьев В.Е.* Доверие в обществе – условие современного экономического развития. Введение в институциональную экономику / Под ред. Д.С. Львова. – М.: Экономика, 2005.

2. *Курова Г.М.* Развитие партнерских отношений в экономических организациях на основе внедрения паспортизации // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Проблемы новой политической экономии. – 2006. – №2.

3. *Панков Б.П., Сидельников Д.В.* Социальное партнерство в сфере крупного агробизнеса // Экономика сельскохозяйственных перерабатывающих предприятий. – 2005. – №11.

4. Стратегия развития Российской Федерации до 2010 года (http // www.csr.ru /about – publications / pean 2010.html).

5. *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология.– М.: Academia, 1999.

6. *Blair M.M., Stout L.A.* Trust, trustworthiness, and the behavioral foundations of corporate law. Georgetown University Law Center. Working Paper № 241403 (http: // papers. ssrn. com/paper. taf? abstract_id = 241403).

Г.Е. Лягушев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СОЦИАЛИЗМА: СОВРЕМЕННЫЕ ОЦЕНКИ

Политическая экономия социализма давно уже исчезла из учебных программ, а в научной литературе если изредка и всплывет этот термин, то, как правило, в негативном аспекте. Каких только обвинений не сыпалось на политэкономию социализма в начале 90-х гг. прошлого века! Сейчас накал обличений заметно упал, и вот настала пора не обличений и разоблачений, а научного анализа.

В дискуссии, проходившей на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, в качестве центральной темы обсуждения была выбрана возможность использования результатов, выработанных политической экономией социализма за 50–80-е гг. прошлого века. При этом столкнулись различные взгляды на научный потенциал политической экономии социализма. Эти различия отталкивались от различий и в теоретической оценке социально-экономической природы советской системы, и в оценке степени научности вклада политической экономии социализма в изучение этой системы, и в оценке роли различных школ в рамках политической экономии социализма.

Следует сразу заметить, что ни один из участников дискуссии не встал на позиции замшелого догматизма, и не ставил своей целью «обелить» советскую политическую экономию, отрицать ее участие в выполнении апологетических идеологических функции, либо представлять практику советской системы как утерянный, но по-прежнему желанный идеал социализма. Надо отдать должное и тому, что никто не сбился на ритуальные покаяния, в *духе* посыпания головы пеплом и представления советской политэкономии как набора одних лишь апологетических пропагандистских штампов, а советского опыта – как сплошного мрачного царства тоталитаризма.

И все же степень критичности в восприятии советской действительности, равно как и ее отражения в политической экономии социализма, весьма сильно различались. Если Р.Т. Зяблюк все свое внимание сконцентрировала на позитивных сторонах экономической системы социализма, и на их теоретическом объяснении, обходя вопрос о причинах экономических неудач СССР, то другие участники (С.С. Дзарасов, В.В. Радаев, А.И. Московский) немало слов уделили нелицеприятной оценке негативных сторон советского опыта, и апологетической составляющей в отражении этого опыта в политической экономии социализма.

При этом для В.В. Радаева и А.И. Московского (по разным причинам) в теоретическом наследии советской политической экономии почти не находится ничего такого, что могло бы быть использовано для научного исследования возможного будущего социалистического общества. В.В. Радаев видит причину этого в нормативном подходе политэкономии социализма к действительности, в том, что эта наука изучала скорее должное, нежели сущее. А.И. Московский находит эту причину не в апологетике, а в целом ряде принципиальных теоретико-методологических недоработок советской политической экономии.

В выступлениях С.С. Дзарасова и М.И. Воейкова коренной теоретический недостаток политической экономии социализма (повлекший за собой и большинство остальных, в том числе и апологетическую составляющую) определялся как вынужденное восприятие сталинского тезиса о построении социализма в СССР. С такой постановкой вопроса явно или неявно полемизируют другие участники дискуссии (в первую очередь В.Н. Черковец и Ф.Н. Клоцвог). Для них советский строй однозначно отождествляется с социализмом. По версии Ф.Н. Клоцвога – это ранняя стадия социализма из чего вытекают как его недостатки, так и слабости в теоретическом отражении экономической системы социализма. Не формулируя такую концепцию прямо, по существу к ней склоняется и В.Н. Черковец, подробно развивая идею, что только длительный исторический опыт, проходящий, в том числе, и через отклонения, отступления и неудачи, может служить критерием истинности социалистической теории.

Более мягкую позицию занимает К.А. Хубиев. Не давая никакой оценки природе советского строя, он обращается лишь к рассмотрению его исторической тенденции и его потенциала, находя, что они соответствуют прогрессивной направленности исторического развития человечества. Соответственно, и политическая экономия социализма оценивается именно с точки зрения теоретического отражения в ней этих прогрессивных тенденции.

© Г.Е. Лягушев, 2006

Значительно более сложной представляется позиция по этому вопросу А.В. Бузгалина (сделавшего вводный и заключительный доклады). Для него советский строй представлял собой причудливую смесь как социалистических, так и несоциалистических черт, причем довольно сложно найти у него в данном сборнике ясный и определенный вывод о природе экономического строя СССР.

Однако наибольшая часть всех выступлений посвящена не оценке советской реальности, а изучению вклада политической экономии социализма в изучение советского строя, и возможностей продуктивного использования теоретических положений этой науки. Наряду с уже упомянутыми сомнениями в наличии большого научного потенциала в багаже политической экономии социализма, большинство участников дискуссии проявляли заметный оптимизм в этом вопросе – в том числе и те, кто весьма критически анализировал и сам советский строй, и достижения советской экономической науки.

Среди несомненных позитивных достижений политической экономии социализма многие выступающие видели, прежде всего, развитие методологической составляющей, унаследованной от классического марксизма. Что же касается конкретных теоретических выводов, то здесь обнаружилось весьма большое многообразие не только позиций, но и подходов к оценке научного вклада политической экономии социализма. Если Ф.Н. Клоцвог обратился, прежде всего, к дискуссионным и не решенным проблемам этой науки, то В.Н. Черкпвец начал с фундаментальной постановки вопроса о востребованности политической экономии вообще и с проблем истинности знания в общественных науках, уделив гораздо меньшее внимание обоснованию научного характера собственно политической экономии социализма.

А.В. Бузгалин в своих двух выступлениях развернул весьма масштабную панораму теоретических положении политической экономии социализма, стремясь отделить в них апологетические элементы от научных, и показать возможность использования научной составляющей для анализа, как современных экономических процессов, так и будущего социализма.

В свою очередь, С.С. Дзарасов обратил внимание, прежде всего, на тот факт, что использование научного потенциала политической экономии социализма предполагает нелицеприятную научную критику ее апологетических моментов. В выступлении же М.И. Воейкова был дан краткий сравнительный обзор попыток различных школ советской политической экономии разрешить противоречие между идеологически-нормативным подходом к анализу советской экономической системы и изучением ее реальности.

Прошедшая дискуссия, на мой взгляд, убедительно показала, что в советской политической экономии социализма, несмотря на все ее очевидные недостатки, содержится немалый запас позитивного теоретического знания. Очень жаль, что критический анализ и освоение научного опыта политической экономии социализма практически выпали из поля зрения современной экономической теории. Хотя участники дискуссии и постарались восполнить этот пробел, но масштаб их усилий явно недостаточен для этого.

Роковую роль в судьбе наследия советской политической экономии социализма сыграла, на мой взгляд, длительная изоляция советской политической экономии от других потоков теоретической мысли (в том числе и марксистских). И если сейчас в различных течениях институционализма, в теории организаций, в новой политической экономии, развиваемой Костромской школой ученых экономистов, ставится целый ряд научных проблем, с которыми уже сталкивалась по-своему политическая экономия социализма, то современный анализ этих проблем развивается почти без всякого взаимодействия с уже накопленным в политической экономии социализма знанием. Более того, советская политическая экономия социализма была по существу изолированная от исследований «реального социализма» различными марксистскими школами в области экономической теории на Западе. Об этом, кстати, свидетельствует практически полное игнорирование участниками дискуссии теоретических работок своих марксистских коллег (Суизи, Бетельхейма, Манделя и других), отсутствие попыток дать развернутый ответ на критику позиций советской политической экономии со стороны ученых немарксистских направлений.

Можно полагать, что с развитием противоречий «реального капитализма» в России внимание к советскому опыту будет медленно, но неуклонно возрастать, и вместе с тем будет расти и интерес к теоретическому анализу этого опыта, в том числе и предпринимавшийся «встроенной» в советскую систему политической экономией социализма.

В.В. Чекмарев, Т.В. Боровикова, В.А. Филинов

О ФОРМИРОВАНИИ СОВОКУПНОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОДУКТА В РЕГИОНЕ

В современных условиях экономики знаний перспективы развития региона могут осуществляться через значительное увеличение его интеллектуального капитала. Прежде всего, это может быть достигнуто за счет создания и функционирования региональной системы подготовки специалистов высшей квалификации для работы в сфере интеллектуального производства. Несомненно, что при достижении этой цели основная нагрузка ложится на высшие учебные заведения, НИИ и другие научные организации, так как именно они способны подготовить трудовые ресурсы для интеллектуальной сферы деятельности.

Известно, что ядром любой системы образования, как источника знаний и основы формирования интеллектуального продукта, является высшая школа. Именно она тот исторически сформировавшийся социальный институт, цель функционирования которого связана с наследованием, накоплением и воспроизводством научных знаний, культурных ценностей и нравственных норм поведения людей в любом обществе, в любой экономической системе.

От качества высшего образования, прежде всего, зависит реализация потенциальных возможностей науки и культуры в широком смысле этого слова. Через подготовку квалифицированных кадров высшее образование предопределяет уровень и качество формирования интеллектуального капитала, как отдельных индивидов, так и общества в целом. В свою очередь это качество зависит от качества преподавательских кадров высших учебных заведений, их материально-технического оснащения, от эффективности вузовской науки, традиций, от положения, которое занимает ВУЗ среди ВУЗов своего и других регионов, от качества научных разработок, инноваций и их значимости для социально-экономического развития региона.

Высшая школа в России в настоящее время, находится в периоде трансформации. Это связано, прежде всего, с переходом от индустриального, к постиндустриальному типу социально-экономического развития или информационной экономике, где основным фактором процесса производства являются знания [5]. С их помощью и создается самый востребованный в современном обществе продукт – интеллектуальный.

Вопросами определения понятия и сущности интеллектуального продукта занимаются многие исследователи. Так профессор К.Ф. Пузыня интеллектуальный продукт определяет как, результат взаимодействия двух видов интеллектуального труда: творческого и формального [2].

По мнению Л. Эдвинссона и М. Мэлоуна. интеллектуальный продукт – это не что иное, как результат накопления и использования человеческого и интеллектуального капитала [7].

В данных определениях интеллектуальный продукт интерпретирован как результат, однако характеристика процесса достижения этого результата, на наш взгляд, отсутствует.

В своей статье «Институциональные основы создании конкурентоспособных интеллектуальных продуктов» Т.И. Волкова определяет интеллектуальный продукт как своеобразный продукт сферы образования, который является перспективным фактором и ресурсом экономического роста, и отличающихся новизной, оригинальностью и уникальностью, поэтому его можно рассматривать как творческий капитал личности [1]. Этот подход определяет интеллектуальный продукт как фактор экономического развития, но не раскрывает механизм формирования этого фактора.

Анализируя, работу Э. Брукинга «Интеллектуальный капитал» можно сказать, что интеллектуальный продукт формируется в результате взаимодействия рыночных активов, активов интеллектуальной собственности, инфраструктуры и организационных активов (человеческие и социальные активы) [6]. В этом определении, автор демонстрирует элементы структуры интеллектуального продукта, но не показывает особенностей взаимосвязей этих элементов.

В экономической энциклопедии под интеллектуальным продуктом понимается результат мыслительной (умственной) творческой деятельности, включающий изобретения, алгоритмы и программы для ЭВМ, научные открытия, новые технологии, ноу-хау, результаты исследовательских, конструкторских, проектных работ, все то, что

© В.В. Чекмарев, Т.В. Боровикова, В.А. Филинов, 2006

охватывается понятием «информация», в частности, научно-техническая, а также произведения литературы, изобразительного, театрального, киноискусства, музыки, хореографии и т.д. [3] Представленный подход отражает типологию интеллектуальных продуктов, но не раскрывает их качественной характеристики.

Вышеуказанные противоречия в подходах к определению интеллектуального продукта дают нам возможность сформулировать собственное его определение. По нашему мнению, интеллектуальный продукт – это экономическое благо, которое выражает определенный результат целенаправленной, интеллектуальной деятельности человека, в рамках инновационного процесса. В свою очередь, под интеллектуальной деятельностью мы понимаем сочетание познавательной и творческой деятельности в области знаний и информации.

В настоящее время происходит постепенная смена составляющих экономического развития региона, в основе которого лежит формирование интеллектуальных ресурсов для интеллектуального производства и соответственно переориентация на удовлетворение новых потребностей общества. Все это требует создания системы показателей регионального экономического развития в условиях экономики знаний.

Ряд исследователей, в частности, Дж. Кендрик, Т. Стюарт, Э. Тоффлер, Л. Эдвинсон, К.-Э. Свейби, Т. Фортьюн, В. Гойло, С.А. Дятлов и др. отмечают различные показатели, характеризующие совокупный интеллектуальный продукт региона и направление его интеллектуального развития.

Исходя из нашего определения интеллектуального продукта, совокупный интеллектуальный продукт региона представляет собой экономическое благо, которое выражает определенный результат целенаправленной, интеллектуальной деятельности человека, в рамках инновационного процесса, в соответствии с потребностями сферы интеллектуального производства этого региона.

В связи с этим, определенный интерес представляет комплекс факторов формирования совокупного интеллектуального продукта региона. По нашему мнению к факторам, оказывающим влияние на формирование совокупного интеллектуального продукта региона относятся:

– уровень развития региональной системы образования;

– степень социально-экономического развития региона;

– уровень развития информационной среды в регионе;

– высокообразованная рабочая сила;

– наличие современной региональной рыночной инфраструктуры;

– нематериальные активы;

– характер региональной экономической политики;

– инновационное инвестирование;

– уровень развития регионального рынка труда;

– состояние институциональной, правовой, инновационной среды;

– научно-технические, геоэкономические и прочие факторы.

Из вышеперечисленных факторов, наиболее характерно отражают особенности формирования совокупного интеллектуального продукта на региональном уровне следующие: высокообразованная рабочая сила, нематериальные активы, инновационное инвестирование (табл. 1).

Как видно из таблицы 1 к этим факторам относят:

1. Высокообразованная рабочая сила, характеризующаяся такими показателями как – доля ВУЗов в регионе, темпы роста числа студентов ВУЗов в регионе, уровень жизни населения региона и др.

2. Нематериальные активы, характеризующиеся такими показателями как – уровень интеллектуального потенциала региона, уровень интеллектуальной миграции, уровень интеллектуальной собственности и др.

3. Инновационное инвестирование, характеризующееся такими показателями как – доля финансовых ресурсов вложенных в инновации в регионе, удельный вес инновационного инвестирования в регионе, темпы роста инновационного инвестирования в регионе.

Указанный состав факторов и показателей, на наш взгляд, всесторонне отражает механизм формирования совокупного интеллектуального продукта региона и на его основе, появляется возможность определения интегрального показателя.

В частности таким интегральным показателем, совокупного интеллектуального продукта на уровне региона, по нашему мнению, является «коэффициент интеллекта региона», который необходимо рассчитывать как отношение количество лиц с высшим и послевузовским образованием в регионе к общему количеству экономически активного населения региона.

Таблица 1

Факторы наиболее характерно отражающие особенности формирования совокупного интеллектуального продукта на региональном уровне

Показатели, характеризующие воздействие определенного фактора	Способ формирования показателя
1. Высокообразованная рабочая сила	
1. Доля ВУЗов в регионе	1. Отношение числа ВУЗов в регионе к общему числу ВУЗов в стране
2. Уровень жизни населения в регионе	2. Отношение усредненных доходов в расчете на душу населения региона к величине прожиточного минимума в этом регионе
3. Доля средств затрачиваемых на подготовку, переподготовку и переквалификацию трудовых ресурсов в регионе	3. Отношение среднегодового дохода на душу населения к общей сумме затрат на получение высшего образования в регионе
4. Темп роста числа студентов ВУЗов в регионе	4. По данным статистических отчетов
2. Нематериальные активы	
1. Уровень интеллектуального потенциала региона	1. Соотношение ассигнований на науку и образование к общим расходам регионального бюджета
2. Уровень интеллектуальной миграции	2. Отношение количества лиц прибывших в регион для работы в сфере интеллектуального производства к количеству выбывших из этой сферы
3. Уровень интеллектуальной собственности	3. Отношение числа зарегистрированной интеллектуальной собственности в регионе к общему количеству зарегистрированной интеллектуальной собственности в стране
4. Степень обеспеченности региона информационными ресурсами	4. Общее количество мест доступа к информационным ресурсам на 10000 чел. населения региона
3. Инновационное инвестирование	
1. Доля финансовых ресурсов вложенных в инновации	1.Отношение объема финансовых ресурсов вложенных в сферу интеллектуального производства к общему объему финансовых ресурсов вложенных в предпринимательскую деятельность
2. Удельный вес инновационного инвестирования в регионе	2. Отношение поступивших в регион инвестиций в сферу интеллектуального производства к общему объему инвестиций в регион
3. Темпы роста инновационного инвестирования в регионе	3. Отношение текущего инвестирования к объему инвестирования в предыдущем периоде

Представленная нами методика расчета коэффициента интеллекта региона, позволяет определить его величину для любого региона.

Проведем расчет этого показателя и выявим факторы, влияющие на его величину по нескольким регионам ЦФО России, за определенный период времени. Для этого необходимо знать какое количество лиц с высшим и послевузовским образованием ведут трудовую деятельность в регионе (табл. 2), а также общее количество экономически активного населения данного региона (табл. 3).

Из выше обозначенных данных видно, что доля лиц с высшим и послевузовским образованием, рассматриваемая в динамике, имеет тенденцию к увеличению. Это обусловлено, прежде всего, тем, что на современном рынке труда постоянно возрастает спрос на специалистов высшей квалификации, способных создавать продукты и услуги интеллектуальной сферы производства.

Необходимо, также отметить, что динамичное увеличение доли трудовых ресурсов с высшей квалификацией, в определенном регионе, обусловлено не только потребностями регионального рынка труда в этих специалистах, но также и потребностями межрегионального и международного уровня. Вот почему система образования, в том числе и региональная, в современных условиях приобретает совершенно новое значение, нежели в условиях индустриального развития общества.

Теперь, представляется необходимым проанализировать динамику изменения численности экономически активного населения в региональном разрезе на основании данных приведенных в таблице 3.

Таблица 2

Количество трудоспособного населения в высшим и послевузовским образованием осуществляющих трудовую деятельность в регионе (тыс. чел) [8]

Регион/год	1995	2000	2001	2002	2003	2004
г. Москва	3051	5217,6	6217,8	5742	6749,4	6839
Смоленская обл.	76,8	109,2	116,4	172,8	181,8	197,4
Брянская обл.	94,2	162	184,2	227,4	246	258
Ярославская обл.	137,4	190,8	207	242,4	262,2	278,4
Костромская обл.	71,4	99,6	106,8	112,2	120,6	122,4

Таблица 3

Численность экономически активного населения в регионе (тыс. чел.) [8]

Регион/год	1995	2000	2001	2002	2003	2004
г. Москва	8222,338	8959,504	9224,153	9396,960	9576,725	9570,544
Смоленская обл.	1045,812	991,649	986,73	972,91	964,99	950,55
Брянская обл.	1329,672	1283,707	1284,064	1273,158	1267,753	1253,585
Ярославская обл.	1314,709	1268,312	1271,079	1261,251	1257,952	1244,175
Костромская обл.	718,664	687,240	687,622	680,730	677,166	668,321

Как видно из таблицы 3, доля экономически активного населения в большинстве регионов ЦФО России динамично сокращается. Это, прежде всего, обусловлено естественными демографическими факторами: естественная убыль населения, превышение смертности над рождаемостью, низкий социально-экономический уровень жизни населения вообще. Но в современных условиях развития экономических отношений в России, важное значение, в рамках сокращения экономически активного населения в регионах, приобретает такой фактор как миграция трудовых ресурсов. Люди в поисках большего заработка, наилучших условий труда, реализации своего потенциала стремятся в крупные регионы, где наиболее развита инфраструктура рынка труда. В нашем примере это г. Москва, где доля экономически активного населения с 1995 по 2004 гг. выросла на 1348,206 тыс. чел. (16,5%). Но в рамках всей России к таким регионам относится не только Москва, это и Санкт-Петербург на северо-западе, Екатеринбург на Урале, Тюмень в Сибири, Барнаул на Алтае, Хабаровск на Дальнем Востоке и многие другие крупные города.

Важно отметить, что в рамках общей трудовой миграции из небольших регионов в более крупные, постоянно увеличивается доля «интеллектуальной миграции», что в современных условиях, отрицательно сказывается на социально-экономическом развитии регионов.

Теперь, на основе вышеуказанного интегрального показателя, мы можем определить коэффициент интеллекта региона, т.е. потенциальные возможности формирования совокупного интеллектуального продукта в регионе (табл. 4).

Важным, по нашему мнению преимуществом, при расчете «коэффициента интеллекта региона», приведенным в таблице 4, является простота этого расчета. Так как исходные данные могут быть получены из статистических сборников и отчетов, как по стране в целом, так и по отдельным регионам. Например, «коэффициент интеллекта г. Москвы» равный 0,67 в 2001 году, рассчитывается делением общего количества трудоспособного населения с высшим и послевузовским образованием осуществляющих трудовую деятельность в Москве (6217,8 тыс. чел.) к общему количеству экономически активного населения в этом регионе (9224,153 тыс. чел.).

Данные таблицы 4 позволяют сделать выводы о возможностях регионов формировать совокупный интеллектуальный продукт и определить конкурентоспособность регионов в условиях информационного общества.

Так, в 1995 году доля трудоспособного населения с высшим и после вузовским образованием в регионах ЦФО была не высокая 7–10% от общего числа экономически активного населения, исключение составляла Москва – 37%. И это не удивительно, так как Москва и другие крупные города и регионы еще при СССР отличались достаточно высокой долей образованного населения. Именно в этих городах были лучшие ВУЗы страны, образовывались НИИ, НПО и другие организации, осуществлявшие свою деятельность по развитию науки.

Таблица 4

Расчет «коэффициента интеллекта региона» [8]

Регион/год	1995	2000	2001	2002	2003	2004
г. Москва	0,37	0,58	0,67	0,61	0,7	0,71
Смоленская обл.	0,07	0,11	0,12	0,18	0,19	0,21
Брянская обл.	0,07	0,13	0,14	0,18	0,19	0,2
Ярославская обл.	0,1	0,15	0,16	0,19	0,21	0,22
Костромская обл.	0,1	0,14	0,15	0,16	0,18	0,18

Небольшая доля высокообразованного населения, в середине 1990-х годов в регионах России, определялась низким социально – экономическим уровнем жизни населения, вследствие перехода от плановой к рыночной экономике. Основная масса населения страны пыталась выжить, в незнакомых условиях рыночных отношений, а мысли об образовании отходили на второй план.

Но уже к 2000 году ситуация в региональной системе высшего образования изменилась. Так, по нашему расчету, в Смоленской области доля высокообразованного трудоспособного населения выросла с 7 до 11%, в Брянской, Ярославской, Костромской – с 7 до 13%, с 10 до 15%, с 10 до 14% соответственно, в Москве – с 37 до 58%. Справедливости ради, стоит отметить, что определенное количество трудоспособного населения, получившего высшее образование в своем регионе, уезжают работать в крупные города, где они имеют большие возможности реализовать свои знания и потенциал. Поэтому наблюдается такая разница в коэффициенте интеллекта между рассматриваемыми регионами и Москвой.

Увеличение регионального «коэффициента интеллекта» имело место и в дальнейшем. И уже к 2004 году около 20% экономически активного населения, в вышеуказанных регионах, имели высшее и послевузовское образование, в Москве – 70%.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что современное региональное экономическое развитие, ориентированное на интеллектуальную сферу производства должно всячески способствовать развитию региональной системы образования, ее инфраструктуры, т.е. созданию интеллектуального капитала и потенциала региона, с одной стороны, и формирования всех условий удержания «интеллектуалов» для работы в сфере интеллектуального производства и формирования совокупного интеллектуального продукта своего региона, с другой.

Таблица 5

Классификация регионов по степени обеспеченности трудовыми ресурсами для сферы интеллектуального производства

Характеристика региона	Значение показателя	Количественное значение показателя
1. Наиболее обеспеченный интеллектуальными трудовыми ресурсами регион – в данном случае регион имеет возможность формировать совокупный интеллектуальный продукт в нужном количестве и соответствующего качества, не только для внутреннего, но и для внешнего потребителя.	> 0,6	5
2. Данный регион обеспечен интеллектуальными трудовыми ресурсами в объеме, способном удовлетворить потребности в создаваемых интеллектуальных продуктах только этот регион.	0,4 – 0,6	15
3. Данный регион обеспечен интеллектуальными трудовыми ресурсами в объеме, способном удовлетворить потребности в интеллектуальных продуктах только определенные отрасли этого региона.	0,2 – 0,4	60
4. В данном случае регион не обеспечен интеллектуальными трудовыми ресурсами в объеме необходимом для успешного социально-экономического развития и вынужден приобретать интеллектуальные продукты, для удовлетворения потребностей в других регионах.	< 0,2	8

Предложенный механизм формирования интеллектуального продукта на региональном уровне, по нашему мнению, позволяет оценить положение региона на рынке интеллектуальных продуктов, его конкурентоспособность в этой области, а также дает возможность нахождения путей увеличения интеллектуального капитала и потенциала региона.

Подводя итог, необходимо заметить, что, используя методику расчета коэффициента интеллекта региона, мы имеем возможность классифицировать регионы по степени обеспеченности трудовыми ресурсами для сферы интеллектуального производства (табл. 5).

Согласно предложенной классификации показатель обеспеченности региона трудовыми ресурсами для сферы интеллектуального производства может варьироваться от 0 до 1. В нашем случае все регионы России разбиты на четыре группы.

Так, согласно предложенной классификации, в первую группу входят всего пять регионов Москва, Московская обл., С-Петербург, Ленинградская обл., Воронежская обл. Эти регионы наиболее обеспеченны интеллектуальными трудовыми ресурсами и имеют возможность формировать совокупный интеллектуальный продукт в нужном количестве и соответствующего качества, не только для внутреннего, но и для внешнего потребителя. Во вторую пятнадцать регионов: рес. Татарстан, Нижегородская, Самарская, Иркутская области, Краснодарский край и др. Эти регионы обеспечены интеллектуальными трудовыми ресурсами в объеме, способном удовлетворить потребности в создаваемых интеллектуальных продуктах только этот регион. В третью шестьдесят регионов Смоленская, Костромская, Владимирская Курская, Орловская области и др. Эти регионы обеспечены интеллектуальными трудовыми ресурсами в объеме, способном удовлетворить потребности в интеллектуальных продуктах только определенные отрасли данных регионов. В четвертую восемь регионов народы крайнего севера, а также некоторые регионы юга России. Эти регионы не обеспечены интеллектуальными трудовыми ресурсами в объеме необходимом для успешного социально – экономического развития и вынужден приобретать интеллектуальные продукты, для удовлетворения потребностей в других регионах. Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что большая часть регионов России в недостаточной степени обеспечена интеллектуальными трудовыми ресурсами, что не способствует их социально-экономическому развитию в современных условиях.

Разработанный интегральный показатель и его результаты позволяют сравнивать и ранжировать между собой регионы по степени обеспеченности трудовыми ресурсами для сферы интеллектуального производства, а также проводить анализ влияния факторов и показателей на формирование совокупного интеллектуального продукта региона.

Библиографический список

1. *Волкова Т.И.* Институциональные основы создания конкурентоспособных интеллектуальных продуктов // Университетское управление. – 2004. – №4. – С. 44–47.

2. *Пузыня К.Ф.* Проблема сохранения и развития научно-технического потенциала в условиях перехода к рынку // Проблема адаптации научных и инженерных коллективов в условиях перехода к рынку: Сб. науч. тр. – СПб.: СПбГИЭА, 1993. – С. 5–15.

3. Экономическая энциклопедия / Под ред. Л.И. Абалкина. – М.: Экономика, 1999.

4. *Чекмарев В.В.* Экономические проблемы сферы образования. – Кострома, 1996. – Ч. 3. – С. 83–86.

5. Образование в России: состояние, проблемы и перспективы развития. – М., 1994. – С. 54–57.

6. *Брукинг Э.* Интеллектуальный капитал: пер. с англ. / Под ред. Л.Н. Ковалик. – СПб., 2001. – С. 30–37.

7. *Edvinsson L., Malone M.* Ibid. P. 23.

8. Данные сайта Госкомстата России: www. gks.ru.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Г.А. Бухмастова

ПРОБЛЕМНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ В ТЕЧЕНИЕ ВСЕЙ ЖИЗНИ

Процессы глобализации, интеграции, интернационализации и маркетизации высшего образования, имеющие место в мировом пространстве высшего образования, в настоящее время, вызывают необходимость создания общих учебных планов, удовлетворяющих целям образования в течение всей жизни [2].

Болонский процесс требует новых подходов к разработке учебных программ и планов, соответствующих оптимальному уровню профессиональной компетентности. В соответствии с этим, особое внимание уделяется тому, сколько времени студенты тратят на занятия и подготовку к ним, как преподаватели распределяют свое время между преподаванием, исследовательской работой, контролем за самостоятельной работой студентов, воспитательной работой, работе вузов, направленной на достижение гибкости предлагаемых тематических программ и курсов, а также различных образовательных услуг.

В этой связи, особое значение приобретает проблемно-ориентированное обучение как составная часть образования в течение всей жизни, которое мы понимаем как уникальную учебную ситуацию, целью которой является приобретение навыков анализа и критического мышления, а также исследовательских навыков у «взрослой аудитории» – студентов старших курсов, студентов, обучающихся на факультетах дополнительного высшего образования (ДВО), аспирантов и начинающих преподавателей.

Есть основания полагать, что проблемно-ориентированное обучение как одна из форм организации учебного процесса была впервые использована в канадском университете Мак-Мастера в середине 60-х годов XX века и до настоящего времени использовалась как средство разработки дисциплинарных планов в ряде высших учебных заведений США, Великобритании, Австралии, Канады [4]. При рассмотрении проблемно-ориентированного обучения следует отметить, что оно основано на изучении реальных проблем и способствует выработке приемов самостоятельного обучения. Отметим, что в проблемно-ориентированном обучении различают два уровня: низший, ориентированный на «перенесение проблем реального мира в учебную среду», и высший, где обучение основано на реальных проблемах [1]. Высший уровень ориентирован на обучение взрослых людей и имеет междисциплинарный и сотруднический характер, в то время как низший уровень проблемно-ориентированного обучения предполагает любую «аудиторию».

В данной статье в качестве одной из форм проблемно-ориентированного обучения рассматривается организация и работа научно-практической конференции студентов-переводчиков в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого. В работе конференции активное участие принимали студенты различных возрастных групп: – студенты старших курсов (20–22 года), студенты ДВО (25–35 лет и старше), аспиранты (23–28 лет) и начинающие преподаватели (24–26 лет). Конференция посвящалась проблемам теории и практики перевода. Ее целью являлось изучение лингвистических, философских, культурологических, социологических и психологических аспектов перевода иностранных текстов и межкультурной коммуникации.

Проведение конференции потребовало координации действий всех ее участников. Студенты с помощью преподавателей занимались разработкой перечня вопросов, предлагаемых для обсуждения, например: «Интертекстуальность и перевод», «Имя собственное как проблема перевода», «Языковая картина мира и перевод», «Проблема передачи культурных концептов на языке перевода» и др.

Участие преподавателей в организации и работе конференции заключалось в том, что они руководили научно-исследовательской деятельностью студентов, оценивали выполняемые и завершенные работы, контролировали качество докладов и сообщений и т.д.

Интересным представляется тот факт, что перечень вопросов, предложенных для рассмотре-

© Г.А. Бухмастова, 2006

ния и анализа, был адаптирован к дисциплинам, преподаваемым на старших курсах, а также к учебным программам, что, по своей сути, является инициативой по повышению гибкости курсов и соответствует задачам Болонского процесса, ставящего свой целью образование в течение всей жизни.

Итак, процесс подготовки конференции проходил на семинарских занятиях один раз в неделю в течение четырех месяцев в шести группах численностью 8–10 человек, на которых студенты, указанных выше групп, делали сообщения о продвижении своих исследований, задавали вопросы и давали на них ответы. При выполнении исследований студенты использовали электронную базу данных, а также учебные пособия по заданным темам, опубликованные за последние 15 лет. Все работы были оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1 – 2003, предъявляемыми к такого рода исследовательским работам. Участие в семинарах дало возможность аспирантам, начинающим преподавателям и слушателям ДВО, а также студентам старших курсов обсудить свои исследования, критически их оценить и направить в «нужное русло».

Наблюдения показали, что в процессе подготовки к конференции студенты освоили широкий спектр навыков, не связанных напрямую с их исследовательской работой. Им пришлось освоить компьютерные презентационные программы, выступать публично, вести переговоры с типографиями, встречаться с научным комитетом, заказывать аудитории, приглашать гостей и т.д.

В целом, подготовка к конференции потребовала создания научного и организационного комитетов, в которые вошли как студенты, так и преподаватели. Организационный комитет, включающий двух преподавателей и шесть студентов (по одному от каждой группы) отвечал за рекламу конференции, подготовку научных заседаний и рабочих графиков, в то время как научный комитет, в который входили все штатные преподаватели и шесть студентов (по одному от каждой группы) решал следующие задачи:

– разработал программу конференции;

– определил правила изложения устных и письменных сообщений и библиографических данных;

– оценил все сообщения;

– определил какие сообщения будут зачитаны на каждом из шести заседаний;

– подготовил и рекомендовал к публикации (в виде тезисов и статей) материалы.

Подобно многим мероприятиям такого рода, наша конференция состояла из процедуры открытия, шести тематических заседаний и процедуры закрытия. На открытии конференции выступил приглашенный лектор, который впоследствии провел мастер-класс по практике перевода. Процедура закрытия завершилась лекцией проректора университета по научно-исследовательской работе. На тематических заседаниях выступили студенты, принимавшие участие в подготовке и проведении конференции, которые дальнейшем получили соответствующие оценки за свою работу. В работе конференции приняли участие приглашенные – студенты и преподаватели лингвистического факультета Тульского государственного политехнического университета. Следует отметить, что для изучения мнений о конференции оргкомитетом была сформулирована анкета, состоящая из 10 вопросов об организации конференции, ее практической ценности, уровне ее проведения, участии профессорско-преподавательского состава в ее работе, а также оценка конференции в целом.

Анализ анкетных данных показал, что все участники сочли конференцию полезной для приобретения новых знаний и навыков исследовательской деятельности. 70% опрошенных высказали высокое мнение о работе конференции и ее результатах. К ним относятся студенты старших курсов, которые имели намерение продолжать обучение. Особенно высокую оценку конференции дали аспиранты и начинающие преподаватели, целью которых являлось получение ученой степени, а также студенты ДВО, имеющие опыт работы в той или иной области и желающие с помощью обучения на ДВО улучшить свою карьеру. Для студентов последней группы применение новых технологий (текстовых редакторов, баз данных в области теории и практики перевода, языкознания и статистических программ) стало значительным шагом на пути овладения новыми методами познания.

Небезынтересно то, что 65% студентов были частично или полностью согласны, что участие в конференции потребовало использования уже полученных навыков и умений из различных областей, т.е. способствовало действительному и осмысленному обучению. 35% отметили, что приобрели навыки и умения, которые не рассчитывали получить.

Из анализа анкетных данных очевидно, что 98% всех участников отметили пользу конферен-

ции с точки зрения получения навыков библиографической деятельности. 75% участников сочли, что в процессе работы они смогли познакомиться с новыми компьютерными программами и электронными базами данных. Однако, 20% опрошенных, в число которых, в основном, входили студенты ДВО, считали старую систему семинаров и свойственную им фрагментарную организацию деятельности более подходящей. Такую точку зрения студентов ДВО можно объяснить их загруженностью в процессе подготовки и работы конференции, так как они должны были совмещать работу с учебой. Но, тем не менее, несмотря на имеющуюся критику, все студенты оценили конференцию положительно.

Следует отметить, что преподаватели, принявшие участие в организации и работе конференции, также положительно ее оценили. Так, в частности, преподаватели отметили, что конференция в целом способствовала развитию склонности к исследованиям и боле глубокому пониманию обсуждаемых тем. К недостаткам организационной работы конференции преподаватели отнесли необходимость затрат значительных усилий, направленных на координацию деятельности всех ее участников и незначительное количество преподавателей, принимавших в ней участие.

Анализ работы конференции как одной из форм организации учебного процесса показал, что в дальнейшем для ее улучшения необходимо:

1. Четко формулировать исследовательские задачи и обеспечить максимальный объем знаний по заданной тематике (предподготовка к конференции на семинарских занятиях).

2. Принимать более активное участие в конференции профессорско-преподавательскому составу.

3. Привлекать к работе конференции большее количество студентов, т.к. студенты, принявшие в ней участие, стали активнее посещать учебные занятия и участвовать в учебном процессе.

В заключение следует отметить, что проблемно-ориентированное обучение обеспечивает «переход от обучения, основанного на преподавании к преподаванию, основанному на обучении» [3] и способствует замене индивидуального обучения групповым. Особое значение проблемно-ориентированное обучение и научно-практическая конференция, как один из ее видов, имеет для образования аспирантов и начинающих преподавателей, так как позволяет максимально использовать имеющиеся знания и опыт.

Не случайно, аспиранты и студенты ДВО отметили эффективность конференции как одну из форм проблемно-ориентированного обучения для формирования навыков межличностного общения, что представляет значительный интерес с точки зрения Болонского процесса и его задач в области образования в течение всей жизни. В целом студенты и преподаватели охарактеризовали конференцию как увлекательный опыт инновационной учебной деятельности. Есть основания полагать, что подобные формы группового взаимодействия и многогранного обучения необходимо активно применять в учебных планах университетов.

Библиографический список

1. *Bereiter, C., Scardamalia, M.* «Commentary on Part I: Process and Product in Problem – Based Learning (PBL) Research» // in Evenson, D., and HMELO, C., eds. Problem Based Learning: A Research Perspective on Learning Interactions. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2000. – P. 185–195.

2. The European Higher Education Area// Joint Declaration of the European Ministers of Education // Bologna: 19th June, 1999.

3. *Fenwick T.* «Problem – Based Learning, Group Process, and the Mid – Career Professional: Implications for Graduate Education» // Higher Education Research and Development. – 2002. – 2/1. – P. 5–21.

4. Samford University PBL Institute, 2002 at < http: // www. samford.edu/ pbl / history.html>.

Ж.А. Захарова

ОПЫТ СОПРОВОЖДЕНИЯ ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ

Присущая нашему обществу нестабильность прямо или косвенно влияет на современную семью, влечет за собой ослабление или не выполнение ею родительской функции. В современных условиях семья – главная и естественная защита ребенка – оказалась в кризисной ситуации, что привело к такому социальному последствию, как появление социального сиротства детей. В настоящее время из 800 тысяч детей-сирот, 96% – это дети, оставшиеся без попечения при живых родителей. Небывалый рост числа таких детей, ограниченные возможности государственных учреждений по их социализации привели к распространению семейных форм жизнеустройства данной категории детей, стали альтернативой институциональным формам их воспитания. Многочисленные исследования (В.И. Брутман, С.Н. Ениколопов, М.Г. Панкратова и др.) свидетельствуют, что содержание ребенка, особенно с раннего возраста, в казенных учреждениях, неизбежно приведут к благоприятным и трудно обратимым изменениям в его психическом и социальном развитии, невзирая на то, какие бы при этом комфортные условия государством и обществом не создавались. В частности, доказано, что нормально ребенок может развиваться только в условиях семьи, исторически складывающийся опыт помещения ребенка в другую (новую) семью для обеспечения нормальных условий его социализации, признаются во всем мире наиболее перспективным.

У Яна Корчака есть высказывание об интернатных учреждениях для детей-сирот. Оно звучит так: «Интернат для сирот – это клиника, где встречаются всякие недомогания души и тела при слабой сопротивляемости организма, где отягощенная наследственность, мешает и задерживает выздоровление. И если интернат не будет моральным курортом, есть угроза, что он станет очагом заразы». Исходя из вышесказанного, можно утверждать о важной роли для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей замещающей семьи. Однако, ребенок и, особенно, семья нуждаются в подготовке к выполнению возложенных на них функций.

С августа 2004 года на базе Ченцовского детского открыта опытно-экспериментальная площадка по теме: «Программно-методическое обеспечение процесса воспитания ребенка в замещающей семье». Данная тема была выбрана не случайно.

Ченцовском детском доме, который был открыт 22 января 1997 году, за годы своего существования был накоплен богатый опыт по устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающие семьи (на усыновление, под опеку и попечительство, в приемные, патронатные и гостевые семьи), а так же уже имелся определенный опыт по сопровождению семей данной категории.

Данный детский дом является малокомплектным, он рассчитан на 26 воспитанников. Коллектив Ченцовского детского дома поддерживает отношения со своими выпускниками, отслеживая их судьбу: ведет переписку, приглашает на мероприятия, проводимые в детском доме, интересуется личной жизнью воспитанников, помогает в устройстве на работу и учебные заведения. Управленческие кадры детского дома имеют достаточно высокий профессиональный уровень. Сотрудники Ченцовского детского дома имеют опыт проведения и участия в семинарах для различных категорий работников образования, Дней открытых дверей, педагогических советов с приглашением общественности, научно-практических конференций по проблемам устройства детей-сирот в приемные семьи, сопровождения и оказания всесторонней помощи приемным родителям и их неродным детям.

Как показывает личный опыт и опыт других замещающих семей, приемные родители нередко сталкиваются, независимо от их возраста, образовательного уровня, жизненного опыта, с многочисленными проблемами, связанные с воспитанием приемного ребенка. Оказавшись перед лицом многочисленных естественных трудностей, без своевременной помощи и поддержки специалистов они вынуждены принимать нежелательное решение – отказ от ребенка.

Следовательно, поддержка данных семей должна иметь плановый характер. Комплексная помощь семьям позволит не только улучшить ситуацию в этих семьях, разрешить проблемы сегодняшнего дня, но и отработать методику комплексного сопровождения замещающих семей, при

© Ж.А. Захарова, 2006

этом особое внимание, уделяя не только взрослым членам замещающей семьи, но и ребенку.

Под социально-педагогическим сопровождением замещающей семьи, нами понимается оказание приемным родителям и ребенку, оказавшемся в новой ситуации помощи и поддержки в решении задач гармонизации отношений между взрослыми и детьми, адаптации последних в новой среде [1; 2].

Наш опыт работы с приемными детьми показывает, что содержание социально-педагогического сопровождения должно включать профилактику возникновения конфликтных ситуаций между взрослыми и детьми, между ближайшими родственниками, помощь в их конструктивном разрешении в успешной адаптации к новым ролям и позициям приемных родителей и ребенка. Следовательно, такое сопровождение не сводится к одному формальному посещению семьи, краткой беседе, не подкрепленной длительным наблюдением или поверхностному ознакомлению с материально-бытовым обеспечением ребенка.

Длительное наблюдение за приемными семьями, анализ записей их консультирования, анкетирование дало возможность выделить основные проблемы: 1) незнание особенностей развития детей, имеющих негативных опыт в биологической семье и в последствии, воспитывающихся в государственном учреждении (характерологических особенностей, причин нарушения поведения и т. д.); 2) неготовность взрослых к трудностям и переменам в семье, которые возникают с появлением нового члена; 3) непонимание задач и целей коррекционной работы, которая является основной в деле воспитания депривированных детей в условиях замещающей семьи.

При этом, исследование показало, что: 97% замещающих родителей осознают потребность в помощи со стороны специалистов: на 1-м месте – юридического; на 2-м – психологического; на 3-м – социально-педагогического характера. Только, 3% из числа опрошенных считают, что данного рода помощь им не нужна.

В тоже время, из общего числа продиагностированных приемных родителей: 63% – выражают тревожность по поводу внедрения в их семью специалистов, но готовы сотрудничать; 25% – категорически против общения со специалистами, так как 23% из них не доверяют специалистам, однажды столкнувшись с непониманием, грубостью и неуважением.

Проведенный параллельно с этим опрос с воспитанников детского дома, в связи с их готовностью к переходу в замещающую семью с помощью проективных методик (рисуночные тесты), показал, что примерно 63% опрошенных воспитанников разного возраста хотели бы проживать и воспитываться в семье (замещающей) (не зависимо от предшествующего имеющегося или отсутствующего опыта проживания в семье); около 62% ребят не исключают в качестве альтернативы и возможность усыновления; при этом 30% из них высказали пожелание для начала пожить временно в семье, чтобы получить хотя бы первоначальное представление о семейном жизнеустройстве, а уже потом принимать окончательное решение; около 36% воспитанников хотели бы вернуться в кровную семью.

Вместе с тем следует отметить, что 25% детей-сирот против перехода в замещающую семью. В качестве основных причин такого отношения является страх непринятия в семье, несовместимость характеров и интересов., возможность отказа и возврата в государственное учреждение. 12% воспитанников не хотели бы ничего менять, всем остальным формам проживания предпочтение отдают детскому дому.

Практически, у всех воспитанников отсутствует четкое представление о семье как системе взаимоотношений, прав и обязанностей. Семья ими воспринимается как средство для достижения своих потребностей, возможность иметь свое личное жизненное пространство. В тоже время они не представляют и не понимают своего места и роли в семье вообще и в приемной в частности.

Почти все дети Ченцовского детского дома на сегодняшний день имеют опыт проживания в семье (патронат, замещающие семьи, гостевые на время каникул). Изучение удовлетворенности от пребывания в семье показало, что: 50% из них хотели бы перейти в приемную семью на совсем. В то же время, 20% детей получили негативный опыт (слышали упреки в свой адрес от своих биологических родителей, требования со стороны приемных родителей благодарности за то, что их приняли в семью). Поэтому, естественно они не испытывают горячего желания вернуться в замещающую семью.

В качестве мотивов перехода в приемную семью, как свидетельствуют полученные нами данные, являются: для 42% – потребность в любви, внимании; 33 % – быть обычным ребенком (как

другие); 25% – иметь личное жизненное пространство, личные вещи, отдельную собственную комнату и т.п.

Все вышесказанное позволило сделать предварительные выводы о том, что: 1) около 57% детей, воспитывающихся в детском доме положительно настроены на переход в замещающую семью и готовы это сделать при условии наличия претендентов на усыновление и прием детей. Причем, большая часть детей не видит для себя возможным вернуться в кровную семью, более того, негативно относятся к своим кровным родителям; 2) у многих ребят, особенно, в подростковом возрасте наблюдается высокая тревожность по отношению к переменам условий жизни. Наряду с желанием проживать в семье, присутствует страх вторичного отказа (возврата) из-за своего характера (заниженная самооценка); 3) у детей, особенно, старшего возраста присутствует понимание необходимости первоначального временного проживания с целью адаптации в семейных условиях и лучшего понимания правил традиций семьи и узнавания каждого из членов семьи.

На основании полученных данных нами была разработана модель службы сопровождения замещающих семей. Деятельность этой службы предполагала следующие направления:

1. Система подбора и подготовки замещающих семей к приему детей, включающая:

1) информационный (информирование населения); 2) диагностический (всестороннее изучение личности потенциального приемного родителя, выявление истинных мотивов принятия ребенка в семью, диагностика профессиональной и личностной готовности кандидата в приемные родители и выполнению данной роли, диагностика внутрисемейных отношений потенциальных родителей т.п.); 3) обучающий (вооружение потенциальных родителей знаниями правовых основ законодательства, способам ухода за ребенком, особенностей процесса социализации детей, воспитывающихся вне семьи, а также навыками и умениями разрешать конфликтные ситуации в процессе воспитания детей – сирот в замещающей семье; 4) практический (сопровождение приемных родителей в процессе жизнедеятельности замещающей семьи).

2. Подготовка потенциальных родителей, которая состоит из этапов: 1) знакомство. Диагностика; 2) распределение по группам обучения (может отсутствовать при отсутствии численности кандидатов); 3) обучение; 4) подготовка необходимых документов кандидатами в приемные родители; 5) заключение (готовность замещающего родителя к выполнению новой роли).

3. Система подготовки ребенка к помещению в замещающую семью, которая включает следующие этапы: 1) диагностический (медико-психолого-педагогическое изучение ребенка); 2) подбор приемных родителей, на основе обследования обеих сторон с учетом совместимости; 3) обучающий (формирование представлений ребенка о сферах жизнедеятельности семьи, ролях членов малой социальной группы); 4) знакомство с приемными родителями (сценарии: время, место, окружение); 5) практический (патронаж в замещающей семье).

4. Процесс сопровождения ребенка в такой семье, который состоит из двух этапов: поддержка ребенка, который, попадая из обстановки государственного учреждения в семью, переживает достаточно выраженный кризис и начинает бессознательно сопротивляться изменениям, которые от него требует новая обстановка.

На этом этапе необходима помощь психолога и социального педагога, которая может выражаться в индивидуальных занятиях с ребенком, направленных на сглаживание адаптационного периода, консультирование, система тренингов.

Второй этап, который по основным признаком может быть назван *этапом напряжения*, также по-разному протекает в семьях, находящихся в системе сопровождения и вне его. В семьях, лишенных сопровождения, начинает особенно сильно нарастать напряжение. Учащается количество обращений за помощью. Как правило, появляются эпизоды девиантного поведения, например, воровства. Причем выявилась некоторая закономерность: если у ребенка устанавливаются хорошие отношения в семье, то и воровство происходит дома. Если в отношениях имеет место эмоциональная холодность, то дети совершают кражи в школе.

Здесь необходима совместная работа с родителями и детьми. Хорошо зарекомендовали себя совместные тренинги.

К концу первого года совместного проживания семьи переживают определенный кризис, длящийся один – два месяца. У родителей резко возрастает уровень критики по отношению к приемным детям. Практически в два раза увеличиваются показатели делинквентности детей в оцен-

ках семьи. Семьи жалуются на то, что они устали, дети раздражают их и т.д. Это состояние можно было бы назвать *кризисом перестройки*, внешним проявлением которой является отвержение. Несмотря на внешнее отвержение, уровень эмоционального благополучия детей остается стабильно хорошим. К концу первого года состояние семьи стабилизируется. Достаточно высоко оценивают динамику развития детей по всем показателям учителя. В семьях, находящихся вне системы сопровождения, второй этап («напряжение») имеет затяжной характер и продолжается от одного года до 18 месяцев.

После первого года снижается уровень напряженности в семье, появляются позитивные изменения в отношениях, продолжают улучшаться показатели развития приемных детей. Конфликтными остаются отношения в подсистеме приемных детей, которые нередко видят друг в друге конкурентов за место в семейной семье. У членов кровных семей возрастает чувство вины перед приемными. Приемные дети на бессознательном уровне идентифицируются с кровными, хотят быть принятыми семьей. Наблюдается определенный «штиль» в состоянии семьи – соответственно можно выделить *этап штиля* (от 11-го до 24 месяца приема), на котором происходит взаимное осознание причастности. К концу второго года (+ два-три месяца) этот «штиль» заканчивается неожиданным «взрывом», который выражается при обследовании в повышении уровня неудовлетворенности практически по всем областям функционирования семьи. Приемные дети начинают оцениваться как еще более агрессивные и асоциальные. У кровных, по мнению родителей, повышается агрессивность. Этот этап может быть назван *этапом разочарования*, или *депрессии*.

Некоторые семьи на этом прекращают свое существование как замещающие, отдают детей. В двух случаях дети сами отказались жить в семье (характерно, что это были подростки) и ушли в детский дом.

«Взрыв», как мы уже сказали, переходит в «депрессию», семья начинает осознавать проблемы приема. Этот кризис идентичности семьи длится около полугода и заканчивается более глубоким осознанием проблем и ответственности, связанных с приемом. Сложнее всего этот кризис осознания проблем переживает мать – глава семьи.

Таким образом, динамика развития приемной семьи имеет свои закономерности, этапы и кризисы. Приемной семье необходима научно обоснованная помощь, так как социально-педагогическое сопровождение в паре с психологическим значительно облегчает и улучшает динамику взаимной адаптации ребенка-сироты и приемной семьи.

Ребенок, попадая в замещающую профессиональную семью, строит отношения не только со взрослым, который занимается его воспитанием, но и со всей семьей в целом, т.е. имеет дело уже с системными процессами. Распространенной ошибкой в процессе социально-педагогического сопровождения является выдвижение на первый план матери или приемных родителей, т.е. преимущественная концентрация на детско-родительских отношениях при игнорировании роли семьи как системы, характеризующейся определенной структурой, паттернами взаимодействия, имеющей свою историю и идеологию, т.е. ценности, традиции, ритуалы. Ребенку необходимо адаптироваться к особенностям функционирования семейной системы как целого (в противном случае он будет отвергнут). В процессе адаптации семья пытается изменить ребенка, приспособить его к требованиям системы. Но и она в свою очередь не в состоянии избежать изменений, несмотря на свое сопротивление им, и должна переструктурироваться (как на уровне структуры, так и на уровне выработки нового репертуара стратегий функционирования) или отвергнуть ребенка.

Следовательно, осуществляя социально-педагогическое сопровождение особое внимание следует уделять моменту принятия ребенка в семью, так как для эффективной его адаптации в семье, важна особая позиция родителей, умение с их стороны руководствоваться чувством меры. В противном случае велика опасность серьезных дефектов развития. Если в минуту принятия ребенка в семью не удовлетворить его потребности в любви, защищенности, то дети растут с ощущением того, что они лишние, ненужные, их предпочитают другим и отдаляются от взрослых.

Специально организованное на этапе вживания ребенка в семью семейное обучение приемного основным жизненным навыкам, элементарному социальному поведению призвано решать такие реабилитационные задачи, как: развитие разнообразных форм общения, взаимодействия; совершенствование физического здоровья и эмоционального состояния приемного ребенка; фор-

мирование у него основных умений и навыков общественного поведения.

Кроме семейного обучения, на данном этапе важна стабилизация видоизмененного образа жизни взрослых членов семьи, восстановление и сохранение их психологического здоровья.

Этап присвоения приемным ребенком семейных традиций будет продуктивным, если осуществляется на фоне определенных сложившихся или складывающихся отношений в новой семье.

В связи с этим можно выделить несколько направлений воспитательной деятельности в приемных семьях:

1. Сохранно-восстановительное. Оно предусматривает создание благоприятных условий для нормального развития физического, психического (эмоционального), социального здоровья ребенка и предполагает своевременную диспансеризацию, поддержание постоянного контакта с медицинскими службами, специалистами, приучение приемного ребенка к основным гигиеническим навыкам, его закаливание, формирование у ребенка представлений о ценности как здоровья, так и здорового образа жизни, обучение тем действиям, которые позволяют обеспечить правильное развитие левой и правой частей тела, координации движений, моторики мелких движений. Большую помощь в этом могут оказать подвижные игры с предметами, прыжки со скакалкой, преодоление различных препятствий. В дальнейшем рекомендуется пользоваться красками, карандашами, ножницами, настольными играми, строительство моделей из бумаги и т.д.

2. Общеразвивающее, предполагает развитие потенциалов ребенка, его обучаемость. Для этого применяются практические упражнения, многочисленные дидактические игры.

3. Социально-ориентирующее, которое призвано расширить и обогатить индивидуальный жизненный опыт усыновленного посредством включения его в ситуации выбора, обучение умению взаимодействовать с другими детьми, взрослыми, группой сверстников и т.д.

4. Эмоционально-обогащающее, ориентированное на установление эмоциональных связей у приемного ребенка для развития его позитивного социального самочувствия, собственной защищенности. Здесь большое значение имеют совместные переживания радости, горести, тревоги [1].

Каждому этапу характерны свои специфические задачи и содержание.

Таким образом, можно утверждать, что приемные дети нуждаются в социально-педагогическом сопровождении со стороны специалистов, а оказание своевременной и квалифицированной помощи будет способствовать гармонизации внутрисемейных связей и успешности воспитания данной категории детей.

Библиографический список

1. *Басова В.М., Захарова Ж.А.* Формирование социально-педагогической компетентности у приемных родителей (усыновителей). – Кострома, 2003. – 104 с.

2. *Захарова Ж.А., Осипова И.И.* Замещающая семья. – М., 2005. – 112 с.

В.Г. Каменская, Ю.К. Козырева

СЕНСОМОТОРНОЕ И КОГНИТИВНОЕ РАЗВИТИЕ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ ЮВЕНИЛЬНОСТИ

Опираясь на синергетический подход к построению четырех координатной модели развития человека [1], можно рассматривать ребенка как сложную самоорганизующуюся динамическую систему, которая может быть описана четырьмя обобщенными координатами, одна из которых связывается с эволюционно-биологическим становлением человека как вида. Названа она в этой модели филетической дистанцией и рассматривается как один из ведущих факторов, определяющих психосоматические особенности человека, в частности его интеллект [7; 8].

В исследовании Л.А. Рудкевича [1; 7; 8] доказано, что филетическая дистанция или ювенильность определяет ряд признаков психофизиологических и психологических, по которым ювенильные дети и подростки существенно отличаются от неювенильных. Важно отметить, что вопрос об особенностях развития интеллектуальных способностей и сенсомоторной интеграции у детей

© В.Г. Каменская, Ю.К. Козырева, 2006

с разной степенью ювенильности остается не до конца изученным и поэтому актуальным.

Хорошо известно, что сенсомоторная интеграция: ее скоростные особенности и качество интегративных процессов, определяемых динамическими свойствами нейрональных систем мозга, лежит в основе развития когнитивных функций [4; 5]. Предполагается, что у эволюционно более продвинутых индивидов с высокой ювенильностью качество сенсомоторной интеграции и скорость обработки сенсорной информации выше по сравнению с низко ювенильными, что должно положительно коррелировать с более высоким уровнем развития интеллекта. Таким образом сформулированная гипотеза работы предполагает *цель исследования:* изучить дифференциально-психологические особенности сенсомоторных реакций и интеллектуальной деятельности в двух группах старших дошкольников с различающейся степенью ювенильности. Соответственно можно сформулировать следующие экспериментальные задачи:

– сформировать две альтернативные группы детей с высокой и низкой степенью ювенильности (5–6 и 6–7 лет);

– сравнить параметры сенсомоторных реакций и описать их возрастные изменения в этих выборках;

– провести анализ связи качества сенсомоторной интеграции и выполнения интеллектуальных тестов дошкольниками с разной степенью ювенильности.

Было проведено лонгитюдное исследование специфики развития интеллектуальных способностей, речемыслительной деятельности, сенсомоторной интеграции у детей 5–7 лет с различающейся степенью ювенильности.

Методы исследования

Антропометрические и антропоскопические методики. В работе были использованы методы, которые включали антропометрию (телесные замеры) и антропоскопию (визуальную оценку телесных признаков) [8]. Основные измеряемые признаки: обхват головы, длина головы, ширина головы, морфологическая высота лица, физиономическая высота лица, скуловой диаметр, нижнечелюстной диаметр, наименьший лобный диаметр. Дополнительные измеряемые признаки: измерение толщины кожно-жировых складок (КЖС) (калиперные замеры), обхватные замеры (замеры периметров), вес тела, длина тела.

Оценки речемыслительной деятельности и развития интеллекта. Изучение качества речемыслительных процессов производилось с помощью свободного ассоциативного эксперимента, который является модификацией подходов А.Р. Лурии [6]. Для оценки интеллектуального развития использовался тест *Д.Векслера (WISC).* (Адаптированный вариант. В.И.Тимофеев, Ю.И. Филимоненко. ГП «Иматон», 1994 г.)

Оценка качества сенсомоторной интеграции. Для исследования скоростных свойств сенсомоторных реакций и качества сенсомоторной интеграции применялась компьютерная версия рефлексометрии, являющаяся современным инструментальным вариантом изучения времени реакции человека (ВР) [4; 9]. Методика направлена на изучение специфики отражения временной упорядоченности внешних сенсорных цепей в конкретных значениях ВР на акустические и зрительные стимулы и статистических параметрах их распределений во времени (по величине Н-индекса Херста). Это позволяет получить сведения о развитии базисных психофизиологических механизмов обработки зрительной и акустической информации, качестве сенсомоторной интеграции, основных свойствах непроизвольного внимания [2–5].

Обработка результатов исследования проводилась с помощью стандартных методов оценки достоверности различий по t-критерию Стьюдента и корреляционного анализа.

Результаты исследования

Формирование групп детей с различной степенью ювенильности. Высокая степень ювенилизации оказалась связанной с редукцией лицевого и усилением мозгового отделов черепа, для ювенильных детей характерна достоверно меньшая величина лицевых размеров и большая величина мозговых размеров, то есть морфологическая высота лица, скуловой диаметр, нижнечелюстной диаметр у ювенильных детей 5–6 лет мельче, чем у их неювенильных сверстников. По показателям мозгового черепа обнаружена противоположная закономерность: они оказались крупнее у ювенильных детей 5–6 лет. Особенно сильно с параметром ювенильность связан параметр «наибольший обхват головы». Помимо кефалометрических использовались в оценке ювенильности три кефалоскопических признака: профиль лица, форму затылка и форму лба. У ювенильных представителей преобладал выпуклый затылок, выпук-

лый или прямой лоб; у неювенильных – прямой затылок, покатый (скошенный) лоб.

Были обнаружены сцепленные с разной степенью ювенильности определенные конституциональные особенности старших дошкольников. Удалось установить, что все известные признаки грацилизации (обхват шеи, обхват талии, форма грудной клетки, обхватные размеры конечностей и диаметры эпифизов, толщина кожно-жировых складок) связаны с ювенильностью. Таким образом, ювенильные дети оказываются более грацильными. О процессе грацилизации свидетельствуют уменьшения толстотных и обхватных замеров конечностей. У ювенильных дошкольников величины основных замеров конечностей: обхвата плеча, обхвата предплечья, обхвата бедра, обхвата голени, эпифиза плеча, эпифиза предплечья, эпифиза бедра и эпифиза голени, оказываются меньшими, чем у неювенильных.

Кожно-жировые складки (калиперные замеры) служат показателями жироотложения на теле и конечностях и также могут рассматриваться как маркеры процесса грацилизации, при этом, связь двух параметров – кожно-жировой складки бедра и верхнеподвздошной кожно-жировой складки – очень существенна. Весоростовой индекс также можно рассматривать как показатель грацильности (он указывает на относительно небольшие значения массы тела при больших показателях длины тела). У ювенильных детей 5–6 лет его значения ниже. Итак, высоко ювенильные дети (n=71) характеризуются грацильностью, преобладанием мозгового черепа над лицевым, специфической формой черепа. Низко ювенильные дошкольники (n=84) не имеют этих связанных вместе признаков, при этом максимальные отличия обнаружены в пропорциях лицевого и мозгового черепа.

Особенности развития интеллектуальных способностей и речемыслительной деятельности у детей 5-6 лет с разной степенью ювенильности. По результатам выполнения дошкольниками заданий теста Д. Векслера удалось обнаружить, что ювенильные дети 5–6 лет характеризуются высоким уровнем развития общего интеллекта (среднегрупповой показатель – 108,2баллов), при этом невербальный интеллект достоверно преобладает над вербальным (111,2 и 104,6 баллов соответственно). Дети 5–6 лет с низкой степенью ювенильности характеризуются более низким уровнем развития общего интеллекта (среднегрупповой показатель – 102,5 баллов); относительным равенством вербальной и невербальной субшкал интеллекта (103,4 и 104,7 баллов соответственно). Сравнительный анализ показал, что развитие вербального интеллекта находится на одном уровне в двух исследуемых выборках; показатели невербального интеллекта достоверно выше у ювенильных детей 5–6 лет, по сравнению с их неювенильными сверстниками.

Оценка специфики и уровня развития словесных ассоциативных процессов с использованием методики свободного ассоциативного эксперимента выявила, что уровень развития вербальных способностей достоверно выше в группе ювенильных дошкольников, по сравнению с их неювенильными сверстниками: среднегрупповые показатели КВИ (в %) – 85,4±2,9 и 77,8±4,1 соответственно.

Для ювенильных детей характерно высокое качество словесных реакций; высокий уровень развития способности свободно и легко создавать вербальные ассоциации; достаточный объём словарного запаса; высокая скорость работы с речевой информацией, так как они тратят на выполнение ассоциативного эксперимента в целом достоверно меньше времени по сравнению с низко ювенильными сверстниками. В группе неювенильных детей обнаружено снижение общей вербальной продуктивности, отмечена высокая частота использования некачественных ассоциативных реакций и меньшая скорость обработки вербальной информации: в среднем 4,0±0,25 мин. по сравнению с 3,5±0,25 мин.у высоко ювенильных дошкольников.

Сравнительный анализ результатов оценки скоростных свойств сенсомоторного реагирования и качества сенсомоторной интеграции у детей 5–6 лет с разной степенью ювенильности. Ювенильные дети имеют достоверно более высокое значение среднегруппового показателя временной организации сенсомоторных реакций, индекса Херста (**H**) как во фрактально, так и в хаотически организованных сериях, чем их неювенильные сверстники. Эти данные свидетельствуют о том, что у ювенильных детей корреляционные соотношения в распределении отдельных сенсомоторных реакций более организованы и устанавливаются в более длинных интервалах времени. Это соответствует предположению о более высоком развитии памяти и непроизвольного внимания ювенильных детей.

Экспериментальные данные, приведенные в таблице 1, свидетельствуют также о более высокой скорости обработки зрительной и акустичес-

Таблица 1

Сравнение среднегрупповых показателей качества сенсомоторной интеграции у детей 5-6 лет с разной степенью ювенильности

Группа детей	Фрактальная серия				Хаотическая серия			
	Н	ВР звук	ВР свет	Ф/с (%)	Н	ВР Звук	ВР Свет	Ф/с (%)
Ювенильные дети	0,62*± 0,04	240* ±10,1	281* ±11,2	13,2*± 6,7	0,58*± 0,04	269* ±9,1	308* ±9,4	18,5* ±5,9
Неювенильные дети	0,58*± 0,04	301* ±8,5	354* ±8,3	18,4*± 7,3	0,55*± 0,03	327* ±7,2	334* ±8,4	22* ± 8,2

Примечания: * – здесь и далее отмечается достоверность различий по t-критерию Стьюдента при $p \leq 0,05$;
Н – показатель индекса Херста;
ВР звук – время реакции на акустический стимул;
ВР цвет – время реакции на зрительный стимул;
Ф.ст. – количество фальш-стартов, т.е. реакций, опережающих стимул.

кой информации ювенильными детьми в обеих сериях с различающейся степенью упорядоченности сенсорного потока. При этом количество ответных реакций, опережающих стимул, т.е. фальш-стартов, в выборке ювенильных детей достоверно меньше, чем в выборке детей с низкими показателями ювенильности; эти данные свидетельствуют о большей неустойчивости непроизвольного внимания, а также о сниженном уровне регуляции сенсомоторной деятельности.

Стоит отметить, что у всех старших дошкольников, не зависимо от степени ювенильности, ВР на звуковой стимул достоверно короче, чем на зрительный, что соответствует представлениям о нормальном интеллектуальном развитии детей дошкольного возраста [4].

Особенности развития интеллектуальных способностей и словесномыслительной деятельности у детей 6–7 лет с разной степенью ювенильности в условиях адаптации к школе.

Результаты оценки развития интеллекта свидетельствуют о том, что в период начала систематического обучения у ювенильных детей 6–7 лет достоверно повысился уровень общего интеллекта (до 113,1 баллов); при этом сохранилось преобладание невербального интеллекта над вербальным. У детей 6–7 лет с низкой степенью ювенильности выявлен недостаточный темп развития некоторых интеллектуальных способностей, однако уровень общего интеллекта статистически значимо не изменился.

Анализ результатов ассоциативного эксперимента показал, что в период адаптации к школе для ювенильных детей 6–7 лет характерно повышении уровня функционирования речемыслительной деятельности: повышение качества ассоциативных процессов (до 92,7±1,3) и скорости формирования качественных словесных ассоциаций: временные затраты на процесс ассоциирования уменьшился с 3,5±0,25 до 3,25±0,25.

Неювенильные дети 6–7 лет отличаются низким темпом развития вербального интеллекта, недостаточным уровнем функционирования речемыслительной деятельности, снижением скорости обработки вербальной информации в период адаптации к школе, по сравнению с их ювенильными сверстниками. Так процент качественных реакций низко ювенильных детей к 6–7 годам возрос всего на 2,7%, временные затраты при этом не уменьшились, как это наблюдалось у ювенильных детей, а возросли до 4,25±0,25.

Полученные данные по изучению функционирования процессов сенсомоторной интеграции в условиях адаптации к школе показали, что у ювенильных детей средне групповое значение показателя индекса Херста (табл. 2), отображающего способность испытуемого улавливать динамическую систему, заложенную в вариативности межстимульных интервалов, увеличилось во фрактально организованной серии, которая характеризуется наличием длинных корреляционных связей в разных масштабах времени; и не изменилось в хаотически организованной серии, которая отличается наличием коротких и сильных корреляционных связей. Это свидетельствует о том, что у ювенильных детей в процессе адаптации к школе повысился способность отражать временную упорядоченность внешних сенсорных цепей в условиях работы с фрактальной серией, в которой существует более полная определенность и предсказуемость появления конкретных межстимульных интервалов.

Таблица 2

Изменение среднегрупповых показателей качества сенсомоторной интеграции у ювенильных детей 6–7 лет

Возраст	Фрактальная серия				Хаотическая серия			
	Н	ВР звук	ВР свет	Ф/с (%)	Н	ВР звук	ВР свет	Ф/с (%)
5–6 лет	0,62*±0,04	240±10,1	281*±11,2	13,2*±6,7	0,58±0,04	269±9,1	308*±9,4	18,5±5,9
6–7 лет	0,64*±0,02	238±9,8	257*±10,5	10,4*±7,3	0,58±0,03	263±7,2	284*±8,4	17±6,2

У ювенильных детей выявлено уменьшение показателя времени реакции на зрительный стимул в процессе работы во фрактально и хаотически организованных сериях, то есть у ювенильных детей увеличилась скорость обработки зрительной информации, что приводит к ускорению формирования сенсомоторного реагирования вне зависимости от степени упорядоченности сенсорного потока (табл. 2).

В группе ювенильных детей количество ответных реакций опережающих стимул (фальш-стартов) достоверно сократилось во фрактально организованной серии, однако в хаотической серии количество фальш-стартов достоверно не изменилось, Это может свидетельствовать о совершенствовании механизмов непроизвольного внимания и о повышении уровня регуляции сенсомоторной деятельности в условиях работы с такой информацией, которая характеризующется высокой степенью определенности и предсказуемости.

Анализ результатов оценки качества сенсомоторного реагирования неювенильных детей 6–7 лет (табл. 3) выявил, что значение показателя динамической организованности моторных реакций, индекса Херста, достоверно не изменилось как во фрактальной (с высокой степенью организованности сенсорного потока), так и в хаотической (с меньшей степенью организованности сенсорного потока) сериях. Это свидетельствует о недостаточном развитии когнитивных механизмов, отвечающих за отражение временной структуры сенсорных потоков, что связано с более низким качеством функционирования памяти и непроизвольного внимания у неювенильных детей 6–7 лет, по сравнению с их ювенильными сверстниками.

В группе неювенильных детей достоверно не изменился средне групповой показатель времени реакции на зрительный стимул, но увеличился средне групповой показатель времени реакции на акустический стимул в условиях работы в хаотически организованной серии. Оказалось в этом случае, что показатель времени реакции на акустический стимул стал больше, чем показатель времени реакции на зрительный стимул. Это, видимо, связано со снижением функционирования механизмов переключения внимания в условиях адаптации к систематическому обучению и низкой пластичностью нейрональных процессов у низко ювенильных детей (табл. 3). У этих детей кроме этого увеличилось количество фальш-стартов в хаотически организованной серии. Это свидетельствует о том, что в условиях сниженной степени упорядоченности сенсорного потока большее число ответных реакций опережает стимулы и могут возникнуть случайно распределенные, сенсомоторные реакции. Это, видимо, связано со снижением качества функционирования регуляторных механизмов сенсомоторной деятельности у неювенильных детей в период начала обучения в школе.

Таким образом, анализ возрастных изменений в качестве решения когнитивных задач и выполнения сенсомоторных заданий детьми с низкой ювенильностью свидетельствует о иных тенденциях и закономерностях, связанных прежде всего с замедлением формирования качественных сенсомоторных реакций в динамически организованных сти-

Таблица 3

Изменение среднегрупповых показателей качества сенсомоторной интеграции у неювенильных детей 6–7 лет

Возраст	Фрактальная серия				Хаотическая серия			
	Н	ВР звук	ВР свет	Ф/с (%)	Н	ВР Звук	ВР свет	Ф/с (%)
5–6 лет	0,58±0,04	301±8,5	354±8,3	18,4±7,3	0,55±0,03	327*±7,2	334±8,4	22*±8,2
6–7 лет	0,57±0,04	298±7,8	351±7,1	17,2±8,5	0,54±0,04	349*±6,8	330±9,1	25*±7,7

мульных сериях. Обнаружено снижение точности сенсомоторных реакций и уменьшение скорости обработки акустической информации, что может в дальнейшем привести к проблемам освоения школьной программы, которая в начальной школе в значительной степени строится на вербальной коммуникации звуковой природы.

Обсуждение

Обсуждение полученных экспериментальных результатов основано на определении статистически значимых соотношений между изучаемыми системами признаков сенсомоторного реагирования и когнитивными процессами с использованием корреляционного анализа. В статье приведены только значимые коэффициенты корреляции.

Особенности корреляционных отношений между показателями интеллектуальной деятельности и характеристиками сенсомоторного реагирования у ювенильных детей. Обнаружена достоверная положительная корреляционная связь (r=0,7) между показателем качества выполнения ассоциативного эксперимента и показателем индекса Херста во фрактальной серии. Это позволяет рассматривать высокое качество речемыслительных реакций во взаимной связи со способностью отражать фрактальную структуру сенсорных серий для формирования упорядоченных во времени сенсомоторных реакций. Возможно, эти соотношения и легкость их формирования в детском возрасте служит предиктором высоких интеллектуальных способностей в старших возрастах.

Обнаружена положительная корреляция (r=0,58) между показателями времени работы с ассоциативным экспериментом и временем реакции на акустический стимул: чем меньше времени требуется на анализ акустической информации, следовательно, чем выше скорость реагирования на звуковой стимул в том числе в режиме низкой степени упорядоченности сенсорного потока, тем быстрее формируются качественные словесные ассоциации. Динамические характеристики могут рассматриваться в качестве сквозных механизмов обработки акустической и акустико-моторной информации, которая требует для своего анализа активации нейрональных структур лобных отделов коры мозга [5].

Обнаружена сильная отрицательная связь между уровнем развития перцептивных способностей, включенных в зрительное узнавание знакомых объектов, умения дифференцировать существенное от второстепенного в зрительных образах и временем реакции на акустический (r = -0,7) и зрительный стимул (r = -0,5) во фрактальной серии. Показано, что чем меньше времени требуется на анализ акустической и зрительной информации, следовательно, чем выше скорость обработки акустической и зрительной информации в условиях высокой степени упорядоченности сенсорного потока. тем выше уровень развития перцептивного внимания в тесте Д. Векслера и тем лучше способность к перцептивным дифференцировкам. Скорость обработки зрительных стимулов в хаотически организованных сериях, кроме этого, оказалась связанной с уровнем развития произвольного внимания: его концентрированностью, переключаемостью, которые определялись в субтесте «Перекодировка». Эти корреляционные соотношения еще раз подчеркивают высокую значимость скоростных характеристик обработки информации.

Обнаружена достоверная отрицательная корреляционная зависимость между показателями субтеста «Лабиринт» и количеством фальш-стартов в двух сериях (r = -0,6). Таким образом, чем меньше наблюдается ответных реакций, опережающих стимул, чем выше точность сенсомоторных реакций, тем выше уровень развития произвольного внимания, умения последовательно решать перцептивные задачи, удерживая свои действия в рамках произвольных ограничений. Следовательно, у ювенильных детей описаны корреляционные связи как с эффективностью речемыслительных процессов, так и с продуктивностью выполнения невербальных заданий теста Д. Векслера.

Особенности корреляционных отношений между показателями интеллектуальной деятельности и характеристиками сенсомоторного реагирования у неювенильных детей. Следует отметить, что структура корреляционных соотношений у дошкольников с низкой степенью ювенильности характеризуется отсутствием корреляционных соотношений фрактального индекса Херста с какими-либо показателями выполнения когнитивных задач. У детей с низкой степенью ювенильности фрактальные показатели распределения сенсомоторных реакций достоверно меньшие по величине и не имеют достоверных связей с интеллектуальной деятельностью по сравнению с их высоко ювенильными сверстниками. Вероятно, низкая чувствительность этих детей к

мере организованности сенсорных событий не позволяет сформировать динамически организованные ответные реакции.

Получены разнообразные связи скорости обработки сенсорной информации и показателей выполнения когнитивных задач. Обнаружена положительная корреляция (r =0,69) между показателями времени выполнения ассоциативного эксперимента и временем реакции на акустический стимул во фрактальной серии, то есть чем меньше времени требуется на анализ акустической информации в серии с высокой степенью упорядоченности сенсорного потока, тем быстрее формируются качественные словесные ассоциации.

Показана отрицательная связь (r = -0,59) между выполнением субтеста «Недостающие детали» и средним временем реакции на стимул в фрактально организованной серии: чем меньше временных затрат необходимо для анализа сенсорных стимулов в условиях фрактально организованной серии, тем выше развиты перцептивные способности в процессе дифференциации зрительных образов. Отрицательное соотношение (r = -0,62) установлено между выполнением субтеста «Кубики Косса» и средним временем реакции на стимул во фрактально организованной серии. Выполнение субтеста «Кубики Коса» оказалось связано отрицательным образом также с ВР в хаотически организованных сериях, но не на все стимулы, а только на акустический стимул (r = -0,58).

Обнаружена обратно пропорциональная зависимость между количеством фальш-стартов во фрактальной серии и субтестами «Шифровка» (r = -0,58) и «Лабиринт» (r = -0,64). Таким образом, меньшее количество ответных реакций, опережающих стимул, наблюдается при высоком уровне развития произвольного внимания, зрительно-моторной координации, скорости формирования новых навыков в режиме работы с высокой степенью упорядоченности сенсорного потока.

Большинство корреляционных связей у низко ювенильных дошкольников имеет отношение к уровню выполнения невербальных субтестов Д. Векслера. Сравнительный анализ структуры корреляционных соотношений между показателями сенсомоторных заданий с временем и эффективностью выполнения когнитивных задач у низко ювенильных детей позволяет сделать заключение о том, что эффективность речемыслительных процессов этих детей не соотносится с качеством сенсомоторных реакций в отличие от их высоко ювенильных сверстников. У последних статистические параметры распределения сенсомоторных реакций (индекс Херста, Н) осуществляемых на стимулы, имеющие высокую временную упорядоченность во фрактальных сериях, положительным образом коррелируют с качеством выполнения ассоциативного эксперимента.

На основании представленных экспериментальных материалов, посвященных различиям в выполнении когнитивных заданий и сенсомоторного реагирования в условиях предъявления не отдельных разрозненных сенсорных стимулов, а организованных в сенсорные серии, которые имеют определенную меру упорядоченности межстимульных интервалов, удалось обнаружить фактически существующую конституционально определяемую специфику перцептивной и сенсомоторной деятельности детей с различной степенью ювенильности. Дети с высокой степенью ювенильности характеризуются более выраженным темпом формирования интеллектуальных способностей и они чувствительны к стохастическим (фрактальным) свойствам сенсорных событий. Существуют теоретические и экспериментальные разработки [10; 11], связывающие фрактальные свойства динамических и пространственных систем с восприятием, передачей и переработкой информации. Имея в виду эти положения, можно предположить, что ювенильность как эволюционно значимое свойство человека имеет своей основной функцией адаптацию к возрастающему значению информационных процессов в среде, созданной и поддерживаемой идеальной и материальной культурой общества. Внешние анатомо-метрические признаки, определяющие степень ювенильности, высоко коррелируют с особенностями и качеством решения различных сенсомоторных и когнитивных задач. Вероятно, это связано с более выраженной пластичностью нейрональных систем мозга, в первую очередь эволюционно более молодых лобных отделов больших полушарий.

Основные выводы

1. Удалось сформировать две выборки старших дошкольников по параметру ювенильности (филетической дистанции): высоко ювенильных (71 ребенок) и низко ювенильных (неювенильных) в количестве 84 человек;

2. Представители этих выборок имеют статистически значимые отличия по уровню развития

интеллекта, скоростным свойствам сенсомоторного реагирования и качеству сенсомоторной интеграции;

3. Уровень и темп развития общего интеллекта выше у ювенильных детей по сравнению с их неювенильными сверстниками. У детей 6–7 лет с низкой степенью ювенильности обнаружен достоверно более низкий уровень общего и невербального интеллекта; выявлен сниженный темп развития интеллектуальных способностей;

4. Сравнительный анализ результатов оценки скоростных свойств сенсомоторного реагирования и качества сенсомоторной интеграции показал, что для ювенильных детей характерно более высокие скоростные свойства сенсомоторного реагирования, высокое качество сенсомоторной интеграции по сравнению с неювенильными сверстниками;

5. В период начала систематического обучения у ювенильных детей повысилось качество отражения динамической упорядоченности сенсорных цепей, регуляции сенсомоторной деятельности, внимания по сравнению с неювенильными сверстниками;

6. Обнаруженные корреляционные связи между характеристиками сенсомоторного реагирования и эффективностью интеллектуальной деятельности имеют специфику в двух исследуемых выборках: у ювенильных детей установлены положительные корреляции фрактальных свойств распределения отдельных значений ВР (индекса Херста) с эффективностью речемыслительных процессов.

Библиографический список

1. *Каменская В.Г., Рудкевич Л.А.* Четырехкоординантная модель конституции индивида // Современное гуманитарное знание как синтез наук. – СПб., 1999. – С. 67–73.

2. *Каменская В.Г.* Психофизиологические механизмы регуляции интеллектуальной деятельности // Природные и социальные основания интеллектуального развития и деятельности. Матер. всероссийск. конф. 17–19 апр. 2000. – СПб., 2000.

3. *Каменская В. Г.* Практическая диагностика хронотопа в сенсомоторной деятельности как условие нормального нервно-психического развития дошкольника // Современные технологии практической психологии в системе образования. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001.

4. *Каменская В.Г.* Практический опыт использования методов точных наук в изучении интеллектуальной деятельности нормально развивающихся детей и их сверстников с речевыми расстройствами // Известия РГПУ. Психол. пед. науки. – 2002. – №3. – С. 89–95.

5. *Каменская В.Г.* Сенсомоторная интеграция как маркер интеллектуального развития // Природные факторы и социальные условия успешности обучения. Матер. всероссийск. конф. 10–14 июня 2005. – СПб., 2005.

6. *Каменская В.Г., Зверева С.В.* К школьной жизни готов. Диагностика и критерии готовности дошкольника к обучению в школе. – СПб., 2005.

7. *Рудкевич Л.А.* Связь интеллектуальных характеристик дошкольников с конституциональным параметром «ювенильность» // Природные и социальные основания интеллектуального развития и деятельности. Матер. всероссийск. конф. 17–19 апр. 2000. – СПб., 2000.

8. *Рудкевич Л. А.* Теоретико-экспериментальные основы возрастной и дифференциальной психосоматологии; Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – СПб., 2001.

9. *Томанов Л.В.* современное состояние компьютерной психологической и психофизиологической диагностики // Природные факторы и социальные условия успешности обучения. Матер. всероссийск. конф. 10–14 июня 2005 г. – СПб., 2005.

10. *Урицкий В.М., Музалевская Н.И.* Физические механизмы фрактальной организации живых систем // Биомедицинская информатика. – СПб., 1995. – С. 108–129.

11. *Федер Ф.* Фракталы. – М.: Мир, 1991. – С. 354.

ФИЛОЛОГИЯ

З.Р. Аглеева

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИДИОМАТИКА КАК КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Несмотря на значительность междисциплинарного потенциала когнитивной науки, речемыслительные механизмы формирования языковой семантики все еще относятся к разряду до конца не разгаданных тайн. Среди многих причин тому – односторонний подход к решению столь актуальной для лингвокогнитивистики проблемы, поскольку в настоящее время преобладает лексикоцентрический принцип ее решения. Основные усилия когнитивных лингвистов направлены по линии «слово → концепт». Согласно же нашей точке зрения, столь масштабная проблема требует многоаспектного рассмотрения. Прежде всего, в зоне активного интереса должны оказаться единицы фраземики и грамматики: первые – в силу своего *экспрессивно-оценочного статуса*, вторые – как *единицы построения* когнитивных структур, важнейшими из которых являются *концепты*, формирующие национальную специфику концептосферы того или иного языка. Оба выделенных акцента в речемыслительной деятельности человека фокусируют в себе так называемые сложные концепты межуровневой репрезентации: средствами лексики, фраземики и синтаксиса. Без такого подхода языковая картина мира, о которой так много сегодня пишут, оказывается, к сожалению, лишь мозаичным отражением действительности.

Предметом нашего исследования являются идиоматизированные синтаксические структуры, объективирующие сложные концепты фреймового типа, под которыми понимается мыслительный образ типовой денотативной ситуации достаточно широкого структурного диапазона: по горизонтальной оси – от обобщённых наглядных образов до логических понятий; по оси вертикальной – от эксплицитных поверхностных значений до выражения «невидимых» глубинных смыслов [1, с. 228].

В основе фразеологического решения проблем когнитивного синтаксиса лежит понятие синтаксического концепта, впервые введенное в нашу науку Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой [3]. Исходной точкой его интерпретации служит *теория пропозиций*, в которой мы различаем пропозиции переменные и типовые. Типовые пропозиции сообщают наиболее частотные ситуации, встречающиеся в когнитивном и коммуникативном опыте народа. «Типовые пропозиции, получившие закрепление в устойчивой структурной схеме, мы называем синтаксическими концептами. Структурные схемы простого предложения, наработанные говорящими для означивания синтаксических концептов, образуют синтаксическую систему конкретного языка, причем организуется эта система отношениями между синтаксическими концептами [3, с. 27]. Структурной схемой простого предложения (ССПП) является языковой знак, *означаемым* которого выступает типовая пропозиция в качестве некоего мыслительного конструкта номинируемой предложением обобщенной ситуации как фрагмента окружающего нас мира – внешнего или внутреннего, а *означающим* являются субъектив и предикатив в своих синтаксических позициях. Рассматривая соотношение позиционных схем и типовых пропозиций, следует отметить ограниченность последних. Структурные схемы простого предложения и представленные в них типовые пропозиции анализируются во многих работах, хотя далеко не во всех используется термин «синтаксический концепт» (Г.И. Володина, Е.Л. Козьмина, Н.А. Пешехонова и др.). Одно из основных положений, на котором основано понимание ССПП, состоит в утверждении, что «структурную схему простого предложения организуют не только подлежащее и сказуемое». Одна из целей введения нового понятия сформулирована З.Д. Поповой: «преодолеть традиционный, школьный подход к анализу членов предложения и научиться распознавать субъективы и предикативы в таких, например, схемах, как *нам везет*, *ветром распахнуло окно*…» [3]. Важным шагом для такого преодоления было выделение Г.А. Золотовой изосемичных лексических и синтаксических средств, репрезентирующих синтаксические концепты в рамках ССПП, и неизосемичных, являющихся отклонением от нормы и нередко ведущих

© З.Р. Аглеева, 2006

к созданию новых ССПП [5]. Исходным моментом для нашего исследования является составление реестра идиоматизированных синтаксических концептов. Для этого целесообразно отталкиваться от установленных в русском синтаксисе структурных схем простого предложения. Сколько их в русском языке? По данным Б.Ю. Норманна, в зависимости от уровня обобщения русисты выделяют от 5–6 до 50–60 структурных схем простого предложения[1].

При выделении семантических моделей фразеологизированных предложений нами учитывается когнитивно-семантическая структура пропозиции и категориально-лексическая семантика глаголов-предикатов, поскольку главным компонентом семантической модели, соотносимым с ситуацией, является предикат: «Семантическая модель в этом случае – горизонтальная развернутая структура типового содержания предложения, состоящая из компонентов, связанных типовыми отношениями. Эти компоненты также иерархически организованы: вершина – предикат, чаще всего глагол-предикат, а уточняют его актанты» [8, с. 13]. Образцом такого подхода к анализу синтаксического концепта может служить монография В.И. Казариной [6], где подробно описывается один концепт «физиологическое и психологическое состояние одушевленного существа», определяются в качестве его знака специализированные и неспециализированные ССПП. Выделяются следующие структурные схемы простого предложения, представляющие названный синтаксический концепт: «кому есть каково»; «кому есть жалко кого / что»; «кому (не) делается как»; «кому (не) быть в каком состоянии»; «кому (не) следует быть в каком состоянии»; «кому не следует бояться чего»; «кому (не) следует быть каким»; «кому быть в каком настроении»; «кому саднит что»; «у кого есть каково в какой части тела»; «у кого давит что»; «у кого какое состояние в какой части тела»; «у кого в каком состоянии что»; «у кого охватило каким состоянием что»; «кого знобит»; «кого охватило каким состоянием»; «кого тянет куда откуда»; «с кем есть каково»; «кто боится кого / чего»; «кто убивается из-за кого / из-за чего»; «кто беспокоится насчет чего»; «кто в каком состоянии от чего»; «кто радуется кому / чему»; «кто тоскует по кому / по чему»; «кто злится на кого / на что»; «кто беспокоится за кого / за что»; «кто гордится кем / чем»; «кто робеет перед кем»; «кто мучится с кем / с чем»; «кто убивается над кем»; «кто беспокоится о ком / о чем»; «кто мается по ком». Анализ каждой ССПП (за редким исключением) идет по схеме: представление ССПП, ее формирование, предложенческие и структурно-семантические модификации, усложнение позиционной схемы высказывания, основанного на анализируемой структурной схеме. В отдельных случаях прослеживаются пути обогащения типовых пропозиций дополнительными смыслами (например, «кто тоскует по кому / по чему»), подвергается разбору лексическое наполнение ССПП (например, «кого охватило каким состоянием»; «кому (не) делается как»; «кого тянет куда откуда» и т.д.), оцениваются речевые модификации ССПП (например, «кто тоскует по кому / по чему»). В том же ракурсе исследуются и неспециализированные ССПП, используемые для выражения синтаксических концептов («субъект создает нечто», «субъект информирует некоторое лицо о каком-то событии»). Без выделение специализированных и неспециализированных ССПП, разумеется, не обойтись при установлении идиоматизированных синтаксических концептов. Однако для фразеолога также важно осмыслить и этноязыковую значимость синтаксического концепта. Анализ средств вербализации различных концептов и их соотнесенности с соответствующими лексико-семантическими полями убеждает в том, что даже в языках разных групп наряду с дивергентными явлениями встречается большое количество явлений конвергентных, несмотря на ярко выраженную национальную специфику синтаксических концептов, отражающую ценностно-смысловые приоритеты носителей данного языка и формирующую этнокультурное содержание их картины мира. «При том, что все народы под одним солнцем и луной и почти *одинаковым небом* ходят, вовлечены в единый мировой исторический процесс (и этот покров, крыша их объединяет и приравнивает друг другу), они ходят по *разной земле* и разный быт и историю имеют, – то есть, из разной почвы вырастают. А отсюда ценностные смыслы, общие для всех народов (жизнь, хлеб, свет, дом, семья, слово, стихотворение и т.д.), в разных комбинациях создают уникальные для той или иной лингвокультуры синтаксические концепты. *Эта особая структура общих для всех народов ценностных элементов* (они понимаются по-разному, имеют свой акцент) как раз *и составляет национальный образ мира, или его упрощенную модель»* [4, с. 46–47]. Карти-

на мира любого сообщества в целом организовывается языком как средством воплощения культурных установок, эталонов, символов и т.п. В таком картировании действительности трудно переоценить роль синтаксических концептов. Так, славянские языки разграничивают синтаксические концепты бытия объекта и небытия объекта при помощи структурных схем **кто / что есть где** и **кого / чего нет где.** В отдельных тюркских языках, в частности татарском, этот концепт разграничивается только на лексическом уровне с помощью лексем *есть* и *нет*: (*Ул мәктәптә* – букв. *Он в школе* и *Ул мәктәптә юк* – букв. *Он в школе нет; Балык елгада бар* – букв. *Рыба в реке есть* и *Балык елгада юк* – букв. *Рыба в реке нет).*

С точки зрения референтной концепции предложения возможно использование ССПП и для передачи семантической структуры сложного предложения, когда в идентичных синтаксических позициях могут оказаться как синтаксемы и предикативные единицы, так и синтаксические илиомы. Занять предикативным единицам и фразеологизированным конструкциям определенную синтаксическую позицию позволяет прежде всего валентность глагольной лексемы. Поэтому, справедливо уделяя большое внимание лексическим средствам вербализации синтаксических концептов, нельзя забывать и о возможности манифестации синтаксических концептов идиоматизированными конструкциями. Особенно важно это учитывать, если речь идет о дивергентных явлениях (в частности, при лакунарных синтаксических концептах в том или ином языке). «Несомненно, что наличие фразеосхем и идиоматических структур усложняет устройство синтаксических полей концептов за счет их взаимодействия еще в плане выражения» [3, с. 171].

Конечно, идиоматизированные конструкции не могут претендовать на центральное место в вербализации того или иного синтаксического концепта, но на периферии русского синтаксиса, где обычно располагаются модификации основной структуры и где происходит перекрещивание концептов, роль этих структур значительна. Так, пропозиция концепта «Самостоятельное перемещение агенса» имеет пять смыслов: агенс – перемещение – пространственные ориентиры (локативы): исходный пункт – конечный пункт – трасса перемещения, но может быть представлена и трехпозиционной схемой описаний перемещения, которая наиболее адекватно передается на лексическом уровне, когда как высшая степень точности возможно употребление Nomina locia, уточняющих наречий, указательных местоимений, количественно-именных сочетаний. Однако когда речь идет о приблизительности, о неточности цели перемещения, пространственных ориентиров, вполне уместны фразеологизированные конструкции. Когда имеется в виду компонент *направление*, взаимозаменяемы синтаксические идиомы ***куда глаза глядят, куда ноги несут, куда попало*** и устаревшее ***куда очи несут,*** созданные по одной модели и частотные в разговорной речи и в фольклорном дискурсе: `идти, двигаться, не выбирая пути, без особого направления, куда попало` и претерпевшие одинаковую трансформацию: бежать надо ***куда попало*** [Отслушал Емельян речи царские, повернулся, пошел домой. «Ну, думает, пришел мой конец теперь». Пришел домой к жене и говорит: – Ну, – говорит, – собирайся, жена: бежать надо ***куда попало***, а то ни за что пропадем. (Толстой Л. Работник Емельян и пустой барабан)]; еду – ***куда глаза глядят*** [Не помню, как меня везли первую станцию. Слуга приятеля моего, рассказав все происшедшее, простился со мною, а я теперь еду, по пословице – ***куда глаза глядят.*** (Радищев А. Путешествие из Петербурга в Москву). Говоря о неизвестном или неопределенном месте пребывания, часто употребляем конструкции ***где попало, где бог пошлет***: (1) перезимуем ***где бог пошлет*** [*Рябов нахмурился и насмешливо ответил: – Килевой корабль дело доброе, да не для всякой работы. На килевом по нашему следу за плоскодонкой не вдруг пойдешь. Килевой корабль особую гавань требует, а мы от взводня везде укроемся и перезимуем* ***где бог пошлет*** (Герман Ю. Россия молодая)]; (2) бежать надо ***куда попало*** [*Отслушал Емельян речи царские, повернулся, пошел домой. «Ну, думает, пришел мой конец теперь». Пришел домой к жене и говорит: – Ну, – говорит, – собирайся, жена: бежать надо* ***куда попало****, а то ни за что пропадем* (Толстой Л. Работник Емельян и пустой барабан)]; еду – ***куда глаза глядят*** [*Не помню, как меня везли первую станцию. Слуга приятеля моего, рассказав все происшедшее, простился со мною, а я теперь еду, по пословице –* ***куда глаза глядят*** (Радищев А. Путешествие из Петербурга в Москву)]. Локальный компонент структурной схемы может быть представлен и ФЕ ***каким ветром занесло?*** *(кого куда*] в значении при каких обстоятельствах

объект оказался в этом месте`. И.В. Захарченко дает семантизацию фразеологизма, включая и сведения, отображающие знание об общем контексте речи: «Имеется в виду удивление говорящего, причиной которого стали неожиданная встреча с лицом или группой лиц [Y] или их неожиданное появление в каком-л. месте [L], которое часто считается отдаленным, мало и редко посещаемым. Словарная статья включает и формулу, подсказывающую, какой лексико-синтаксический состав ФЕ как микротекста может быть развернут в тексте: ***Каким ветром занесло"*** [Y-а в L]***?*** [2, с. 318]. Синтаксические идиомы, таким образом, могут быть взаимозаменяемы. Таковыми являются, например, синтаксические идиомы ***куда глаза глядят, куда ноги несут, куда попало*** и устаревшее ***куда очи несут.*** Созданы они по одной модели, достаточно частотны в разговорном и фольклорном дискурсе: `идти, двигаться, не выбирая пути, без особого направления, куда попало` и претерпевшие одинаковую трансформацию. Компоненты *направление* и *место* могут вербализоваться и ФЕ ***куда Макар телят не гонял, куда ворон костей не заносил, где Макар телят не пас***. Идиомы эти частотны и в других славянских языках. Так, в белорусском они представлены вариантными и синонимичными синтаксическими идиомами; ср.: ***Дзе зязюлі не кукуюць; Дзе камар козы пасе; Дзе саболі пасвяць; Дзе чорт хамуты не вешае*** и т.п.

Достаточно полно описаны в работах последних лет иконичные и изосемичные позиционные и структурные схемы. Неиконичные и неизосемичные схемы не рассмотрены в системе, хотя именно они являются наиболее сложными для восприятия представителями других языков: без необходимых комментариев сложно уяснить модификацию указанного выше концепта в приведенном контексте: Леонид. *Я говорю: поедем на островок.* Надя (прилегая). *Ах, да* ***куда*** *вам* ***угодно****!* ***Хоть на край света****! Только бы с вами... Ведите* ***куда хотите****.* Леонид. *Надя, ты такая добрая, такая миленькая, что мне кажется, я заплачу, глядя на тебя.* (Подходят к лодке.) *Прощай, Лиза.* (Островский А. Воспитанница). Сложности вызывает и тот факт, что, помимо основных значений, указанных в толковых словарях различного типа, фразеологизированные конструкции очень часто употребляются в индивидуально-авторском значении, что создает дополнительные трудности для восприятия текста, так как сначала приходится преодолевать пересечение лексических компонентов синтаксической идиомы, а затем и смену синтаксических концептов. Так, если приводимая ниже цитата из комедии Н.В. Гоголя точно соответствует указанному во фразеологическом словаре значению «о совершенно непристойном, безобразном поведении»: *Умный человек – или пьяница, или рожу такую состроит, что* ***хоть святых выноси*** (Гоголь Н. Ревизор), то употребление этой ФЕ в предложении *Тут пошел такой в башенке пляс,* ***хоть образа выноси*** *из дому* (Ремезов А. Зайка) представляет собой наложение значений. А в двух последующих предложениях (в иной синтаксической позиции) эта же синтаксическая идиома уже употребляется в ином значении: *Ох, и тошно жить нынче на Руси – На Святой Руси –* ***хоть святых выноси****! Шилом бреемся, дымом греемся, Лишь на Бога мы и надеемся, Да только наш Господь – иже в небеси, А на Святой Руси –* ***хоть святых выноси****!* (Нестеренко Ю. Плач скомороха); – *Вот-вот, сам запутался и меня пытаешься запутать, – проворчал аптекарь. – Умные все стали,* ***хоть святых выноси*** (Саломатин А. Рыцарь сновидений).

Наблюдения над становлением и функционированием фразеологизированных конструкций, над их семантикой убеждают в особой значимости этих единиц для когнитивного синтаксиса и необходимости разностороннего анализа их как одного из средств репрезентации синтаксических концептов.

Примечание

[1] Выявлением семантических моделей предложений, описанием компонентов базовых семантических моделей занимается и проблемная группа «Русский глагол» кафедры современного русского языка Уральского государственного университета, разработавшая проспект «Семантические модели русских глагольных предложений: экспериментальный синтаксический словарь» (общая редакция Л.Г. Бабенко).

Библиографический список

1. *Алефиренко Н.Ф.* Язык, познание и культура. – Волгоград: Перемена, 2006.

2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – М., 2006.

3. *Волохина Г.А., Попова З.Д.* Синтаксические концепты русского простого предложения. – Воронеж, 1999.

4. *Гачев Г.* Национальные образы мира. – М., 1988.

5. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.

6. *Казарина В.И.* Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке. – Елец, 2002.

7. *Пешехонова Н.А.* Особенности структурной схемой «Кому надо созидать что» // Русский синтаксис в лингвистике третьего тысячелетия. – Воронеж, 2006. – С. 276–218.

8. Семантические модели русских глагольных предложений: экспериментальный синтаксический словарь / Под ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург, 1998.

Л.Н. Ваулина

МОДАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Преамбула. *Теоретические и практические вопросы межкультурной коммуникации приобретают все большую значимость в связи с возрастанием количества ситуаций межкультурного общения в современном мире. Коммуниканты кодируют и декодируют множество субъективных смыслов, обусловленных как их индивидуальностью, так и родной лингвокультурой. В статье ставится вопрос об актуальности разработки семантической концепции субъективной модальности и изучении ее прагматических аспектов для межкультурной коммуникации.*

Расширение международных контактов, миграционные процессы вызывают в последние годы теоретический и практический интерес к проблемам межкультурной коммуникации. Межкультурные исследования проводятся в области культурологии, психологии, педагогики, социологии, лингвистики.

В настоящее время термин «межкультурная коммуникация» употребляется для обозначения:

– процесса общения и взаимодействия между людьми и группами, относящимися к различным лингвокультурам;

– науки, разрабатывающей, обосновывающей и внедряющей комплекс мер, позволяющей осознать происходящее при столкновении с инокультурными проявлениями и разрешать возникающие межкультурные недоразумения и конфликты;

– учебную дисциплину, направленную на формирование практических навыков и умений в общении с носителями иных лингвокультур.

Для данной статьи представляет интерес, в первую очередь, роль субъективной модальности в процессе взаимопонимания и взаимодействия партнеров по коммуникации, являющихся носителями различных лингвокультур. Этот вопрос в настоящее время практически не разработан. Но он представляет интерес, так как выражение средств субъективной модальности в ее широком понимании может способствовать, с одной стороны, дальнейшему развитию теории «модальной личности», в соответствии с которой предпринимается попытка выделения определенного психологического склада личности, характерной для того или иного общества и обусловливающего поведенческие особенности его членов [11, с. 8; 15, с. 61]. С другой стороны, это позволило бы в рамках межкультурной коммуникации как учебной дисциплины и на межкультурных тренингах наряду с культурной сенсибилизацией способствовать формированию качеств личности, необходимых для конструктивного межкультурного взаимодействия, а также выявлять те качества, которые могут вести к межкультурным недоразумениям и конфликтам.

Понятие «модальность» играет важную роль в философии, логике и лингвистике.

В философии феномен модальности впервые (без введения термина) описывается Аристотелем, различающим такие категории, как «возможно», «невозможно», «случайно», необходимо». Они получили дальнейшее развитие среди его учеников и средневековых схоластов.

Особенно часто понятие «модальность» в философской литературе и в логике употребляется в связи с дискуссией о предложенном Кантом учении о «модальности суждения». По Канту, модальность является выражением отношения всего суждения к возможности познания. Он разделяет суждения на ассерторические (суждения действительности), аподиктические (суждения необходимости) и проблематические (суждения возможности) [21, с. 14; 17, с. 381]. Теория Канта лежит в основе описания свойств модальности в современной модальной логике.

 © Л.Н. Ваулина, 2006

В многочисленных работах по модальной логике описываются такие модальности, как алетическая, эпистемическая, деонтическая, эвалюативная [21, с. 16].

В задачи данной статьи не входит рассмотрение развития понятия «модальность» в философии и логике. Вопрос поставлен лишь для того, чтобы обратить внимание на важность категории модальности для теории познания и на ее универсальность, присутствие в различных науках.

В лингвистике употребление термина *модальность* не отличается однозначностью. По мнению Й. Бар-Хиллель, категорию модальности можно сравнить с корзиной для ненужных бумаг, в которой собрано все, что невозможно проанализировать [19, с. 401].

Разными авторами под понятие модальность подводится широкий круг разнообразных явлений, характер и глубинные связи которых, несмотря на обилие работ, продолжают оставаться далеко не очевидными (обзор различных точек зрения на природу модальности [12, с. 174–183; 14]).

Так, В.В. Виноградов пишет, что модальность обнаруживается в языках разных систем, а в европейских языках она охватывает всю ткань речи [10, с. 303]. Данная точка зрения является традиционной в лингвистике. Лингвистические исследования исходят из единства предложения и рассматривают модальность как языковую универсалию.

Внутри лингвистической категории модальности различают:

– Объективную модальность, которая считается обязательным признаком любого предложения и выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности /ирреальности. Объективная модальность находит свое выражение в наклонении сказуемого.

– Субъективная модальность, характеризующую отношение говорящего/ пишущего к сообщаемому.

Именно субъективная модальность представляет интерес для межкультурной коммуникации как процесса, науки и учебного предмета.

До 1950-х годов в лингвистической литературе по немецкому и русскому языку не было цельного учения о модальности, но с самых первых работ прослеживается тенденция отнесения к модальности неоднородных значений.

Так, Т.В. Борисова отмечает, что в немецком языке можно наметить два типа работ:

1. Одни ученые (Вундт, Норейн, отчасти Зюттерлин) интересуются прежде всего содержанием категории модальности, умаляя роль языковой формы, а подчас и совсем забывая о ней. Норейн определяет категорию модальности как категорию, указывающую на то, какую роль в душе говорящего играет содержание высказывания, служит ли оно ему поводом к радости или печали, представляется ли оно ему фактом или возможностью, предметом скромного желания или пылкого стремления и т. д.

2. В работах другого типа (Гейзе, Бехагель, Вильманс, Эрдман, Блатц, Керм) в центре исследования находятся только грамматические формы. Не усматривается никакой разницы в употреблении форм глагольных наклонений и конструкций с модальными глаголами. Эти исследователи понимают, по сути дела, под категорией модальности глагольное наклонение. Даже значения, передаваемые модальными словами, не отделяются от значений наклонений [3, с. 7–9].

Мощным толчком к изучению субъективной модальности явилось учение Ш. Балли о модусе и диктуме, которое он изложил в книге «Общая лингвистика и вопросы французского языка», вышедшей на французском языке в 1938 году (на русский язык переведена в 1955 г.)

Ш. Балли рассматривает предложение как соединение двух компонентов: диктума и модуса. Диктум – это объективное содержание предложения, модус же – субъективное начало в предложении, это оценка субъектом того, о чем идет речь в предложении. Ш. Балли уделяет много внимания модусным значениям. Он проводит мысль, что эти значения разнородны, так как разнообразны идущие от субъекта оценки. Идя дальше в изучении субъективных смыслов, Ш. Балли подчеркивает, что не всегда модусные значения выражаются эксплицитно, то есть с помощью лексических и морфологических средств; часто они бывают представлены в предложении без таких средств выражения, то есть имплицитно [1, с. 59].

Итак, Ш. Балли отделил субъективные смыслы от объективного содержания предложения, показал, что это явления разной природы, и каждое из них требует своего рассмотрения.

Эти мысли, несомненно, оказали влияние и на В.В. Виноградова, с именем которого связывается создание цельного учения о модальности в отечественном языкознании. Семантическая емкость категории модальности описана В.В. Виноградовым

при рассмотрении средств ее выражения в русском языке. В разряд модальных значений у него попадают указания на чужую речь, оценка стиля, способа выражения; оценка выбранной или принятой манеры речи; речевая экспрессия; эмоциональный тон высказывания; эмоциональное освещение самой изображаемой действительности (например, надежда), логическая оценка достоверности утверждения; логическая оценка сообщения, разные виды логического или экспрессивного отношения последующей мысли к предшествующему сообщению (например, колебание, нерешительность); призыв к собеседнику, стремление возбудить его внимание к чему-нибудь; субъективная оценка меры, числа или степени чего-нибудь. Сюда же относятся значения удивления, сомнения, убежденности в противоположном, колебания, возможности, недоверия [5, с. 603–609].

Теоретические положения В.В. Виноградова получили дальнейшее развитие в работах лингвистов как на материале русского, так и на материале других языков, в частности немецкого.

В первых работах отечественных лингвистов по проблемам модальности немецкого языка предпринимается попытка определить значения, которые входят в субъективную модальность [6; 7; 8; 9]. Впервые речь идет о присутствии субъективной модальности в каждом предложении [8; 16; 18].

В лингвистической литературе представлены также концепции, выводящие лингвистическую категорию модальности из логической. В.З. Панфилов, например, считает, что модальными являются два типа значений: объективная (онтологическая) и субъективная (персуазивная) модальности. Первая из них отражает характер объективных связей, характеризующих ту или иную ситуацию, на которую направлен познавательный акт. Речь идет о связях возможных, действительных и необходимых. Субъективная модальность – это оценка со стороны говорящего степени познанности этих связей, то есть она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию, и включает проблематическую, простую и категорическую достоверности [13, с. 39].

К мнению В.З. Панфилова присоединяется и В.Н. Бондаренко. Он следующим образом описывает процесс познания.

Когда объект мало познан, то мы высказываемся о нем проблематично; знания, полученные на этой ступени, характеризуются проблематической достоверностью разной степени. Затем в ходе дальнейшего познания наступает такой момент, когда человек настолько познает объект, что знания о нем оцениваются как просто достоверные, несомненно, эти ступени познания находят свое отражение в языке [2, с. 32–33].

Данная теория также представляет интерес для теории межкультурной коммуникации, так как уровень информированности коммуникантов о культуре друг друга вызывает определенное поведение, реакции.

Итак, для теории межкультурной коммуникации важно констатировать, что в реальной речевой деятельности любое высказывание, независимо от того, присутствуют ли в нем специальные языковые средства выражения отношения говорящего, передает эти отношение, то есть субъективная модальность представлена в любом предложении. Высказывание всегда является чьим-либо речевым произведением. Объективные отношения между его содержанием и действительностью всегда опосредованы субъективным восприятием говорящего/пишущего. В этом смысле нужно говорить об объективно-субъективном характере категории модальности. Субъективное так же, как и объективное, является обязательным, а не факультативным аспектом модального отношения.

Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции [10, с. 303; 9,с. 159], к которой относятся предположение, уверенность, сомнение, удивление, опасение, недоверие, протест, ирония и другие эмоционально-экспрессивные оттенки субъективного отношения к сообщаемому, которые находят свое вербальное, невербальное и паравербальное выражение.

Именно этот субъективный фон влияет на качество процесса межкультурной коммуникации. Важное значение имеет процесс кодирования и декодирования объективных и субъективных смыслов, во многом осложняющийся различием в лингвокультурах, представляемых коммуникантами. Сравним средства выражения предположения в современном немецком и русском языках. В русском языке предположение выражается преимущественно лексическим способом, а именно модальными словами (возможно, вероятно, наверное, может быть и т.д.), что обеспечивает отчетливость и однозначность.

В немецком языке основными средствами выражения предположения являются модальные слова и конструкции с модальными глаголами [4].

Именно выражение предположения через сказуемое является камнем преткновения для коммуникантов. Носителю немецкого языка следует быть осторожным в употреблении инференциальных синтаксических конструкций, если он не уверен в том, что его партнер по коммуникации в достаточной степени владеет немецким языком. В противном случае произойдет неверное декодирование субъективных смыслов, так как модальные глаголы в сочетании с инфинитивом могут употребляться для выражения желания, возможности, необходимости совершения действия, различных степеней уверенности, некатегоричности, вежливой просьбы. Адекватная реакция партнера по коммуникации, таким образом, возможна лишь при правильном декодировании высказывания.

По мнению некоторых исследователей, различия в грамматической структуре родных языков коммуникантов само по себе является уже катализатором того, что их национальные картины мира, национальные характеры в значительной степени отличаются друг от друга.

Например, изучение обусловленности национального характера регламентированностью/нерегламентированностью порядка расположения членов предложения в языке позволяет А.А. Мельниковой высказать предположение о том, что свободный порядок слов русского предложения, впитываясь на бессознательном уровне, создает установку для формирования картины мира с определенными характеристиками и способами действия в нем. Автор, считает, что нелогичный, неструктурированный и, следовательно, не просчитываемый образ мира требует от носителей такого образа наличия в поведенческом сценарии нелогичных, неконструктивных действий. Соответственно, язык с жестким порядком расположения членов предложения ведет к усилению ориентации на существующие нормативы поведения. В этом случае наблюдается стандартизация, стереотипизация мышления [11, с. 315–317].

Возвращаясь к вопросу выражения субъективной модальности в немецком и русском языках, следует отметить, что отсутствующее в русском языке выражение предположения через сказуемое является в этом плане существенным отличием немецкого языка от русского, так как в немецком языке за сказуемым закреплены определенные позиции в предложении.

В межкультурном контексте становится актуальным как разработка семантической концепции модальности, так и изучение ее прагматических аспектов.

Именно воспитание культуры выражения субъективных смыслов на вербальном, невербальном и паравербальном уровне может лечь в основу педагогического процесса по формированию диалогичной и толерантной личности. В качестве примера такой подготовки можно привести пользующуюся в Германии популярностью книгу С. Энгельберт и Г. Хайна «Auslands-Knigge», в которой даются рекомендации по подготовке к зарубежной поездке. По каждой стране предлагается информация по разделам: визитная карточка; ценности; религии; обычаи; коммуникация и язык телодвижения; короткие беседы и табу; приглашения и подарки; еда и напитки; мода; куда пойти вечером; что нужно и чего нельзя делать. Авторы обращают внимание читателей на следующие моменты:

– перед поездкой необходимо получить информацию о характерных для данной страны обычаях и нравах; существует большая разница в ценностях, правилах поведения, табу, одежде, питании;

– не все обычаи объясняются только культурой страны; имеются различия и между поколениями, профессиями, религиями, социальными слоями общества;

– не следует воспринимать различия как проблему; используйте их как шанс подумать о других и о себе и расширить свои знания. Проблемы возникают лишь тогда, когда с различиями обращаются неподобающе;

– не оценивайте чуждое или необычное поведение, пока не узнаете причины. Попытайтесь сначала объяснить и спросить себя, какой смысл и какую цель это могло бы иметь;

– сохраняйте терпение в неясных и допускающих ложное толкование ситуациях; перетерпите все неясности и противоречия, пока не выясните, о чем идет речь;

– признайте свои предрассудки; постарайтесь вопреки своим ожиданиям всегда видеть в другом человеке индивидуума. Помните, что люди за границей могут также иметь предубеждение по отношению к Вам и Вашей стране;

– будьте открыты и любознательны к познанию и пониманию нового. Способность вступать

с местными жителями в разговор, хорошо слушать и точно наблюдать является ключом к взаимопониманию [20].

Библиографический список

1. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.

2. *Бондаренко В.Н.* Аналитические и синтетические способы выражения в немецком языке // Иностранные языки в школе. – 1978. – №4. – С. 31–37.

3. *Борисова Т.В.* Лексические способы выражения модальности в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук – М., 1951.

4. *Ваулина Л.Н.* Функционально-семантическое поле предположения в современном немецком и русском языках // Русский язык и литература в общении народов мира. – М., 1990. – С. 37–40.

5. *Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – Т. 2. – С. 38–79.

6. *Гулыга Е.В.* Модальные слова в современном немецком языке // Грамматический строй языка. Ученые записки МГПИИЯ. – М.: Изд-во 1-го Моск. гос. пед. ин-та иностранных языков, 1955. – Т. 7. – С. 93–100.

7. *Гуревич В.В.* Употребление модальных слов в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1959.

8. *Крашенинникова Е.А.* Ирреальная модальность в немецком языке // Вопросы языкознания. – 1960. – №3. – С. 86–91.

9. *Крушельницкая К.Г.* советы переводчику: учебное пособие по немецкому языку для вузов / К.Г. Крушельницкая, М.Н. Попов. 2-е изд. доп. – М.: ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2004.

10. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.

11. *Мельникова А.А.* Язык и национальный характер: Взаимосвязь структуры языка и ментальности. – СПб.: Речь, 2003. – 320 с. – (Психологический практикум).

12. *Панфилов В.З.* Взаимоотношение языка и мышления. – М.: Наука, 1971.

13. *Панфилов В.З.* Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. – 1977. – №4. – С. 37–48.

14. *Петров Н.Е.* О содержании и объеме языковой модальности. – Новосибирск: Наука, Новосибирское отд., 1982.

15. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2004.

16. *Филипповская И.А.* Модальности предложения: учебное пособие по специальности. – Душанбе: Изд-во Таджикского ун-та им. В.И. Ленина, 1978.

17. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983.

18. *Фридман Л.Г.* Вопросительные предложения в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1960.

19. *Bar-Hillel, Jehoshua.* Out of the pragmatic wastebasket. Longuistic Inquiry, 1971. – №2. – P. 401–407.

20. *Hain, Gerhard / Engelbert, Sonja.* Auslands-Knigge. – München: Gräfe und Unzer Verlag, 2006.

21. *Ritter, Joachim / Gründer, Karlfried.* Historisches Wörterbuch der Philosophie. Völlig neubearbeitete Wörterbuch der Ausgabe des „Wötrerbuches der philosophischen Begriffe“ von Rudolf Eisler. Bd. 6 Basel / Stuttgart: Schwabe.

Н.С. Ганцовская

ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИКИ ГОВОРОВ КОСТРОМСКОГО АКАЮЩЕГО ОСТРОВА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (по материалам исследований последних десятилетий)

Исключительную роль в аспекте рассмотрения типологии лексики говоров КАО играют материалы Диалектологического атласа русских народных говоров (ДАРЯ), собранные в 37 населённых пунктах их пространства, частично картографированные [9], и основывающийся на этих материалах анализ некоторых групп лексики с приложением карт на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – начала XIII веков Г.Г. Мельниченко [12]. По его классификации лексика говоров КАО входит в состав VI лексической зоны междуречья Костромы и Унжи и характеризуется наличием ряда слов исключительного распространения и небольшого количества слов южнорусской ориентации. Эти наблюдения Г.Г. Мельниченко в аспекте заданного им состава лексики, а также с использованием лексических карт ДАРЯ были детально рассмотрены нами в сопоставительном плане с говорами близлежащих территорий Костромской, Ярославской, Ивановской областей, с говорами Подмосковья и тверскими [6; 7 и др.]. Обобщённые результаты исследования показали, что на фоне окружающих КАО окающих территорий лингвистический ландшафт КАО отличается пестротой и ареальной разнонаправленностью изолекс и что в настоящее время ареальных связей с говорами Подмосковья почти нет, за исключением общераспространённой лексики типа *петух*, ещё менее с тверскими среднерусскими и южнорусскими говорами, тем более пограничными с псковскими и смоленскими говорами. Предпринятый нами углублённый ареально-типологический анализ говора одного населённого пункта (д. Аринино Чухломского района) в эпицентре КАО по материалам ДАРЯ с учётом дообследований Л.Л. Касаткина показал наличие южнорусских черт в его системе только в области безударного вокализма и почти полное господство севернорусских черт на всех других его ярусах, в том числе и в области лексики. Метод таксономического анализа русских говоров Н.Н. Пшеничновой [16] удобен для определения особенностей говоров вторичного заселения и говоров, имеющих ареальные связи со многими диалектными континуумами. Он помог определить соотношение говоров Костромской группы и говоров КАО, выявил среднерусский характер говоров акающего острова как сопоставительной системы в целом и в то же время разнородность его отдельных говоров и разную направленность их ареальных связей.

Также огромную ценность для определения статуса акающего острова имеет значительный корпус лексики КАО в Ярославском областном словаре в сопоставлении с данными Словаря русских народных говоров и других словарей, в том числе южнорусских и среднерусских территорий.

В связи с многообразными и широкомасштабными установками Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) оказалось возможным более детально проанализировать ту часть лексики КАО, которая уже была собрана на территории Костромской области по Программе ЛАРНГ по ряду тем [15]. Особое значение для наших исследований приобрели данные VIII раздела «Семантика и ареалы» Программы ЛАРНГ, что позволило в течение ряда лет обследовать говоры КАО в центре и на периферии, чтобы установить объём лексики, фунционирующей на территории КАО, выявить особенности её семантической структуры, парадигматические и ассоциативные связи, их словообразовательную и ареальную дистрибуцию, пронаблюдать динамику развития говоров. Список слов VIII раздела дал возможность не только показать внутрикостромские лексические связи говоров КАО, но и обнаружить их более широкие географические направления в пределах русских говоров – в иных случаях и в пределах Славии, выявить архаическую, многозначную и заимствованную лексику, глагольные приставочные образования и др. [11].

В дополнение к изучению лексики говоров КАО в историческом аспекте и согласно программам ДАРЯ, Лексическим картам Г.Г. Мельниченко и ЛАРНГ нами исследовались и другие группы и типы лексики, проприальной и нарицательной по темам «Пища», «Народная медицина. Болезни», «Природа», «Народная духовная культура», сравнивалась по многим позициям

© Н.С. Ганцовская, 2006

лексика говоров КАО и подмосковных говоров на основе картотеки Костромского областного словаря и Словаря говоров Подмосковья, первого и второго выпуска А.Ф. Ивановой (Войтенко) по полевым материалам конца XX – начала XXI века [2, 3, 5].

В сферу нашего рассмотрения включаются локальные элементы и лексика общерусского значения, в историю которых лексические данные КАО вносят определённые коррективы. Всё это необходимо для понимания процесса формирования русского национального языка из различных локально окрашенных элементов русского языка, с одной стороны, с другой – для выявления эволюции последних в частных диалектных системах, каковой является система говоров КАО. Диалектизмов-заимствований в наших материалах незначительное количество и почти нет субстратной лексики. Значительная часть локально окрашенной лексики КАО, генетически севернорусская, как представляется, образовалась путём выпадения из общерусского словаря древнейших эпох, однако линии связи диалектизмов КАО тянутся на восток, северо-восток и юго-запад. Если акающие говоры по р. Костроме преимущественно обнаруживают сходство с западными костромскими и восточными ярославскими говорами, то говоры КАО вблизи вологодских границ (по р. Понге в Кологривском районе, зашугомские и куземинские говоры Солигаличского района) по многим признакам тяготеют к говорам северо-восточной группы.

В основном границы костромских акающих и окающих говоров определённы и неизменны в течение длительного времени, однако на его окраинах (если за центр, он же очаг, принять говоры вокруг Чухломского озера) наблюдается некоторая лексическая интерференция акающих и окающих говоров. Можно утверждать, что в целом с течением времени лексическая система говоров КАО остаётся неизменной: как в естественном историческом процессе развития любых говоров к сегодняшнему дню вымывается наиболее архаическая лексика, поскольку уклад жизни сейчас значительно изменился, однако в эволюции значений и семантических связей слов в лексике, связанной с традиционным бытовым и хозяйственным укладом жизни населения, его духовной культурой, ощутимых сдвигов не произошло, за исключением развития переносных значений. Необходимо отметить относительно развитую терминологическую систему в говорах КАО не только в области сельскохозяйственного производства, но главным образом в сфере ремёсел и промыслов, особенно мужских, которые всегда в этом крае с бедными землями и суровыми погодными условиями, но богатом водными и лесными ресурсами, были дополнительным крестьянским заработком наряду с отхожими промыслами. Безусловно, подобная лексика, так же как и этнонимы, обусловленные природными и историческими условиями края, не могли быть привнесены извне, а если и были внесены тогда, когда аканье внедрилось в эти исконно севернорусские говоры, то в скором времени почти совершенно были нейтрализованы севернорусской лексикой, а затем и вытеснены. Южнорусская лексика в очень ограниченном количестве и до сих пор присутствует в составе лексики КАО, однако заметно, что более всего она характерна для фольклорных и обрядовых текстов, где, возможно, является наддиалектным клише, генетически южнорусским, но поддержанным носителями говоров КАО. Такая поддержка, по нашему мнению, базируется на южнорусском суперстрате (наше понимание суперстрата то же, что и С.А. Мызникова [13, с. 20], всё ещё имеющем место в говорах КАО. Хочется подчеркнуть продуктивность использования, особенно в настоящий момент, фольклорных и этнографических материалов как источника сведений о лексической базе того или иного говора. Во-первых, в них содержится значительный по объёму и разнообразный по тематике, частеречной принадлежности, структурно-семантическим и функциональным особенностям пласт лексики, в том числе и архаической, раритетной (о необходимости внимательно относиться к редкой, раритетной лексике хорошо сказала Л.Я. Костючук [10, с. 39–40]. Во-вторых, лексика в них представлена не изолированно, а в характерных речевых ситуациях, что служит дополнительным средством выявления её смысла. В-третьих, она определённым образом систематизирована, что зависит от жанра произведений и личностных особенностей носителей диалекта, многопланова и функционально подвижна. В определённой степени она представляет собой слепок суммы лексики говора и её разнообразных связей, своеобразную модель «чухломского мира» (в расширенном понимании – модель говоров акающего острова), правда, в определённом стилистическом ключе.

Присоединяясь к словам Т.И. Вендиной, можно к лексической системе говоров акающего ос-

трова отнести то, что сказано ею вообще о познавательном значении слова как аккумуляции познавательной деятельности человечества: (лексика) «раскрывает особенности видения мира и «прочтения» мира тем или иным народом и является своеобразным ориентиром в его освоении. Лексическая система языка, по сути дела, репрезентирует организованную классификацию человеческого опыта. …В слове аккумулируются особенности восприятия мира, хранится из поколения в поколение исторический опыт народа, его генетическая память» [1, с. 6].

В целом, исходя из лексических данных, говоры КАО следует квалифицировать как исконно севернорусские, не вторичного заселения, не переселенческие. То же можно сказать и об их консонантизме и грамматике. В этом плане известную аналогию динамики развития говоров КАО можно видеть в истории развития псковских говоров, которые в своей основе были исторически севернорусскими, сейчас же относятся к западной группе среднерусских говоров. А.С. Герд отмечает, что «Большинство севернорусских слов, зафиксированных в псковских говорах, – это слова, известные также и новгородским, и архангельским и вологодским диалектам <…> перед нами в лексическом отношении говоры исторически северные в своей основе, сохранившие и сегодня немало севернорусского, но подвергшиеся позднее очень сильным влияниям извне и навсегда утратившим по причине этих влияний свой некогда севернорусский облик» [8, с. 8]. Но если «количественно число северных слов в псковских говорах больше аналогичных фонетических и морфологических явлений», что вряд ли может служить серьёзным доводом в пользу признания говоров к северу от Опочки, Пустошки, Великих Лук и югу от Пскова – Порхова по своему типу севернорусскими» [8, с. 8], то в говорах КАО значительно больше севернорусских черт: это не только в подавляющем большинстве случаев типичная для севернорусских говоров лексика, но и грамматика, и даже фонетика, за исключением безударного вокализма.

С учётом данных безударного вокализма говоры КАО можно определить как говоры смешанного типа, в определённой степени подобные говорам Подмосковья. Их трудно назвать говорами переходного типа, так как в течение столетий, как и в окружающих остров окающих говорах, в них не произошло ощутимой подвижки в сторону южнорусских говоров, однако в области лексики такая тенденция есть: говоры КАО становятся всё более западными, тяготея к западным костромским и ярославским говорам и теряя связь с восточными говорами Вологодско-Вятской группы. В этом повинно в основном всё усиливающееся влияние литературного языка, благодаря чему остаётся в активном употреблении лексика общерусского распространения в ущерб севернорусской.

Хотя характерной чертой любого языкового острова считается перекрытие его языком окружающего языкового большинства, по-видимому, с КАО этого никогда не произойдёт: говоры КАО не станут окающими, во всех же остальных ярусах языка они почти ни в чём не отличаются от окружающих окающих говоров. КАО как особая языковая маргиналия исчезнет только тогда, когда окружающие его окающие говоры согласно своим внутренним законам развития и мощному влиянию литературного языка превратятся в среднерусские. Но это произойдёт нескоро.

Библиографический список

1. *Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М., 1998.

2. *Ганцовская Н.С.* Лексические связи акающих говоров междуречья Костромы и Унжи с восточными среднерусскими говорами // Среднерусские говоры: современное состояние и история: сб. статей. – Калинин, 1988.

3. *Ганцовская Н.С.* Названия пищи в акающих костромских говорах. К вопросу об ареальных связях диалектной лексики // Среднерусские говоры и памятники письменности: сб. научных трудов. – Калинин, 1989.

4. *Ганцовская Н.С.* Народно-медицинская лексика в акающих костромских говорах // Вопросы изучения среднерусских говоров: сб. научных статей. – Тверь, 1922.

5. *Ганцовская Н.С.* Костромской акающий остров и проблемы его изучения в трудах Г.Г. Мельниченко // Проблемы региональной лингвистики. – Ярославль, 1992.

6. *Ганцовская Н.С.* Программы ДАРЯ и ЛАРНГ как ориентиры в исследовании особенностей лексики костромских островных говоров // Слово в его истории и функционировании. – Уфа, 2003.

7. *Ганцовская Н.С.* Лексика говоров Костромского акающего острова и ивановских говоров в аспекте тематики ДАРЯ // Проблемы семантики

и функционирования языковых единиц разных уровней. Иваново, 2003 б.

8. *Герд А.С.* К истории диалектных границ вокруг Онежского озера // История русского слова: проблемы номинации и семантики. – Вологда, 1991.

9. Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. В 3 вып. / Под ред. Р.И.Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. III (ч.1). Лексика. Карты. – М., 1977.

10. Костючук Л.Я. Информативная значимость диалектной лексической карты в конце XX в. // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998. – СПб., 2001.

11. КрКОС – Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / Сост.: Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома, 2006.

12. *Мельниченко Г.Г.* Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. – Ярославль, 1974.

13. *Мызников С.А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах северо-запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. – СПб., 2004.

15. Программа ЛАРНГ – Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров. Ч. 2. – СПб., 1994.

16. *Пшеничнова Н.Н.* Типология русских говоров. – М., 1996.

Е.Л. Мураткина

ПОЛНОСТЬЮ «ДИАЛЕКТИКА ДУШИ» ТОЛСТОГО И ДИККЕНСА

В 1864–1865 гг., в период активной работы над «Войной и миром», Толстой читал новый роман Диккенса «Наш общий друг» («Our Mutual Friend»). Читал, скорее всего, по-английски, потому что роман начал печататься ежемесячными выпусками с мая 1864 г. Впрочем, русский перевод уже с конца 1864 г. появился «Отечественных записках». В дневнике Толстого за 21 октября 1865 г. он записал: «То же, что вчера. К вечеру обдумывал Долохова. Читал Диккенса. Белла – Таня» (XLVIII, 65).

«Таня», упомянутая в толстовской записи – это свояченица Толстого (младшая сестра его жены) Татьяна Андреевна Берс (в замужестве Кузминская, 1846–1925). В это время ей 18–19 лет, она часто и подолгу гостит в Ясной Поляне. В письме Толстого к сестре Марии от 14 августа 1864 г. есть упоминание о ней в том же контексте сопоставления с Беллой – героиней романа Диккенса «Наш общий друг». Толстой здесь дает игру слов, заключенную в подчеркнутом удвоенном «л»: «Татьяна – Бел*л*огубка» (LXI, 61; Белогубкой звалась верховая лошадь, на которой обычно ездила Т.А. Берс).

Татьяна Берс с детства находилась в сердечной дружбе с великим писателем. Ее незаурядная личность, артистичность, музыкальность, прекрасный голос, литературная одаренность, страстность и порывистость характера – и в то же время душевная отзывчивость, бескомпромиссность импонировали Толстому, доставляли ему эстетическое наслаждение. Эта «чудная, милая натура с смехом и с фоном поэтической серьезности» (LX, 450), эта «беснующаяся, страстная и энергическая натура» (LXI, 31) привлекала его и приводила в настоящий восторг. Татьяне, в свою очередь, очень нравилась Ясная Поляна, которую она называла «милым своим вторым родительским домом»; хозяина ее она называла «вторым отцом» и любила помогать ему – в частности, писала под диктовку некоторые главы «Войны и мира»[1].

В исследовательской литературе о великом толстовском романе давно высказано соображение о том, что Т.А. Берс – прямой прототип Наташи Ростовой. Сам Толстой говорил ей об этом, а она потом зафиксировала это его признание в своих воспоминаниях: «…Ты думаешь, ты даром живешь у нас – я тебя всю записываю…»[2]. Эти воспоминания Т.А. Кузминской как будто написаны от лица героини толстовского романа: один из рецензентов их сразу отметил, что «Наташа Ростова сошла со страниц “Войны и мира” и написала воспоминания»[3]. Рецензент был недалек от истины: биография Татьяны Берс очень напоминает биографию Наташи; ее внешность, характер, ее мировосприятие, душевные переживания в кризисные моменты адекватны тому, что прочитывается на страницах толстовского романа. Об этом начали писать еще при жизни Т.А. Кузминской[4]. Даже вступительная статья к одному из позднейших изданий ее воспоминаний называется: «Мемуары Наташи Ростовой»[5].

 © Е.Л. Мураткина, 2006

И от других людей Толстой не скрывал, что Татьяна Берс – прототип Наташи. Художнику М.С. Башилову, готовившему иллюстрации к «Войне и миру» он советовал, «посмотрев Танин дагерротип 12-ти лет, потом ее карточку в белой рубашке 16-ти и потом ее большой портрет прошлого года, не упустите воспользоваться этим типом и его переходами, особенно близко подходящими к моему типу» (LXI, 153). «Есть еще немало показаний, – констатирует современный исследователь, – подтверждающих, что Таня Берс и "графинюшка" находятся в генеалогическом родстве: она получила от своего прообраза внешность, характер, мироощущение и многое из того, что та пережила, передумала, перечувствовала»[6]. К примеру, ряд эпизодов, характеризующих взаимоотношения Наташи и князя Андрея, ведут нас к аналогичным взаимоотношениям между Татьяной Берс и братом Толстого Сергеем Николаевичем.

Но в приведенных замечаниях Толстого отмечена еще одна связь: Таня Берс оказывается похожа на героиню нового романа Диккенса Беллу Уилфер. Именно связь: «Белла – Таня» стала своеобразным *литературным* основанием «прототипичности» Т.А. Берс по отношению к Наташе Ростовой. Именно в романе Диккенса Толстой увидел возможность введения подобного женского типа в контекст литературного создания. С другой стороны, Т.А. Берс оказывается своеобразным «связующим звеном» между характерами, созданными Диккенсом и Толстым.

Иные исследователи относились к этой героине Диккенса несколько свысока. «Фигура Беллы тоже традиционна, – пишет, например, Т.И. Сильман. – Таких капризных, но в сущности неплохих девиц мы знаем по другим романам Диккенса»[7]. Несколько мягче в этом отношении Е.Ю. Гениева: «Белла – новый женский образ в творчестве Диккенса. Чаще всего из-под пера Диккенса выходили бесплотные, ангелоподобные существа – Роза Мейли, Агнес. Нэнси из "Оливера Твиста", Эдит Домби, Эстелла из "Больших надежд" были блистательными прозрениями, тогда как Белла – подробно выписанный характер, в котором Диккенсу подвластно внутреннее движение. Перерождение героини убеждает, потому что оно психологически мотивировано. Более того, Белла воплощает в романе столь дорогую Диккенсу стихию жизни. С новым пониманием женского характера пришло и новое понимание любви, еще одной «трудной» для Диккенса темы. Даже в пору «Холодного дома» вполне достаточным условием для любви героев была их молодость, красота и материальное благосостояние, имеющееся или маячащее впереди. Этих молодых людей нисколько не смутило бы то обстоятельство, что умершие родители предназначили их друг другу. Более того, они бы считали это надежной гарантией будущего счастья. Но Белла и Гармон, как Роза и Эдвин из «Тайны Эдвина Друда», *хотят располагать свободой выбора, свободой совершать ошибки*»[8].

В структуре «Нашего общего друга» Диккенса Белла Уилфер играет важную нравственную роль и оказывается яркой «идеологической» героиней этого «запутанного» романа. Само заглавие романа – «*Наш общий друг*» – выражает нравственную позицию автора.

Фразу, ставшую заглавием романа Диккенса, впервые произносит (ч. 1, гл. IX) один из активно действующих положительных героев Никодимус Боффин. Нашим общим другом он называет Джона Роксмита (он же Джулиус Хэнфорд и Джон Гармон): это действующее лицо оказывается «общим другом» всех персонажей романа, противостоящих разлагающему влиянию денег и чванливой, лицемерной среде. То есть другом всех тех, кто своим поведением утверждает идеи правды и справедливости, решительно противостоит злу в разных его проявлениях – и прежде всего злу нравственному.

В этом романе Диккенса отчетливо проступает то, что становится самым важным для писателя: стремление указать пути нравственного совершенствования человека. Джон Роксмит-Гармон чем-то похож на Артура Клэннема из «Крошки Доррит». В союзе с мистером Боффином он осуществляет эксперимент, могущий испытать нравственную природу людей.

Особое место в сюжете романа занимает «испытание» Беллы, невесты Джона. Это красивая, несколько упрямая девушка, склонная к быстрой перемене настроений. Одно время она считает себя корыстолюбивой, даже намеревается выйти замуж по расчету. «Я люблю деньги, и мне нужны деньги, ужасно нужны!» – без обиняков заявляет она. Джон, с помощью Боффина, подвергает испытанию ее чувства и ее способность удержаться против денежных расчетов. Испытывая ее, он стремится оживить и очистить ее сердце от всего наносного, при этом не отрывая ее ум от искреннего, отзывчивого чувства. Он испытывает ее любовь на способность быть верной и пре-

данной, не отступать от любимого человека при всех его бедах и наветах против него.

И Белла Уилфер выдерживает испытание: она считает глубоко унизительным для себя быть «завещанной» кому бы то ни было – «словно вещь, словно дюжина ложек». Нравственные начала ее души побеждают: она проявляет стойкость, выдержку, верность и преданность… Этот «эксперимент» Джона Роксмита имел автобиографический характер. Есть основания предполагать, что диккенсовским прототипом Беллы была его возлюбленная актриса Эллен Тернан, – и сам писатель, не утративший надежды, хоть и мучимый заботами и тревогой, тоже должен был ощущать себя *нашим общим другом*.

В пределах этого сюжета «переменчивая» Белла как будто декларирует нравственное право «быть собой» в каждую данную ей минуту. *Независимость от взгляда со стороны* представлялась Диккенсу (как и Толстому) важнейшим достоинством человека, «драгоценной чертой» его характера (Толстой, XXXIV, 381). Отвергая богатство во имя любимого человека, Белла поступает – с точки зрения окружающих – не очень разумно. Но ощущает при этом движение некоей «высшей правды».

Наташа Ростова в еще большей степени, чем героиня Диккенса, одарена особенным даром интуитивно-инстинктивного понимания и силой переживания, которые и озаряют многие наиболее яркие и светлые описания романа. Белла Уилфер и Наташа Ростова живут на положении «общепризнанного украшения семьи», – но особенное очарование той и другой довольно трудно определить словами. «Я решительно не знаю, что это за девушка, – признается, например, Пьер Безухов, – я никак не могу анализировать ее. Она обворожительна. А отчего, я не знаю: вот всё, что можно про нее сказать».

Ни Белла, ни Наташа не испытывают потребности в особенно интеллектуальной жизни – хотя обе, несомненно, умны. Но ум у них какой-то особенный.

В пору работы Толстого над «Войной и миром» его приятель А.А. Фет в не дошедшем до нас письме разделил два понятия: *ум ума* и *ум сердца* (ср. в ответном письме Толстого: «*Ум ума* и *ум сердца* – это мне многое объяснило»[9]). Жить «умом сердца» – это значит жить прежде всего сердцем и воображением, вполне доверяя своим изначальным душевным движениям, – а уже потом согласовываться с умом и волей. Собственно, эта проблема духовного самоопределения человека определила многое во всемирной литературе XIX столетия[10]. Именно к тому, чтобы Белла доверилась «уму сердца», и стремится в своем «эксперименте» Джон Роксмит.

Наташа Ростова живет «умом сердца» изначально. Она, как выражается тот же Пьер Безухов, «не удостоивает быть умной». Она не бьется в разрешении «проклятых вопросов», как Пьер и князь Андрей. Но удивительным образом оказывает могущественное влияние на умственную жизнь «думающих» героев Толстого. Одно только впечатление от знакомства с Наташей привело, например, князя Андрея к полнейшей перемене мировосприятия: «Ему и в голову не приходило, чтоб он был влюблен в Ростову; он не думал о ней; он только воображал ее себе, и вследствие этого вся жизнь его представлялась ему в новом свете». Сам *образ* Наташи оказывается живее всех логических доводов.

Именно на этом особенном действии «ума сердца» строится всё очарование толстовской героини; именно этим объясняется ее воздействие на брата, на Пьера и всех окружающих. Именно это и определяет ту особенную логику поступков героини Толстого, которая кажется окружающим вопиющей нелогичностью поведения[11]. На этой особенной логике строится даже и эпизод, ставший «узлом всего романа» (LXI, 180) – история с Анатолем Курагиным. И в этой истории Наташа, как диккенсовская Белла, как будто реализует свою «свободу совершать ошибки».

Влияние Диккенса очевидно еще в одном: Толстой как будто продолжает его галерею образов «чудаков» и «простодушных», живущих по собственной модели поведения. Но если у Диккенса «бесхитростные и наивные персонажи были одинокими, беспомощными, не от мира сего, то безыскусственные герои Толстого духовно и практически укоренены в реальности. Писатель как бы доказал жизнестойкость и универсальность тех человеческих ценностей, которые ранее с известной схематичностью и не без скептицизма воплощались в традиционных образах “чудаков”. Благодаря ей, читатель постоянно ощущает, что в жизни неизменно находится место людямкоторые душевно сродни Ростовым, Болконским, Пьеру Безухову и что привлекательные черты последних отнюдь не исключительны»[12].

Доброта и совестливость укоренены в сознании толстовских героев – и эта нравственная направленность персонажей тоже идет от Диккенса. Автор «Войны и мира» не допускает возможности победы зла – ибо серьезный и честный человек в спокойные минуты жизни *не может* совершать ничего плохого. А о Татьяне Берс в письме к ее родителям написал, что «с таким сердцем она *не может* быть несчастлива» (LXI, 88). Эта толстовская мудрость наивного доверия к течению жизни сродни представлению Диккенса, приводившего своих персонажей к «счастливым концам». «Для счастья и для нравственности жизни, – замечал Толстой в одном из писем 1865 г., – нужна плоть и кровь» (LXI, 121).

Диккенс, несомненно, подписался бы под таким утверждением.

Но из этого осознания вытекала важная черта художественного метода Толстого. Так, именно глазами «счастливой» Наташи Ростовой, в освещении ее всё возрастающей радости и восхищения жизнью даны в «Войне и мире» сцены охоты и завершающего охоту вечера. «Толстой не стремится смоделировать точку зрения Наташи или кого-либо еще, как это делал Пушкин и писатели-реалисты, то есть воссоздать картину так, как она могла быть увидена человеком с социально-исторической культурной и психологической позицией, свойственной данному герою, – нет, Толстой описывает объект с эпическим размахом, полнотой и всезнанием, включая в описание детали, которые никак не могли быть видены и поняты его героем, но он заряжает свое описание чувством своего героя или своей собственной страстью, когда в поле действия не оказывается никого из наиболее одаренных способностью к переживанию жизни лиц. Это чрезвычайно условный и смелый метод, синтезирующий эпические и лирические начала»[13]. Истоки этого толстовского метода возводят к Гоголю – но гораздо ближе в данном случае романистика Диккенса. Как отмечено выше, страстность описаний у Диккенса (в частности, и в романе «Наш общий друг») не всегда авторская: иногда озаряющее те или иные вещи пламенное чувство прямо заимствовано у героя.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство: параллель «Таня – Белла» возникла в сознании Толстого еще в августе 1864 г., когда новый роман Диккенса «Наш общий друг» только начал выходить в Англии. Вполне завершен он был год спустя – авторская дата в конце романа «Сентябрь 2-го 1865 г.». К этому времени относится второе (дневниковое) толстовское указание этой же параллели. Из этого обстоятельства можно сделать три заключения.

Во-первых, первоначально Толстой знакомился с новым (последним из завершенных) романом Диккенса в подлиннике: русский его перевод начал появляться в «Отечественных записках» уже позднее. Вторая хронологически такая же параллель Т.А. Берс и Беллы Уилфер (в дневнике) датируется октябрем 1865 г. – даже и в это время роман не был допечатан до конца. Толстой во время работы над «Войной и миром» крайне редко самовыражался в дневнике – и заносил туда лишь самые значимые события и впечатления, особенно на него подействовавшие.

Во-вторых, роман Диккенса на долгие годы стал любимым чтением русского писателя. Вот свидетельство сотрудника издательства «Посредник» Н.Н. Иванова о посещении Толстого в Москве, в хамовническом доме, весной 1886 г.: «Толстой стал говорить о Диккенсе, что это замечательно хороший писатель, что произведения его стоят того, чтобы их читали как можно больше. Сущность того, что Лев Николаевич высказал мне о произведениях Диккенса, помнится, сводилась к одобрению нравственного положительного начала, проникающего сочинения Диккенса, и к одобрению гуманизма изображения им обездоленных классов общества, – гуманизма, совмещавшегося с сатирой над буржуазными классами, – «дармоедами», по выражению Толстого.

Толстой советовал мне попытаться сокращенно изложить какой-либо роман Диккенса для народного издания, так как целиком романы Диккенса во многом могут быть непонятны простому народу. Я сказал, что очень рад последовать его совету, но что у меня нет сочинений Диккенса и мне достать их для долгого употребления крайне трудно.

– Я вам могу дать, – сказал он и вышел.

В комнате совсем стемнело. Лакей внес зажженные свечи и поставил их на письменный стол. Толстой вернулся и передал мне переплетенную книгу. Это был роман Диккенса “*Наш общий друг*”»[14].

Разговор происходил в московском доме Толстых, куда писатель не перевозил всей яснополянской библиотеки. То, что он взял оттуда «переплетенный» том Диккенса, свидетельствует об

особенном отношении именно к этому роману.

В-третьих, что особенно важно для нашей темы, Лев Толстой (как и первые читатели) воспринимал «Наш общий друг» *по частям* – и выделил Беллу (похожую на «Таню») *уже в самом начале*: он мог прочитать роман не далее первой части. Между тем, Белла в начале романа значительно отличается от Беллы в его продолжении. Она еще не выступает как активный и сколько-нибудь «положительный» персонаж: просто красивая и взбалмошная девушка. Выходит, что Толстой знакомился с романом Диккенса *параллельно* созданию своего великого романа – и вводил в него Наташу Ростову с такими же «поворотами», какие проделывал со своей героиней Диккенс.

В своих творческих исканиях Толстой погружался в творчество Диккенса, стараясь уловить в нем недостающее ему самому. Он охотно шел навстречу особенностям английской литературы, хотел их усвоить и применить к собственному опыту. Смутно чувствуя нечто новое для себя и значительное в творчестве Диккенса, Толстой переживал сложный процесс переосмысления художественной манеры английского писателя. С новых сторон Толстой стремится передать то, что он видит, чувствует, понимает. Отказываясь от сложившихся литературных форм, Толстой выставляет на первый план «борьбу чувств, по словам Чернышевского, – «самый психический процесс, – и едва уловимые явления этой внутренней жизни, сменяющиеся одно другим с чрезвычайной быстротою и неисточимым разнообразием».

Судя по записям Толстого и его широкой переписке, связанной с Диккенсом, его привлекало в творчестве английского писателя прежде всего нравственное чувство и гуманизм. Диккенс в восприятии Толстого являлся величайшим художником мирового масштаба: «Диккенс – гений, раз в сто лет родятся такие»[15]. Кроме того, Диккенс был близок Толстому особенностями своего художественного метода, глубиной психологического анализа. Интерес русского писателя к Диккенсу проявлялся разнопланово - и как прямые суждения и оценки, и как отголоски диккенсовских образов и мотивов в произведениях Толстого (в основном неосознанные и ненамеренные). В разные годы жизни Толстого те или иные аспекты творчества Диккенса оказывались ему особенно близкими, однако на протяжении всей своей жизни Толстой видел в романах Диккенса выражение христианской любви к ближнему, его привлекала их обращенность к человеку.

Понимая этическую и художественную значимость творческого наследия Диккенса, Толстой проявлял огромную энергию в распространении и популяризации произведений Диккенса, поддерживая попытки своих близких и почитателей английского писателя в их стремлении заняться переводами, поскольку, по мысли Толстого, чтение Диккенса способно преобразовать душу человека и является вполне доступным читателю из народа.

Примечания

[1] *Кузминская Т.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. – М., 1986. – С.120–137, 204–211, 331–335.

[2] Там же. – С. 290.

[3] Новый мир. – 1925. – № 4. – С. 160.

[4] *Нагорная В.* Оригинал Наташи Ростовой в романе «Война и мир» // Новое время. – 1916. – №№ 14400, 14413, 14427, 14434; *Булгаков В.Ф.* О Толстом. – Тула, 1978. – С. 193.

[5] *Брейтбург С.М.* Мемуары Наташи Ростовой // *Кузминская Т.А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. – Тула, 1960. – С. 5–15.

[6] *Розанова С.А.* «Счастливая звезда» // *Кузминская Т.А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. – М., 1986. – С. 22.

[7] *Сильман Т.* Диккенс: Очерки творчества. – М., 1958. – С. 370.

[8] *Гениева Е.Ю.* Великая тайна // Тайна Чарльза Диккенса. – М., 1990. – С. 56.

[9] *Толстой Л.Н.* Переписка с русскими писателями. – М., 1978. – Т.1. – С. 387.

[10] *Буланов А.М.* «Ум» и «сердце» в русской классике. – Саратов, 1992.

[11] *Бочаров С.Г.* Роман Л. Толстого «Война и мир». – М., 1978. – С. 56–73.

[12] *Хализев В.Е., Кормилов С.И.* Роман Л.Н. Толстого «Война и мир». – М., 1983. – С. 27.

[13] *Плюханова М.Б.* Творчество Толстого: Лекция в духе Ю.М. Лотмана // Лев Толстой: pro et contra. – С. 841.

[14] Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. – Т.1. – С. 388–389.

[15] Литературное наследство. Т.90. Кн.1. С. 168. Толстой отмечал также: «Диккенс – мировой гений. Он оживляет неживые вещи...» (Там же. С. 143).

М.Р. Очкасова

ПРОЯВЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА ЛЬВА ТОЛСТОГО В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИИ (на материале образа Наполеона в романе «Война и мир»)

В романе «Война и мир» философская концепция Л.Н. Толстого неотделима от строя его художественного мышления, она отображена в созданной творчеством великого писателя системе словесных образов.

Текст произведения насыщен образными фразеологическими единицами (ФЕ) и индивидуально-авторскими оборотами, выступающими в роли смысловых центров сложных синтаксических целых, определяющих дальнейшее развитие мысли в русле, намеченном образной основой ФЕ.

В выражении образных идей «Войны и мира» особое место принадлежит ФЕ и индивидуально-авторским метафорическим оборотам, по происхождению связанным со сферой игры и театрального представления: *играть роль* (в историческом событии), *исполнять роль* (кажущегося начальствования), *сжиться с ролью*; *выйти из роли*; *играть жалкую комедию*, *играть в кукольную комедию*; *играть в войну*, *играть в бильбоке земным шаром*; *игра партий*, *игра войны*, *игра интриг*, *игра целей*, *игра желаний* [1, с. 66–68].

Этимологический анализ фразеологических единиц и индивидуально-авторских оборотов, содержащих в своем компонентном составе имя существительное *роль*, показывает, что они зачастую являются галлицизмами, или образованными на базе галлицизмов (*играть роль*, *играть комедию*, *кукольная комедия*) заимствованиями из французского языка (*войти в роль*, *выйти из роли*, *игра случая*, *игра целей*, *игра желаний*). На рубеже XVIII–XIX веков подобные заимствования из французского языка заполняли лакуны сферы этикета, общественных отношений, культуры в русском языке. Выражение *играть роль* широко распространено во многих европейских языках (ср.: фр.: *jouer le rôle,* англ.: *to play the role*). Анализ этимологии данного выражения показывает, что оно возникло в театральных кругах в средние века, когда слово *rôle*, восходящее к старо-франц. *rol(l)e*, лат. *rotulus, rotula*, буквально означало «бумажный свиток, на котором был написан текст, читаемый актером» [2, с. 589].

В группе исследуемых оборотов существительное *роль* включает семантику ФЕ «играть (исполнять) роль» и эквивалентно словосочетанию «исполнение роли». Образной основой этих оборотов, обнаруживающейся в ряде употреблений, является актуализирующееся представление об игре актера.

ФЕ *играть (исполнять) роль* в сочетании с конкретизирующими словами чаще всего употребляется применительно к деятельности Наполеона.

Характеристика роли Наполеона в Бородинском сражении включает сочетание *исполнял роль кажущегося начальствования*: «Наполеон в Бородинском сражении исполнял свое дело представителя власти так же хорошо, и еще лучше, чем в других сражениях. … он… с своим тактом и опытом войны спокойно и достойно исполнял свою роль кажущегося начальствования» [3, VI: 232–233]. Словосочетание *кажущееся начальствование* содержит глубокий смысл и расширяет значение галлицизма «исполнять роль». Существительное *начальствование* передает общепринятую оценку роли Наполеона, соответствующую его собственному представлению. Определение *кажущееся* раскрывает несоответствие этой оценки действительному положению вещей, подчеркивая иллюзорность власти Наполеона над ходом событий. Оборот *исполнять роль кажущегося начальствования* раскрывает противоречие между существовавшим представлением о значении действий Наполеона во время Бородинского сражении и истинным положением вещей. В этом контексте оживает внутренняя форма ФЕ *исполнять роль*, благодаря чему оборот *исполнять роль кажущегося начальствования* приобретает дополнительное осмысление «мнить себя, неосознанно, невольно изображать начальствование, что не соответствует действительности, изображать, подобно актеру, персонаж некой пьесы».

В следующем контексте ФЕ *играть роль* служит раскрытию противоречия между намерениями Наполеона и результатами его действий: «Наполеон не видел того, что он в отношении своих войск играл роль доктора, который мешает своими лекарствами, – роль, которую он так верно понимал и осуждал» [3, VI: 253]. Тем самым под-

© М.Р. Очкасова, 2006

черкивается, что Наполеон мог правильно оценить действия других, но не свои собственные.

Отношение Наполеона к докторам представлено в его монологе, адресованном Раппу во время бессонной ночи перед Бородинским сражением, при этом в нем французский текст функционирует самостоятельно, одновременно являясь частью русского текста, в который он интегрируется благодаря общности темы и сюжета:

«Слуга вошел с пуншем. Наполеон велел подать другой стакан Раппу и молча отпивал глотки из своего.

– У меня нет ни вкуса, ни обоняния,— сказал он, принюхиваясь к стакану. – Этот насморк надоел мне. Они толкуют про медицину. Какая медицина, когда они не могут вылечить насморка? Корвизар дал мне эти пастильки, но они ничего не помогают. Что они могут лечить? Лечить нельзя. Notre corps est une machine à vivre. Il est organisé pour cela, c'est sa nature; laissez-y la vie à son aise, qu'elle s'y défende elle-même: elle fera plus que si vous la paralysiez en l'encombrant de remèdes. Notre corps est comme une montre parfaite qui doit aller un certain temps; l'horloger n'a pas la faculté de l'ouvrir, il ne peut la manier qu'à tâtons et les yeux bandes. Notre corps est une machine à vivre, voilà tout...» [3, VI : 169–170].

Во французском тексте, представляющем собой прямую речь Наполеона, раскрывается его представление о своей исторической роли, которую он уподобляет роли доктора, беспомощного в своем стремлении исцелить. Об этом свидетельствует следующий его афоризм: «Наше тело – совершенный часовой механизм, который должен ходить определенное время». Этот афоризм способствует раскрытию противоречия в воззрениях и поступках Наполеона. Он сравнивает доктора, неспособного исцелить человека от всех недугов, с мастером, который пытается вмешаться в работу созданной природой системы. Это сравнение перекликается с авторским представлением о роли Наполеона, который только мешает поступательному развитию событий своими приказами, своим вмешательством.

Оборот *играет сам перед собою жалкую комедию* характеризует поведение Наполеона после крушения его могущества: «И проходят несколько лет в том, что этот человек, в одиночестве на своем острове, играет сам перед собою жалкую комедию, интригует и лжет, оправдывая свои деяния…» [3, VII: 257].

Обличение, содержащееся в данном обороте, усиливается однородными сказуемыми *интригует* и *лжет*, усугубляющими смысл выражения *жалкая комедия*: жалким, ничтожным комедиантством представляется стремление Наполеона путем лжи и интриг поддержать в окружающих веру в свое величие и убедить в этом самого себя. Характеристика действий Наполеона, выраженная ФЕ *играть жалкую комедию*, соответствует оценке, данной Пьером, называющим императором Франции жалким комедиантом: «Наполеон Бонапарт был презираем всеми до тех пор, пока он был велик, и с тех пор как он стал жалким комедиантом – император Франц добивается предложить ему свою дочь в незаконные супруги» [3, V: 310]. Представленная здесь антитеза величия и комедиантства дана в динамике, выражаемой противопоставлением глагольных форм *был* и *стал*. Бывшему величию Наполеона противопоставлено его стремление казаться великим, разыгрывание величия, жалкое комедиантство, несовместимое с истинным величием.

Наблюдения показали, что в создании образа Наполеона более широко, чем в создании образов других персонажей романа используется русская фразеология, восходящая к галлицизмам, и нетранслитерированные фразеологизмы французского языка. Причем наряду с оборотами, ставшими узуальными в начале XIX века (*играть роль*, *исполнять роль*, *играть в кукольную комедию*), Л.Н. Толстой широко использует их окказиональные трансформы, образованные в основном путем расширения компонентного состава словами, словосочетаниями, а также предикативными единицами, служащими созданию смысловой индивидуализации данных ФЕ, их приспособлению к характеристике деятельности Наполеона и ее авторской оценке (*играл роль доктора, который мешает своими лекарствами*; *исполнял роль кажущегося начальствования*; *исполнял жестокую, нечеловеческую роль*; *игра целей*; *игра интриг* и др.).

Употребление фразеологических единиц в индивидуально-авторских метафорических оборотах в романе «Война и мир» неразрывно связано с философским мировоззрением Л.Н. Толстого, с его художественным толкованием важнейших социально-исторических проблем (законы войны, историческая роль личности). Рассмотренные фразеологические обороты являются кальками с французского языка, абсолютны-

ми межъязыковыми эквивалентами французских ФЕ, к которым они восходят, позволяющими с предельной полнотой передать характерные черты Наполеона, особенности его мировосприятия. Использование фразеологии при создании образа Наполеона, как и других художественных образов, при многостороннем отображении действительности, построении сюжета романа «Война и мир» отражает художественный билингвизм Л.Н. Толстого, органическое слияние в его креативном мышлении образного строя русского и французского языков.

Библиографический список

1. *Мелерович А.М.* Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. – Ярославль: Изд-во ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1979. – С. 66–68.

2. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари: Астрель, 2001. – 865 с.

3. *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений в 20-ти томах. Т. IV–VII. – М.: Гослитиздат, 1961–1963.

Г.А. Шпилевая

«ВЕРТЕРОВСКИЙ» СЛЕД В РОМАНЕ Н.А. НЕКРАСОВА «ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНИЯ ТИХОНА ТРОСТНИКОВА» (1841–1848)

В черновике некрасовской рукописи третьей части романа есть авторская пометка: «Прочесть. Страдания Вертера» (VIII, 546)[1]. Эта запись была сделана рядом с незавершенным фрагментом следующего содержания: «Равнодушно, подобно многим, проходил он мимо нищего, протягивавшего к нему костлявую руку, насмешливо, чуть не презрительно выслушивал он разные истории, которыми усиливались они затронуть в нем благотворительность, ничего не видя в них, кроме хитросплетений лжи. И ни разу не приходило ему в мысль, что если это ложь, то было же что-нибудь, что довело человека до такой лжи, в которой уж конечно, ничего…» (VIII, 252).

Принято считать, что приведенный некрасовский отрывок связан с вертеровскими рассуждениями о голодной смерти, толкающей на воровство людей, достойных скорее сожаления, чем наказания, и вообще с темой сострадания простому человеку[2].

Однако вышеприведенный фрагмент, где говорится о равнодушии людей, расположен рядом с другим, который тоже, на наш взгляд, напоминает о немецком романе: «В одной улице наткнулся он на дом, от которого отскочил с ужасом, но в котором, быть может, нашел бы ночлег, потому что тут жила кухмистерша, женщина прекрасных свойств и примерного поведения, которая, входя в положение нашего героя, тонко дала ему заметить, что у нее есть подле спальни совершенно излишняя комната, очень удобная для одинокого человека, и что такой человек, поселившись в ней, мог бы уже получать и кушанья и чай» (VIII, 251–252).

В.В. Виноградов, анализируя творчество братьев Достоевских, Гребенки, Некрасова (1940-х годов), теоретически обосновал развитие и функционирование в рамках поэтики «натуральной школы» «сентиментального натурализма» и «романтического натурализма»[3]. «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» – яркий пример гибридной формы, в которой соединились элементы, казалось бы, несовместимые.

Рассмотренный выше фрагмент имеет романтико-сентименталистскую окраску, поэтому можно предположить, что Тихон с гневом отверг предложение хозяйки квартиры. Клим из ранней некрасовской «Повести о бедном Климе» (написана не позднее 1843 года) в подобной ситуации поступил именно так, потому что романтический персонаж компромиссу предпочитает голодную смерть.

Эта событийная модель, на наш взгляд, перекликается с сюжетной ситуацией романа Гете, где она рассматривается, разумеется, в сентименталистском ключе – путем ломки социальных и возрастных барьеров, освобождения естественных чувств. Молодой крестьянин рассказал Вертеру о том, что он любит немолодую вдову (она к нему также благосклонна), к которой нанялся в работники. Вертера поразило сочетание искренности, чистоты и плотской страстности в чувствах молодого человека.

Некрасова подобный поворот в человеческих отношениях интересовал настолько, что он дважды рассмотрел его в своем романе. В первой части романа, в « натуралистическом» тексте, дородная Марья Самойловна предлагает Тихону стол и жилье за определенные услуги, и *русский*

© Г.А. Шпилевая, 2006

Жиль Блаз (так Некрасов предполагал назвать свое произведение), поразмыслив о своем слабом здоровье, бедности, сырой квартире, «решился пожертвовать… выгодами тела выгодам духа», (по его словам), то есть совершил «редуцирование духа к “материальному” телу»[4]. Герой переехал к кухмистерше, хотя «при полном и точном представлении мясистых прелестей немолодой особы» по телу его «пробегали мурашки» (VIII,129).

Плотский соблазн, выбор, перед которым поставлен герой, – это образ определенного порога, переступив который личность качественно меняется. Телесный соблазн и сопутствующие ему душевные переживания ставят личность перед выбором, который определяет его судьбу, и каждая литературная эпоха решала эту проблему по-разному.

Исследуя модели телесного соблазна, Некрасов наиболее полно рассматривает ту, где детерминированный средой герой уступает домогательствам хозяйки квартиры. При этом автор показывает, как Тихон стыдится своего решения, что он пошел на компромисс ради поступления в университет, мечтал окончить его, получить теплый угол, иметь кусок хлеба и есть его «не краснея».

Варьируя оттенки одной и той же ситуации, Некрасов (как и многие другие писатели «натуральной школы») приближался к целостному восприятию мира, свойственному *реализму*. «Натурализм», обогащенный сентименталистским и романтическим содержанием, вбиравший элементы иной культуры, значительно расширял свои рамки.

Как видно, в процессе создания своего романа, молодой Некрасов проходил необходимую ему ускоренную школу, усваивая многолетний литературный опыт. Незаконченное произведение является ценным материалом для изучения законов творчества Некрасова и всей русской литературы в переходный период 1840-х годов. Соединение элементов различных художественных методов, течений и школ в рамках одного (в целом ученического) произведения указывает на общие законы развития искусства, показывает, как «один из “языков культуры”, который обладает своим “лексическим составом” и внутренней риторико-смысловой структурой…, взаимодействует с другими “языками” в единой “семиосфере”»[5].

Примечания

[1] Здесь и далее в тексте цит. с указанием тома и страниц по: Полн. собр. соч. и писем Н.А. Некрасова: в 15-ти т. – Л.: Наука, 1981–2000.

[2] См. об этом подробнее: *Виноградов В.В.* Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. – С. 76–100.

[3] См. об этом подробнее: *Вершинина Н.Л.* Некрасов и немецкая литература //Карабиха. Историко-литературный сб. 175-летию со дня рождения поэта посвящается. Вып. 3. – Ярославль,1997. – С. 100–102.

[4] *Темиршина О.Р.* Демонические инверсии в осмыслении феномена тела в поэзии А. Крученых // Проблемы поэтики русской литературы: Межвуз. сб. научн. тр. – М., 2003. – С. 83.

[5] *Шаулов С.М.* «Вечерняя песнь» в немецкой лирике: От барокко к романтизму // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания: Вып. 14. – Воронеж, 2000. – С. 121.

ИСТОРИЯ

Д.А. Волков

ИСТОРИЯ КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Восстановление народного хозяйства после Великой Отечественной войны и грандиозные задачи, которые ставило сталинское руководство перед страной, требовали скорейшей подготовки специалистов для различных областей экономики. Их нехватка ощущалась как в связи с колоссальными людскими потерями в годы войны, так и в результате продолжавшихся репрессий. Ответственная роль в подготовке будущих специалистов отводилась школе. Поэтому требовалось и большое количество учителей, образование которых соответствовало бы поставленным целям. Учительские институты, дававшие неполное высшее образование, не могли выполнить эту задачу. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в зависимости от научно-преподавательского и материально-технического потенциала они были преобразованы или в высшие учебные заведения (пединституты), или в средне специальные заведения (педучилища).

Костромской государственный педагогический институт им. Н.А. Некрасова был создан на базе учительского института на основании распоряжений Совета Министров СССР от 18 июня 1949 г., Совета Министров РСФСР от 1 июля 1949 г. и приказа министра просвещения РСФСР от 6 июля 1949 г. Первое время вуз назывался Костромской государственный педагогический и учительский институт им. А.Н. Некрасова. До 1952 г., пока не состоялся последний выпуск учительского института, оба вуза существовали параллельно. Причем студенты, окончившие учительский институт, могли приниматься на третий курс педагогического института или переводиться из одного вуза в другой на тот же курс при условии сдачи необходимых предметов в установленные сроки. Эта практика действовала до 1953 г., до ее официального запрета Министерством просвещения РСФСР.

Всю необходимую работу по преобразованию учительского института в педагогический провел Александр Дмитриевич Волков, последний директор учительского. Но стать первым директором педагогического ему не суждено было. На 42-м году жизни он скоропостижно скончался. На должность директора в 1949 г. назначается Леонид Николаевич Талов, проработавший до 1954 г.

Количество студентов-первокурсников, в связи с объединением, выросло в три раза. Общая численность студентов на 1 января 1950 г. составила 615 человек на дневном отделении и 1192 человека – на заочном. Институт располагался в здании по ул. Пятницкой, 2 (в настоящее время корпус «Б»). Там же размещалось студенческое общежитие на 60 мест, несколько комнат было отдано под квартиры преподавателям. Поэтому не хватало учебных аудиторий, инвентаря, мебели. Не хватало и преподавателей, в первую очередь дипломированных. В 1949 г. на 13 кафедрах работало всего лишь 43 специалиста, из которых только 12 имели ученые степени и звания. Однако положение с кадрами постепенно выправляется. В 1952 г. в институте работало уже 84 преподавателя, в числе которых было 2 доктора наук, профессора, 33 доцента и кандидата наук.

С 1954 г. КГПИ возглавил Федор Маркович Землянский. Из крестьянской семьи, получивший начальное образование дома, он в 30-е гг. оканчивает Ярославский педагогический институт и поступает в аспирантуру Ленинградского государственного университета. Затем война. В должности инспектора политотдела 11-й Гвардейской армии, с боями прошел через Прибалтику, Польшу и Восточную Пруссию до Берлина. С 1948 г. Федор Маркович – секретарь Костромского обкома ВКП(б), а в 1951 г. он переходит на работу в педагогический институт на кафедру марксизма-ленинизма. А когда в 1954 г. освободилось место директора, в связи с переходом Л.Н. Талова на работу в Воронежский педагогический институт, то руководителем нашего вуза по праву стал Ф.М. Землянский. Энергичный и опытный руководитель, он много внимания уделял подготовке и выдвижению кадров, углублению и расширению научной работы кафедр. При поддержке Федора Марковича группа молодых

© Д.А. Волков, 2006

перспективных преподавателей была направлена в аспирантуру столичных вузов.

Новый качественный этап в развитии вуза наступил в 1960–1970-е гг. Ректором института в 1961 г. назначается Михаил Иванович Синяжников. Окончив трехгодичный педагогический рабфак, он начал самостоятельную трудовую деятельность. Работал учителем начальной, семилетней и завучем средней школы. Одновременно заочно учился на факультете русского языка и литературы Ярославского пединститута, который успешно закончил. В начале войны в составе Ярославской коммунистической дивизии вместе со своими учениками-старшеклассниками добровольцем ушел на фронт. За мужество, проявленное в сражениях на фронтах Великой Отечественной войны, был награжден орденами и медалями. После войны Михаил Иванович с отличием оканчивает Высшую партийную школу при ЦК КПСС и находится на партийной и преподавательской работе в Костроме. В 1960 г. М.И. Синяжников успешно защищает в МГУ диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук и в течение 25 лет возглавляет наш пединститут.

В 1960-е гг. в сфере образования выдвигается масштабная и значительная задача перехода к всеобщему среднему образованию, над осуществлением которой серьезно трудилась учительская интеллигенция, коллективы педагогических вузов, в том числе и Костромского. Противоречивость ситуации заключалась в том, что в содержание этой грандиозной задачи вкладывался определенный идеологический смысл. Постоянно осуществлялось вмешательство партийно-государственных органов в учебно-воспитательный процесс, форсировались сроки введения всеобщего среднего образования, происходила политизация форм и методов работы с учащимися и студентами. Но, с другой стороны, были и конкретные успехи, учебно-методические находки, смелые эксперименты. Успешно развивалась научная и педагогическая деятельность преподавателей и студентов. Эти противоречия и определяли специфику развития института на этом этапе.

В 1960–1970-е гг. в вузе продолжалась интенсивная научная работа. За 5 лет, с 1962 по 1966 гг. было выполнено около 500 научно-исследовательских работ, из которых 67 имели народно-хозяйственное значение, издано 2 учебника, 51 учебное пособие, 5 монографий, 7 выпусков «Ученых записок». В феврале 1972 г. прошла межвузовская научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения А.Н. Некрасова, под названием «Н.А. Некрасов и русская литература». Это был важный этап в научной деятельности КГПИ. В ней приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Петрозаводска, Ярославля, Смоленска, Иванова, Тбилиси, Уфы. По итогам работы конференции был издан сборник материалов.

Необходимость реализации идеи всеобщего среднего образования заставила ректорат, кафедры, общественные организации определить приоритетные направления своей работы в 1970-е гг. Ими стали: переход на новые программы и учебные планы, повышение квалификации преподавателей, сохранение контингента студентов и некоторые другие. Так, с 1970/1971 учебного года институт стал работать по новым учебным планам, в которых предусматривалась иная структура изучения педагогических дисциплин: на 1-х курсах – «Введение в педагогику», на 2-х – «Педагогика школы», на 3-х – «Теория педагогики». В 1975 г. внедрили новую структуру общепедагогической подготовки студентов, когда уже с 1-го курса наряду с теоретическими дисциплинами проводилась педагогическая практика. В 1973 г. на основе постановления ЦК КПСС и Совета Министров коллектив института осуществил систему мер по перестройке учебно-воспитательного процесса с учетом подготовки специалистов для сельской школы. Выпускники всех факультетов изучали методику работы с ученической производственной бригадой, основы экономики и механизации сельского хозяйства. Коренным образом перестраивается педагогическая практика. Студенты выпускных курсов проходят ее только в сельских школах.

Ко всем преподавателям, особенно общественных дисциплин, предъявлялось непременное условие – идейная зрелость. Партийные органы влияли на работников института через постоянно действующие теоретические и методологические семинары. Такие семинары были организованы на каждом факультете и охватывали более 160 преподавателей, включая и руководящих работников вуза во главе с ректором. Многих преподавателей партийная организация направила на обучение в вечерний университет марксизма-ленинизма. За 10 лет, с 1966 по 1976 гг. его закончили 94 преподавателя.

Социальный заказ партийно-государственных органов особенно ощущался в постановке воспитательной работы в вузе. Прежде всего, прояв-

ление этого мы наблюдаем в попытке придания ей планового характера. Первый такой план был утвержден Советом института в 1968 г. и действовал до 1973 г. Следующие появляются в 1975 и 1979 гг. и имеют отвечающее духу времени название «Перспективный комплексный план коммунистического воспитания студентов КГПИ им. Н.А. Некрасова на весь срок обучения».

Основная тенденция системы воспитания – ярко выраженный политический характер. Это Ленинский зачет, проведение студенческих теоретических конференций на многочисленные юбилейные темы – от 70-летия II съезда РСДРП до столетия со дня рождения В.И. Ленина, массовое изучение трудов Л.И. Брежнева, материалов съездов КПСС, и т.д. В отчетах вуза в Министерство просвещения РСФСР, в докладах на партийных и комсомольских собраниях в качестве положительного примера неоднократно упоминались клубы по интересам, созданные при кафедрах. В разные годы их насчитывалось от 8 до 10. При кафедре иностранных языков работал клуб интернациональной дружбы, при кафедрах педагогики и психологии – педагогический клуб. Также были клубы воинствующего атеиста, любителей природы, и другие. Идеологическое предназначение клубов налицо, что отражено в названии и содержании работы. Особняком стоит клуб любителей природы, но и там «…активно пропагандировались решения партии и правительства по охране природы».

Большая роль не только в идеологической пропаганде и агитации, но и в организации учебно-воспитательного процесса, культурно-массовой и спортивной работы принадлежала партийным и комсомольским комитетам и различным общественным структурам. Партийная организация осуществляла контроль за всем, что делалось в институте. Все деканы факультетов, заведующие кафедрами, руководители общественных организаций, постоянно отчитывались на партсобраниях и партбюро. Особое внимание уделялось комсомолу, как самой массовой организации. В 1956 г. комсомольская организация института получила права райкома, т.е. возможность принимать студентов в члены ВЛКСМ и выдавать соответствующие документы. Работа комитета комсомола, хотя и подвергалась постоянной критике, как со стороны партийного комитета, так и ректората, но была очень разнообразной и интересной. Комитет ВЛКСМ стремился привлечь студентов к научной работе через кружки научно-студенческого общества (НСО), к общественной и спортивной деятельности (через ДОСААФ, созданный в институте именно по инициативе комитета ВЛКСМ в январе 1966 г., «Красный крест», общество «Буревестник»), художественной самодеятельности и т.д.

Комсомольцы вуза постоянно оказывали помощь сельским учащимся, активно участвуя в движении «Комсомол – сельской школе». Они приобретали учебные пособия, оборудовали методические кабинеты наглядными пособиями, помогали учителям в организации учебно-воспитательного процесса. С начала 1970-х гг. проводится операция «Абитура» – агитпробеги по районам области с целью привлечения молодежи в наш институт. Была разработана инструкция по организации собеседования с абитуриентами. Выясняли общие сведения о личности, мотивы выбора, уровень педагогической и организаторской подготовки, общая направленность личности, специфические особенности характера. Создавалась специальная картотека старшеклассников. Эта работа проводилась большей частью студентами истпеда.

Важной сферой деятельности комсомола явилась работа по организации студенческих строительных отрядов (ССО), которые в Костроме возникли в результате инициативы 16 студентов пединститута. Комсомол подхватил это начинание и в 1965 г. был создан областной студенческий строительный отряд, куда вошли студенты всех вузов и техникумов города. В 1970-е гг. в районах области работало 11 линейных ССО. Направление деятельности строительных отрядов было самое разнообразное. Строили школы, льнозаводы, дороги, телятники проводили мелиоративные работы. В 1960 – начале 1970-х гг. их усилиями проложили 618 км. высоковольтных линий электропередачи, электрифицировали более 100 деревень.

Параллельно с комсомолом действовала и профсоюзная организация. Они очень часто проводили совместные заседания. Объединенными усилиями были разработаны положения о единой учебной комиссии, условия смотра-конкурса на лучшую группу, социалистические обязательства студенческих строительных отрядов. Учебно-воспитательная комиссия профкома совместно с комитетом комсомола проверяли посещаемость студентами учебных занятий, организовывали учебные аттестации, работали с задолжниками. Они совершали совместные рейды по проверке общежитий, устраивали конкурсы на

лучшую студенческую комнату, этаж, проверяли жилищно-бытовые условия студентов, проживавших на квартирах. На профсоюз и комсомол была возложена работа по организации отдыха студентов, отправка их в спортивно-оздоровительные лагеря, санатории и профилактории, оказание нуждающимся материальной помощи, проведение художественной самодеятельности, смотров-конкурсов, тематических вечеров и вечеров отдыха. Под руководством профкома работали спортивный, студенческий и профсоюзный клубы.

На комсомольский и профсоюзный комитеты легла основная забота по созданию на факультетах народных дружин для патрулирования улиц с целью охраны общественного порядка. Наряду со студентами в этой работе принимали участие и преподаватели, которые назначались командирами отрядов. В дни патрулирования дружина насчитывала от 100 до 150 человек, у которых были специальные удостоверения, повязки и значки. Дежурство продолжалось с 19 до 24 часов.

Агитационно-пропагандистской и воспитательной работой занималось «Общество по распространению политических и научных знаний», позднее получившее название «Общество Знание». В конце 1960-х гг. под руководством «Общества Знания» была открыта Школа молодого лектора (ШМЛ), входившая составной частью в факультет общественных профессий. Она насчитывала 11 секций. В них готовили лекторов международников, атеистов, пропаганды общественных знаний, истории ВЛКСМ, дружбы народов и т.д. Преобладала ярко выраженная идеологическая направленность в их работе. Преподаватели и студенты читали лекции не только в городе, но и выезжали с ними в самые отдаленные районы области. Однако деятельность «Общества» не ограничивалась только лекционной работой. Она способствовала созданию школ юных математиков, физиков, химиков, историков, филологов, в которых занимались свыше 400 старшеклассников. Массовыми были и другие общественные организации: «Общество охраны памятников истории и культуры», «Общество Красный крест», «Общество охраны природы», «Общество любителей книги», ДОСААФ, ОСВОД.

Большое внимание администрация вуза, профессорско-преподавательский состав, партийный и комсомольский комитеты уделяли работе со студентами. Действовало научное студенческое общество (НСО), призванное приобщать студентов к самостоятельной научной работе. Преподаватели руководили научными кружками с учетом своих интересов, студенты проводили исследования, ставили эксперименты, готовили научные отчеты, доклады. Как правило, весной, в конце учебного года, результаты этой работы оглашали на научных студенческих конференциях. Работа в кружках НСО носила массовый характер. Если в начале 1950-х гг., когда это общество было создано, в 15 кружках занималось 78 человек, то к 1970 г. в 60 кружках более 700 студентов приобщались к научной работе.

Руководство вуза, профессорско-преподавательский состав стремились помочь студентам овладеть дополнительными специальностями. С этой целью в декабре 1962 г. организуется факультет общественных профессий (ФОПр). Руководство им осуществлял учебно-методический совет во главе с деканом. Второй и четвертый вторники каждого месяца проходили практикумы по следующим специальностям: библиотекарь-общественник, организатор массово-затейнической работы, руководитель школьных молодежных драматических кружков, инструктор-общественник по физкультуре, руководитель фотокружка и фотокорреспондент, старший пионервожатый, внештатный корреспондент газеты, экскурсовод-краевед, руководитель хореографического кружка и кукольного театра. На условиях почасовой оплаты там работало много известных в Костроме специалистов и перспективных молодых художников, писателей, музыкантов, театральных деятелей и т.д. Например, в конце 1960-х гг. практикум по журналистике вел Игорь Александрович Дедков, известный критик, писатель и публицист, впоследствии долгое время работавший в журналах «Коммунист» и «Свободная мысль». Театральный практикум преподавала будущая Народная актриса РСФСР Людмила Солнцева, выступавшая на сцене Костромского драматического театра.

Педагогический институт тесно сотрудничал с учителями области и города. Лучшие учителя-методисты осуществляли руководство педагогической практикой студентов, давая показательные «открытые уроки», делились своим богатым педагогическим опытом, читая спецкурсы и проводя спецсеминары.

Студенты и преподаватели института добивались больших успехов на спортивном поприще. Они занимали 1-е места на первенстве ДСО «Буревестник», по стрельбе и волейболу на первен-

ство города и были 2-ми среди педвузов страны по легкой атлетике.

Укреплялась и материальная база института. В начале 1960-х гг. ему передается учебное здание, находящееся на ул. 1-го Мая, 14 (корпус «А»), а в 1968 г. сдается в эксплуатацию студенческое общежитие, расположенное ул. Щемиловка, 21 на 850 мест. Это позволило частично снять проблему, как загруженности аудиторий, так и размещения иногородних студентов.

Совершенствовалась работа институтской библиотеки, книжный фонд которой на 1 июля 1970 г. насчитывал около 200 тыс. единиц. За один только год ее посетило более 125 тыс. человек, сотрудники библиотеки провели 32 тематические выставки, 20 устных обзоров литературы. Библиотека пользовалась заслуженной любовью и популярностью у студентов и преподавателей.

Такая насыщенная и плодотворная работа института была отмечена на высоком министерском уровне. В 1966 г. КГПИ перевели во 2-ю категорию вузов страны. В апреле 1969 г. комиссия Министерства просвещения РСФСР, проверявшая институт, сделала следующий вывод: «Общее впечатление о работе института положительное, коллектив вуза правильно понимает стоящие перед ним задачи и в их реализации проявляет высокое чувство ответственности, инициативу и горячую заинтересованность». В 1973 г. решением коллегии Министерства просвещения РСФСР институту присуждается 1-е место и премия как победителю в социалистическом соревновании среди педвузов 2-й категории.

В 1980-е гг. интенсивно растет научный потенциал института. За 1981–1985 гг. было защищено 5 докторских и 30 кандидатских диссертаций. Ведущим направлением научных исследований в этот период стала работа по выполнению двух заданий Минпроса РСФСР и АПН СССР по целевым комплексным программам: «Психолого-педагогическое обеспечение эффективности обучения и воспитания учащихся в ученической производственной бригаде» и «Повышение эффективности учебно-воспитательного процесса в малокомплектной сельской школе».

В 1980–1990-е гг. активно развиваются различные формы внеучебной деятельности, и в первую очередь, художественная самодеятельность вуза. Художественная самодеятельность в Костромском государственном университете богата и имеет глубокие и прочные корни. Она является неотъемлемой и одной из важных составляющих образовательного и воспитательного процесса. Физические умения и навыки студенты получали в спортивных секциях по видам спорта: волейбол, баскетбол, легкая атлетика, штанга, туризм.

Активно развивалась и совершенствовалась научная студенческая работа. Большим представительством студентов были отмечены конференции молодых учёных КГПИ, состоявшиеся в 1990-е гг., по результатам которых опубликованы научные сборники.

Огромная научная, общественно-политическая и воспитательная работа велась не только в вузе, но и на факультетах КГПИ.

В 1990-е гг. в системе педагогического обучения происходят глубокие перемены, связанные со становлением новой человекоцентристской парадигмы образования. Началась перестройка учебно-воспитательного процесса. Благотворным переменам способствовала общая демократизация общества, что отразилось и на деятельности нашего вуза. В 1994 г. он был переведен в новый статус – педагогический университет.

Р.Ю. Мальцев

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СРЕДЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ г. КОСТРОМЫ В ПЕРИОД ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ (1905–1912 гг.)

Активная в деловой жизни империи, но почти бессильная в политической, такова была русская буржуазия в начале XX в. Масса предпринимателей не была однородна, ни по составу, ни по отношению к власти. Можно говорить о территориальном разделение предпринимателей на два лагеря, которые соответствовали промышленным центрам империи. Первым был Петербург, дельцы которого были тесно связанные с военно-промышленным комплексом и соответственно с центральной буржуазией и банками, и были зависимы от государственных заказов. Вторым, Москва центр легкой и пищевой промышленности, которая наиболее пострадала от кризиса 1900–1903 гг. К 1905 г. она стала центром предпринимательской аппозиции[1]. Существовало несколько проблем в отношениях правительства и буржуазии. Камнем преткновения являлась действующая система разрешительного акционерного учредительства, согласно которой устав любой акционерной компании должен был утверждаться в Министерстве финансов. Вплоть до 1917 г. Конфликт с властью вызывала и организация управления торгово-промышленным сектором экономики, сосредоточенная в финансовом ведомстве. И только в 1905 г. В условиях политического кризиса организовано Министерство промышленности и торговли[2].

До первой русской революции потребность в общественном служении предприниматели могли реализовать главным образом на уровне представительских организаций и городских муниципалитетов. Н.А. Найденов, один из богатейших предпринимателей начала XX в., 30 лет с 1877 г. до своей кончины в 1905 г. возглавлял Московский биржевой комитет – ведущую организацию российских предпринимателей пореформенного времени, будучи одновременно гласных Московской Городской думы[3].

События начала 1905 г. ускорили процесс политического самоопределения предпринимательского мира и вызвали острую конфронтацию его консервативного и либерального крыльев. На это оказало влияние разделение предпринимателей на два лагеря, которые соответствовали промышленным центрам империи. Первым был Петербург, дельцы которого были тесно связанные с военно-промышленным комплексом и соответственно с центральной буржуазией и банками. Вторым, Москва центр легкой и пищевой промышленности, которая наиболее пострадала от кризиса 1900–1903 гг. К 1905 г. она стала центром предпринимательской аппозиции[4]. Экономическая связь костромских текстильных предприятий с первопрестольной, сближали губернских предпринимателей с наиболее политически активными слоями отечественных буржуа.

Острое противоборство между «стариками» и представителями нового либерально настроенного предпринимательства разыгралась уже в январе 1905 г. Все началось с обращения гласных московской городской Думы, в составе которой преобладали представители делового мира к власти о допущении мирных стачек протеста против петербургской бойни, однако Московский биржевой комитет дезавуировал его как «не выражающее мнения промышленного сословия». Тем не менее гласные Думы, среди которых было немало известных предпринимателей (С.Т. Морозов, П.П. Рябушинский, Н.И. Гучков и др.) вновь призвали не применять войска против участников стачек протеста против «Кровавого воскресенья». Московские фабриканты решительно отмежевывались от карательной политики царской администрации, склонной любое выступление рабочих рассматривать как бунт.

Лидеры торгово-промышленной Москвы отнюдь не отвергали мирные стачки как форму протеста против устроенной властями бойни. Однако правительство смотрело на проблему совершенно иначе. Усмирение стачечного движения целиком должно было ложиться на плечи владельцев предприятий[5].

Радикализация предпринимательских кругов стала особенно заметна в связи с подготовкой к созыву Государственной думы. Внимание деловых кругов концентрировалось на задаче обеспечения своего «самостоятельного представительства» в будущей Думе. Опубликование в конце июня проекта «Учреждение Государственной

 © Р.Ю. Мальцев, 2006

думы» послужило поводом для созыва 4 июля торгово-промышленного съезда. На нем произошел окончательный разрыв между консерваторами во главе с председателем Московского биржевого комитета Найденовым и «молодыми» (П.П. Рябушинский, А.С. Вишняков, С.И. Четвериков и др.). Их призывы к введению конституционного строя вызвали негативную реакцию у правой части собрания. Под тем предлогом, что съезд уклоняется от намеченной повестки дня (в ней значился только вопрос об участии промышленников в будущей Думе), Найденов покинул собрание, а помещение, где проходил съезд, было опечатано по распоряжению градоначальника. Однако либеральные промышленники продолжили заседания на частной квартире[6].

Таким образом, разногласия в среде предпринимателей помещали создать общероссийскую политическую организацию. К осени 1905 г. возникло несколько региональных партий буржуазии. Ведущими среди них были Прогрессивная экономическая, Умеренно-прогрессивная, Торгово-промышленная, Всероссийский торгово-промышленный союз и Партия правового порядка.

Программы этих организаций были схожи, отличались они деталями. Наиболее крупной была Торгово-промышленная под руководством Г.А. Крестовникова (он заменил умершего в конце 1905 г. Найденова на посту председателя Московского биржевого комитета). Программным документом партии являлось воззвание к избирателям, он был подписан 87 видными деятелями деловой элиты центрального региона (среди которых был и костромич А.И. Коновалов). Идейными принципами партии, аналогичными программным требованиям октябризма, являлись: полное содействие правительству в проведении в жизнь новых начал, возвещенных манифестом 17 октября, и в ограждении «закономерного правопорядка», сохранении целостности России, предотвращении ее автономизации («мы не признаем возможности давать окраинам особые, опасные для целости России, права»). Кроме того, партия выступала за протекционизм в промышленной сфере; «увеличение крестьянского землевладения в тех случаях, где это является необходимым, при содействии реорганизованного Крестьянского банка»; за «установление условий труда, быта и рабочих организаций в соответствии с результатами, достигнутыми в более развитых промышленных странах»[7].

Процесс создания партий предпринимателей бурно шедший в течении 1905 г. закончился полным крахом. В 1906–1907 гг. многочисленные мелкие партии промышленников исчезают с политической арены. Не возможность привлечь на свою сторону избирателей, отсутствие мощной партии, прагматизм предвыборных программ[8] стали камнем преткновения на пути к политической власти. Они «были как бы генеральными штабами без армий, они умирали от неизлечимого равнодушия избирателей»[9].

После провала попытки создания собственной партии, предприниматели должны были определиться в политических предпочтениях. В сложившихся условиях в Москве крупная буржуазия тяготела к октябристам, мелкая к черносотенцам., а средняя делила симпатии между теми и другими и (в значительно меньшей степени) кадетами[10]. В Костроме ситуация была сходной. Из 15 членов бюро «Костромского отдела «Союза 17-го октября» пятеро значились в письме направленного в ЦК партии как промышленники и фабриканты[11]. Предвыборные баталии шли по всем возможным фронтам. Самым доступным источником по их ходу является периодическая печать. В исследовании политических предпочтений предпринимателей в Костроме наиболее интересен «Поволжский вестник» (далее ПВ), во главе с «редактором-издателем» И.В. Брюхановым. Он фактически являлся печатным органом костромских деловых кругов. Газета фигурировала среди изданий получаемых «Союзом 17-го октября»[12].

1907 г. был последним годом первой русской революции. Накал страстей связанный с роспуском первой Думы выборами во вторую снова роспуск, сменился почти безразличием к политической жизни в конце года. В «Поволжском вестнике» эти тенденции можно проследить на примере предвыборной борьбы. Большое количество статей в январе–феврале, резкая критика политических оппонентов – кадетов, и затишье в августе–сентябре.

Предвыборные статьи, освещение дел в Думе в ПВ как газете предпринимателей позволяют нам оценить политические приоритеты этой общественной группы. Понять что для них «старый наш строй уже не может вывести Россию на светлый прогрессивный путь и как бы не силилась реакция повернуть колесо истории назад, принципы вложенные в Манифест 17 октября – законодательная Дума и дарование населению политических прав войдут в жизнь»[13].

Нужно отметить, что ПВ в ходе обеих кампаний 1907 г. критиковал кадетскую партию, нападки на последнею были достаточно остры. «Кадеты врут… Это азбучная истина. Врут «на обе стороны». Врут на три стороны. Врут на все четыре, соображаясь с четырьмя главными сторонами света»[14]. В тоже время в газете агитация октябристов мирно соседствовала с монархическими воззваниями. «Союз русских людей», например, предлагал подавать голоса за пятерых своих кандидатов, двое из которых были торговцами, а один лесопромышленник[15].

Декларирование в каждом номере идей октябристов говорит о явном выборе этой партии деловыми людьми Костромы. Эта тенденция сохранялась на протяжении выборов в первые думы. На проводах выбранных в члены Государственной Думы третьего созыва октябристов В.С. Соколова и Г.Н. Плотникова, В.А. Шевалдышев (видный костромской промышленник) «охарактеризовал настоявшее политическое положение, сравнив его с отрезвлением как бы после продолжительного опьянения. Все будет хорошо и светло, если между нами и нашими избранниками будет полное единение при условии разумной работы»[16].

Тем не менее, под влиянием революционной волны 1905 г. российские предприниматели стали искоть возможность самовыражения в в многочисленных экономических (съезды промышленников и торговцев) и политических организациях. Был накоплен определенный опыт их взаимодействия, опробованы тактика коалиций и участия в парламентской борьбе. Представление об этих собраниях дает Съезд фабрикантов и заводчиков состоявшийся летом 1906 г. и открытый председателем комиссии по рабочему вопросу при московском биржевом обществе С.И. Четвериковым. Главнейшей задачей, декларированной на нем, «является организация союза … для планомерной работы в смысле противодействия стихийному забастовочному движению». Произносилась мысль о возможности организаций рабочих в союзы. «С организованными рабочими гораздо удобнее устанавливать соглашение по всем спорным вопросам. Рабочий и фабрикант являются противниками, между которыми возможно, однако соглашение»[17].

Наиболее ярко позиция предпринимателей-политиков представителей нового типа деятелей, проникнутых идеями европейского либерализма, была выражена в лице самого известного, выходца из костромских промышленников депутата IV Думы, министра временного правительства – А.И. Коновалова.

Личность и деятельность этого человека была многогранна. Александр Иванович был одним из инициаторов Костромского Комитета торговли и мануфактур, председателем которого состоял с 1905–1908 г.

Многие исследователи рассматривали те или иные аспекты его жизни[18]. На наш взгляд в интересен отзыв о нем костромского губернатора, адресованный министру внутренних дел А.А. Макарову. Наряд датированный октябрем 1912 г., содержит сведения обо всех депутатах костромичах избранных в IV Думу. Особенное внимание уделялось А.И. Коновалову, это были биографические сведения, оценка фабрик, а также интересные комментарии о характере: «Весьма богатый (в десятки миллионов) фабрикант новой формации, считает себя правее кадетов, но противник правительствующей политики, оратор не лишенный таланта. Выдвинулся в частности громадными филантропическими пожертвованиями. К властям приличен, но по недостатку воспитанности, допускает иногда большие промашки в т. сказать светском отношении; поскольку грубоват. На меня впечатление умного человека не произвел»[19].

Позиция, официального лица, интересна в свете дальнейшей судьбы этого человека, фактически ставшего одним из руководителей наряду с П.П. Рябушинским группы «молодых» промышленников. Которые разработали оригинальную модель национального развития России, в русле конституциально-правового государства[20]. Эта модель стала результатом эволюции политических взглядов буржуазии, которая началась с попытки создания собственных партий, примыкания к Октябристам и закончилась появлением на политической арене партии прогрессистов, возникнувшей накануне Первой мировой войны под непосредственной поддержке либеральных предпринимателей.

Примечания

[1] Партии российских промышленников и предпринимателей: Документы и материалы. 1905–1906 гг. // Сост. В.Ю. Корнишин. – М: РОССПЭН, 2004. С. 6.

[2] История предпринимательства в России // Книга 2. Вторая половина XIX – начало XX века. – М.: Российская политическая энциклопедия

(РОСПЭН), 1999. – С. 230.

[3] Там же. – С. 232.

[4] Партии российских промышленников и предпринимателей. – С. 9.

[5] Первая революция в Росси взгляд через столетие. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – С. 562.

[6] Там же. – С. 563.

[7] Там же. – С. 568.

[8] См. напр. программу Торгово-промышленной партии. Партии российских промышленников и предпринимателей. – С. 134–145.

[9] *Берлин П.А.* Русская буржуазия в старое и новое время. – М.: Книга, 1922. – С. 243.

[10] *Селезнев Ф. А.* Политические предпочтения буржуазии Москвы и Нижнего Новгорода в 1906–1907 годах // Отечественная история. – 2006. – №1. – С. 47.

[11] Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 115, оп. 1, д. 100, л. 7.

[12] ГАРФ, ф. 115, оп. 1, д. 14, л. 18.

[13] Поволжский Вестник. – 1907. – 18 августа.

[14] Поволжский Вестник – 1907. – 16 января.

[15] Поволжский Вестник. – 1907. – 23 января.

[16] Поволжский Вестник . – 1907. – 27 октября.

[17] Поволжский Вестник. – 1906. – 2 июля.

[18] См. напр. *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. – М., 2002. – 440 с.

[19] Государственный Архив Костромской Области, ф. 198, оп. 1, д. 39, л. 22.

[20] Петров Ю.А. С. Московская буржуазия. . .– С. 336.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА

Ю.Н. Дулин

ФОРМИРОВАНИЕ КОНТЕКСТА В СОДЕРЖАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ МЕНЕДЖЕРОВ

Преамбула. *Статья посвящена проблеме формирования контекста активным методам обучения применяемым в профессиональной подготовке менеджеров при становлении профессиональной компетентности.*

Профессиональная подготовка компетентных и профессиональных менеджеров основанная на компетентностном подходе предполагает становление профессиональной компетентности, в том числе и путём решения в учебных условиях профессиональных проблем и ситуаций. В педагогике имеется огромный опыт такой учебной работы, но остались вопросы «Следовательно, учебный план должен быть составлен таким образом, чтобы наряду с учебной работой учебный процесс предполагал бы и практические действия учащихся. В каких формах это возможно? Ответ на этот вопрос требует специального исследования» [1]. Кроме того, для становления профессиональной компетентности путём решения практических ситуаций, профессиональная подготовка менеджеров должна строиться таким образом, чтобы обучающийся осваивая содержание обучения и решая профессиональные проблемы, ситуации находился в активной позиции и принимал управленческие решения. В случае принятия ошибочного решения, мог бы исправить его или вынести для себя урок на будущее без прямых последствий для себя.

Формой обучения решению практических ситуаций и проблем в учебных условиях, является моделирование реальных ситуаций в форме практик – кейсов, деловых игр, курсовых работ, дипломного проектирования. Наибольшей популярностью решения практических проблем в профессиональной подготовке менеджеров является кейс-метод (Case study) – практические занятия в форме анализа ситуаций и игровых ситуаций (деловые игры). Как отмечается в работе А.П. Панфиловой «Под деловой игрой понимается модель взаимодействия людей в процессе достижения целей экономического, политического или престижного характера. Деловая игра – это форма деятельности людей, имитирующая те или иные практические ситуации, одно из средств активизации учебного процесса в системе образования» [2]. При проведении учебного занятия обучающимся предлагают выработать модель практического действия по решению реальной ситуации (проблемы) встречающуюся в управлении организацией (бизнесом), описание которой одновременно отражает не только какую-либо практическую ситуацию, но и актуализирует определенный комплекс знаний, который необходимо усвоить при разрешении данной ситуации. «В зависимости от целевой направленности деловые игры могут различаться по видам: производственные, исследовательские, квалификационные или аттестационные, дидактические (учебные)» [2].

Проведённый нами анализ содержания различных кейсов, деловых игр предлагаемых учебной литературой в течении последних лет для использования в обучении менеджменту, показывает, что их содержание, в основном носит объяснительно – иллюстративный характер. Например, методическое пособие «Сборник ситуационных задач, деловых и психологических игр, тестов, контрольных заданий по курсу «Менеджмент» [3] содержит задания, тесты по трём темам: «Менеджер как личность», «Оценка способностей», «Активный контроль качества менеджера». В рамках данных тем все деловые игры, тесты направлены на распознание самим обучаемым присутствие или отсутствие в себе таких качеств как – способность к риску, деловую хватку, лидерство, уверенность в себе, конфликтность, подверженность стрессу и т. п. Учебное пособие А.П. Панфиловой «Игротехнический менеджмент» содержит кроме методик разработки деловых игр, примеры ролевых и деловых игр, управленческих тренингов по темам: «Методы активизации учебного процесса», «Эвристические технологии гене-

© Ю.Н. Дулин, 2006

рирования идей», «Тренинг для обучения и организационного развития». В рамках приведённых тем приводятся различные формы активного обучения, например тесты «Ваш стиль управления» и другие, тренинг лидерства «Учителя и ученики» и другие, ситуационно-деловая игра «Конфликт», деловая игра «Аттестация» и другие деловые игры. В данном учебном пособии хорошо разработаны методики проведения деловых игр, которые предусматривают процедуры и правила проведения игры, состав учебных групп и т.д. Недостатком разработанных деловых игр, тренингов помимо объяснительно-иллюстративно характера, является само содержание игры, которое оторвано от изучаемой учебной дисциплины (содержание деловой игры не связано с содержанием учебной дисциплины) и оторвано от реальной практики. В книге «Основы менеджмента. Полное руководство по кейс – технологиям» [4] кейсы представляют иллюстрации к некоторым учебным дисциплинам: «Этика управления», «Основы менеджмента», «Психология менеджмента», «Управление персоналом», «Деловая коммуникация в профессиональной деятельности менеджера». Содержание, например, ситуационного упражнения по постановке целей «показать, что означает термин «цель»; проиллюстрировать подходы к формулировке целей». Содержание ситуационного упражнения по планированию карьеры определяется как «проверить, что именно каждый из нас считает важным в своей карьере; проиллюстрировать трудности в планировании карьеры». При этом такое упражнение предлагается для студентов, которые ещё не одного дня не работали на управленческой должности и не имели возможности какие либо практические действия к карьерному продвижению. Учебник для вузов «Кейз-стади в подготовке экономистов и менеджеров». Учебник для вузов, рекомендовано УМО, 2005 г. В данном учебнике темы кейз-стади представляют учебные дисциплины, фрагменты учебных дисциплин: «Экономика», «Экономика труда, социальная политика, демография», «Менеджмент и маркетинг», «Управление персоналом, стратегия и тактика управления персоналом, кадровая политика», «Поведение в организации», «Набор, отбор, развитие, оценка, увольнение персонала», «Вознаграждение персонала», «Корпоративная культура», в самом произвольном порядке. Содержание представленных кейз-стади описывает какую-либо проблему и её решение, решение самого кейза состоит в ответе на задаваемые вопросы и располагается в конце кейза. Используемые в обучении на практических занятиях по менеджменту различные кейс-методы, игровые и ролевые игры, тренинги чаще всего носят не просто объяснительно-иллюстративный характер, но и не являются продолжением содержания учебной дисциплины, не позволяют выстроить путь освоения содержания обучения, обучающимся нет необходимости занимать активную позицию и принимать управленческие решения, в большинстве случаев совершенно не приводится контекст решаемой ситуации. В настоящее время пришло понимание ограниченности обучения по кейс методу как «натаскивание» на решение конкретных ситуаций, повторение которых в чистом виде встречается достаточно редко. Как отмечает Г.А. Бордовский «От университетской системы необходимо взять главное – подготовку специалистов, которые способны строить свою профессиональную деятельность на базе высокого фундаментального образования, а не на базе владения конкретными технологиями, разрешения ситуаций. Специалист должен быть способен сам создавать конкретные технологии работы и быстро осваивать другие технологии» [5].

В качестве педагогического средства позволяющего устранить абстрактный и иллюстративный характер используемых кейсов, ситуаций, деловых игр, оторванность от изучаемого содержания профессиональной подготовки и отсутствие контекста, нами предлагается методология контекстного обучения. Контекстное обучение, потому, что в качестве источника формирования содержания образования, выступает «будущая профессиональная деятельность представленная в виде модели деятельности специалиста: описания системы его основных профессиональных функций, проблем и задач. Обучение, в котором динамически моделируются предметное и социальное содержание профессионального труда, тем самым обеспечиваются условия трансформации учебной деятельности студента в профессиональную деятельность специалиста» [6]. В контекстном обучении единицей содержания является не заданный объём информации, учебная задача, а проблемная ситуация (проблема) в определённом контексте. «Содержанием контекстного обучения выступает не только предметная сторона будущей профессиональной деятельности, задан-

ная с помощью системы учебных задач, моделей и ситуаций, но и её социальная сторона, воспроизводимая различными формами совместной деятельности и общения. Студент усваивает предметное содержание обучения (знания, умения, навыки, опыт профессиональной деятельности) и, занимая определённую позицию в системе взаимодействия участников образовательного процесса, следуя принятым нормам социальных отношений и действий в той мере, в какой он здесь активен и воспитывается как личность» [6]. Педагогическая технология контекстного обучения предполагает, что «Овладение профессией осуществляется в контекстном обучении как процесс динамического движения деятельности студента от учебной деятельности академического типа (модели) через квазипрофессиональную и учебно-профессиональной деятельности к собственно профессиональной деятельности с помощью трёх взаимосвязанных обучающих моделей: семиотической, имитационной и социальной» [6]. Обучение менеджеров формируемое в русле контекстного обучения позволяет разрешить одно из главных противоречий профессионального образования. «Содержанием предметной адаптации становится формирование профессионального мышления специалиста, а социальной – вхождение в коллектив производственников, овладение умением социального взаимодействия и общения, совместного принятия и реализации решений» [6]. Осуществляя профессиональную деятельность менеджер сталкивается с проблемными ситуациями. Осмысление проблемной ситуации проходит в контексте – как системы внутренних и внешних условий жизни и деятельности человека. Благодаря контексту специалист знает, что ему следует ожидать от профессиональной проблемы или ситуации.

Для становления профессиональной компетентности менеджера посредством решения проблем и ситуаций необходимо определить, что должно служить в качестве контекста решения профессиональных проблем, ситуаций. Для решения этой задачи выдвигаем гипотезу согласно которой контекстом учебных действий, проблемных ситуаций должна является организация как место будущей работы менеджера, поскольку обучаемые готовятся применять, формировать, осваивать предметно-технологические, социальные компетентности именно в организации. Саму организацию необходимо представлять как сложную систему, имеющую признаки – целенаправленного поведения в достижении сразу нескольких целей; формальности создания; открытости, стохастичности, способности к саморазвитию; характеризующуюся наличием процессов – экономических, трудовых, социальных, культурных и других процессов и формирующую контекст внешних и внутренних условий проявления профессиональных компетентностей. Согласно представленной гипотезы необходимо:

– изначально проводить обучение менеджеров на модели организации представляющую современную сложную социо-техническую систему с ситуациями и действиями и определяющей контекст будущей профессиональной деятельности обучаемого;

– использовать активные методы обучения (кейсы, деловые и ролевые игры, тренинги и другие практические учебные действия) при освоении содержания становления компетентностей каждого учебного модуля, исходя из контекста проблем и ситуаций, как если бы обучающийся находился внутри самой организации;

– активные методы обучения (кейсы, деловые и ролевые игры, тренинги и другие практические учебные действия) включать в освоение содержания учебных дисциплин входящих в каждый учебный модуль, исходя из контекста проблем и ситуаций становления установленных профессиональных компетентностей.

На рисунке представлена схема педагогической модели контекста решения профессиональных ситуаций, проблем, овладения социальными компетентностями и которая должна дополнять содержание обучающих модулей, учебных дисциплин, курсовых работ и выпускных квалификационных работ в профессиональной подготовке менеджеров. Согласно представленной схеме, педагогическая модель использует ранее разработанную модель востребованных профессиональных компетентностей менеджера [7]. Это специальные компетентности менеджера представляющие сферу профессиональной деятельности менеджера, включающие в себя ключевые и базисные компетентности и которые сгруппированы в отдельные учебные модули по профессиональным полям деятельности: «Управленческие должности, карьера менеджера», «Профессия и квалификация менеджера», «Роли менеджера», «Профессионализация личности менеджера, конкурентоспособность», «Основные (ин-

Рис. Педагогическая модель контекста решаемых профессиональных ситуаций, проблем при становления профессиональных компетентностей в профессиональной подготовке менеджеров.

струментальные) компетентности». Контекстом решаемых профессиональных ситуаций, проблем для использования в тестах, деловых играх и тренингах предлагается модель организации как современной сложной и функционирующей в рыночных условиях с экономическими, трудовыми и социальными процессами, где предстоит работать в будущем менеджеру, которая является источником контекста возникающих профессиональных проблем и ситуаций. Данная педагогическая модель призвана обеспечить формирование у обучаемого становление профессиональных компетентностей путём решения профессиональных проблем и ситуаций в условиях целостности и взаимозависимости экономических, трудовых и социальных процессах в организации, а также устранить описательный и абстрактный характер используемых методов активного обучения. В соответствии с данной педагогической моделью контекст решения профессиональных проблем, ситуаций используемый активными методами обучения подбирается отдельно для каждого учебного модуля и каждой учебной дисциплины входящей в состав учебного модуля. Именно компетентности обучающего модуля совместно с контекстом решения профессиональных ситуаций определяет форму (вид) активного обучения – практического или исследовательского кейса, социальной обучающей модели (модели социального взаимодействия), деловой обучающей игры (имитационно-игровой модели) и содержание квазипрофессиональной и учебно-профессиональной деятельности. Обучаемый, осваивая решение профессиональных проблем, ситуаций в контексте – условиях экономических, трудовых, социальных и других процессов в организации вовлекается в активную позицию и через квазипрофессиональную и учебно-профессиональную деятельность происходит становление профессиональной компетентности. В соответствии с предложенной педагогической моделью, контекст решаемых ситуаций и проблем, квазипрофессиональной и учебно-профессиональной деятельности, для учебных модулей выглядит следующим образом, например:

Учебный модуль «Профессия и квалификация менеджера». Контекст модуля – профессиональные проблемы и ситуации в динамическом и социальном содержании профессии и квалификации менеджера в современных организациях. Квазипрофессиональная деятельность включает в себя наличие в учебных программах профессиональной подготовки деловых обучающих игр (имитационно–игровых моделей) создающих различные ситуации при выборе обучающимся различных образовательных программ профессиональной подготовки, образовательных маршрутов получения квалификации менеджера и предлагаемые

обучающимся для принятия решений. Учебно-профессиональная деятельность включает в себя задание на учебно-ознакомительную практику по ознакомлению с работой менеджеров различной квалификации в организации.

Учебный модуль «Управленческие должности, карьера менеджера». Контекст модуля – организационные структуры управления организацией и профессиональные проблемы, ситуации исполнения должностных обязанностей на разных управленческих должностях в соответствии с горизонтальным и вертикальным разделением управленческого труда. Профессиональные проблемы и ситуации реализации карьеры менеджеров. Квазипрофессиональная деятельность включает в себя наличие в учебных программах профессиональной подготовки социально – обучающих моделей имитирующих различные ситуации, возникающие при исполнении профессиональных обязанностей, при реализации профессиональной карьеры менеджера и которые предлагаются обучающимся для решения. Учебно-профессиональная деятельность включает в себя задания на производственную и преддипломную практику предусматривающую знакомство с работой менеджеров на различных управленческих должностях, реализацией профессиональной карьеры менеджеров.

Учебный модуль «Роли менеджера». Контекст модуля – профессиональные проблемы и ситуации связанные с исполнением ролей менеджера в организации. Квазипрофессиональная деятельность включает в себя наличие в учебных программах профессиональной подготовки комплекса обучающих кейсов и социальных обучающих моделей имитирующих различные ситуации возникающие при исполнении менеджерами различных профессиональных ролей и которые предлагаются обучающимся для решения. Учебно-профессиональная деятельность включает в себя задания на производственную практику предусматривающую знакомство с исполнением профессиональных ролей менеджерами в организации.

В итоге: профессиональная подготовка компетентных менеджеров должна предусматривать обучение способности принятия решений профессиональных ситуаций и проблем, принятию определённой позиции при принятии решений. В большинстве своём, применяемые активные формы обучения решению практических ситуаций и проблем – кейсы, деловые игры и другие носят иллюстративный и абстрактный характер.

Для становления профессиональной компетентности менеджера посредством обучения решению проблем и ситуаций, в качестве педагогического средства предложено использовать методологию контекстного обучения.

Сформирована педагогическая модель контекста решаемых профессиональных проблем, ситуаций для использования в квазипрофессиональной и учебно-профессиональной деятельности освоения содержания и становления профессиональных компетентностей в профессиональной подготовке менеджеров. Педагогическая модель включает в себя разработанную модель профессиональной деятельности менеджера, где востребованные профессиональные компетентности менеджера сгруппированы в отдельные учебные модули по профессиональным полям деятельности и где в качестве контекста используется модель организации как современной, сложной и действующей в рыночных условиях с экономическими, трудовыми и социальными процессами и где предстоит работать менеджерам.

Согласно представленной педагогической модели, необходимо:

Изначально проводить обучение менеджеров на модели организации представляющую современную сложную действующей в рыночных условиях с экономическими, трудовыми и социальными процессами где предстоит работать менеджерам как контекст будущей профессиональной деятельности.

Квазипрофессиональная и учебно-профессиональная деятельность (активные методы обучения – кейсы, деловые и ролевые игры, тренинги и другие практические учебные действия) должны жёстко исходить из контекста проблем и ситуаций:

– как если бы обучающийся находился внутри самой организации;

– становления тех профессиональных компетентностей, которые установлены в каждом учебном модуле.

Именно обучающий модуль становления профессиональных компетентностей совместно с контекстом решения профессиональных ситуаций определяет форму (вид) активного обучения – практического или исследовательского кейса, социальной обучающей модели (модели социального взаимодействия), деловой обучающей игры (имитационно-игровой модели).

Обучаемый, осваивая решение профессиональных проблем, ситуаций одной из форм активного обучения в контексте современной сложной организации вовлекается в активную позицию, при этом обеспечивая освоение содержание профессиональной подготовки и становление профессиональной компетентности, профессионального мышления менеджера и профессионализацию личности, преобразование обучаемого в профессионального и конкурентоспособного менеджера.

Библиографический список

1. Компетентностный подход в педагогическом образовании / Под ред. В.А. Козырева, Н.Ф. Радионовой, А.П. Тряпицыной. – СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2005.

2. *Панфилова А.П.* Игротехнический менеджмент. – М.: ЗНАНИЕ, 2003.

3. Сборник ситуационных задач, деловых и психологических игр, тестов по курсу «Менеджмент». – М.: Финансы и статистика, 1999.

4. Основы менеджмента. Полное руководство по кейс-технологиям». – СПб.: ПИТЕР, 2004.

5. *Бордовский Г.А.* Педагогические вести. – 2004.

6. *Бцкий А.А.* Компетентностный подход и теория контекстного обучения. – М:. Исследовательский центр, 2004.

7. *Дулин Ю.Н.* Подготовка менеджера. Менеджмент 21 века: проблемы качества. Материалы 4 международной научно-практической, конференции, 15–16 апреля 2004. – СПб.: Книжный дом, 2004.

Е.В. Колесов

ПРАКТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ НА ОСНОВЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ АНАЛИЗА ЭКОНОМИКИ

Будем исходить из того, что целью подготовки специалистов в вузе является реальное получение знаний и приобретение навыков их использования в конкретных практических ситуациях для принятия правильных решений в экономической сфере деятельности. Как уже отмечалось в работе [1], специалист высшей квалификации должен не только знать о существовании каких-либо методов анализа экономических систем, но и уметь использовать их, а на основе полученных количественных оценок делать правильные выводы о состоянии объекта. Например – о финансовой прочности, устойчивости, ликвидности, стабильности, положительной динамике развития или – о соответствующих негативных процессах, которые имеют место в конкретной ситуации, на конкретном предприятии. Результаты анализа должны служить основой конструктивных предложений по корректировке планов и других управленческих решений: назначению сроков, определению объемов инвестиций и т.д.

Ориентация на поиск готовых рекомендаций от консультантов, нанимаемых со стороны, не может превалировать, так как даже в этом случае грамотная формулировка задачи может исходить только от заказчика. Наличие таких тенденций на поиск готовых ответов в мировых информационных ресурсах уже отмечалась в [2] как негативная и не способствующая развитию творческой активности и познанию сущности явлений.

В связи с вышесказанным, нами в курсах ЭММ и «Информационные технологии» предлагаются конкретные практические работы, реализуемые частично на занятиях, частично – в курсовых проектах. Тематика работ в основном близка специальностям: «Менеджмент», «Финансы и кредит», а также «Математические методы в экономике». В работах рассматриваются задачи управления материальными и финансовыми потоками, а также управление активами и пассивами с целью обеспечения финансовой прочности, устойчивости и т.д. Очевидно, что тематика работ пересекается с дисциплинами «Логистика», «Финансовый менеджмент», «Анализ финансовой и хозяйственной деятельности» и другими, в которых математические модели и методы упоминаются и рассматриваются обзорно и кратко. Опыт практической работы показал, что комплексное использование групп экономико-математических моделей с количественными оценками на всех стадиях обработки информации приобретает конкретный практический смысл и вызывает реальный интерес у студентов, заинтересованных в получении знаний.

Так решение задач управления материальными потоками, созданием и расходованием запа-

© Е.В. Колесов, 2006

сов охватывает несколько звеньев логистической цепи и включает ряд этапов оптимизации (выявления спроса, выбора оптимальных маршрутов, назначение конкретных марок автомобилей в соответствии с их эффективностью, определение стратегий создания запасов с различной интенсивностью и т.д.). При этом в полном смысле слова можно моделировать различные варианты ситуаций и получать конкретные количественные значения параметров оптимизации (размер заказа, интенсивность создания запаса, точка заказа, резервный запас, гарантирующий бездефицитность и т.д.), а также значения целевой функции издержек и потерь.

Другая работа посвящена управлению инвестициями и включает модель в виде сетевого графика, имеющего альтернативные режимы выполнения операций. Это позволяет наглядно представить возможные варианты проектов в виде совокупности календарных планов различной интенсивности, которым соответствуют различные издержки. На втором этапе студенты обобщают опыт предыдущего и с помощью несложной целевой функции выбирают оптимальный вариант кредитования инвестиционного проекта, выплаты по которому с учетом простых или сложных процентов будет минимальной. Таким образом, моделируется ситуация, которая имеет конкретный смысл. Реализовать алгоритм любой сложности, содержащий несколько десятков операций комплекса работ, вполне позволяет ТП Excel.

Нами проводятся работы по моделированию практических ситуаций, в которых требуется учитывать вероятностный характер параметров, что вполне позволяют современные программные средства Excel и MathCAD. Некоторый положительный опыт накоплен в ходе курсового проектирования в прошлом учебном году. Имитационное моделирование использовалось и в курсе «Информационных технологий…» на практических занятиях. В одной из работ по управлению запасами требуется имитировать процесс сбора данных о спросе на товар и проверять статистическую гипотезу о соответствии конкретному закону распределения, который адекватен данной ситуации и будет учитываться в дальнейшем расчете. При этом студенты убеждаются в практической значимости статистических методов, и не воспринимают статистику как некую теорию.

Другим направлением является моделирование динамических процессов, которые описываются дифференциальными уравнениями перового и второго порядка в различных вариантах постановки задач (с учетом и без учета спроса на товар, с учетом и без учета запаздывания поставок и т.д.). Проверка этих моделей проведена в курсовых работах некоторых студентов в прошлом году. Более подробная информация об этих и других направлениях исследований будет по возможности опубликована в ближайшее время.

В заключение следует отметить, что именно практическая направленность и навыки постановки и решения конкретных задач анализа экономических процессов являются основой конкурентоспособности специалистов высшей школы по сравнению с их соперниками, уже имеющими конкретное служебное положение, владеющими в совершенстве лишь рутинными (хорошо знакомыми) операциями на своем участке работы.

Остается пожелать, что овладение методами и средствами современного анализа экономических систем, наличие навыков широкого охвата ситуаций и возможностей универсального восприятия процессов, включая их математическое моделирование, позволят поднять общий уровень и качество управления экономикой в нашей стране.

Библиографический список

1. *Колесов Е.В.* Математические методы – база для оценки квалификации современных специалистов // Будущее создают профессионалы?! Сб. науч. трудов преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов института экономики / Отв.ред. В.В. Чекмарев. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2006. – С. 65–70.

2. *Колесов Е.В.* Необходимость и возможность учета влияния информационных технологий при подготовке специалистов в вузах // Вестник КГУ. – 2005. – С. 109–112.

В.С. Секованов, С.Б. Козырев

ПРЕОДОЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ МЫШЛЕНИЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ПОНЯТИЯ ФРАКТАЛЬНАЯ РАЗМЕРНОСТЬ МНОЖЕСТВА

Преамбула. *В данной статье анализируются понятия «обобщение», «стереотип». Рассматриваются различные типы размерностей множеств и устанавливаются связи между ними.*

В школьном и вузовском курсе математики мы привыкли к понятиям «линейная размерность», «размерность Евклида», которые выражаются целыми числами. Сказать, что размерность может быть числом дробным, это значит очень сильно удивить и школьника, и студента, а порой и преподавателя. Алгебраическая размерность в математике общеизвестна. У многих математиков понятие «размерность» прочно ассоциируется с количеством координат в евклидовом пространстве, в этом смысле оно стереотипно.

Однако идеи фрактальной геометрии позволили подойти к понятию размерность «с другой стороны», что привело к понятию «дробная размерность», которая оказалась обусловленной потребностями как естественных, так и гуманитарных наук. Взять, к примеру, кривую Коха, и гладкую кривую, скажем, синусоиду. Обе эти кривые с топологической точки зрения не различимы и поэтому имеют одинаковую топологическую размерность, равную единице. Однако их метрические свойства различаются кардинально. Длина любого кусочка кривой Коха бесконечна, а длина любого кусочка синусоиды положительна. Поэтому необходим альтернативный критерий, различающий свойства этих кривых. В попытках найти такие альтернативные критерии был создан ряд более общих представлений о размерности и прежде всего понятий размерности Минковского и размерности Хаусдорфа-Безиковича.

Данные размерности могут принимать как целые, так и дробные значения.

В 1975 году Бенуа Мандельброт удивил научный мир [2]. Оказалось, что такие множества, как, например, кривая Коха, множество Кантора, ковры Серпинского, пыль Серпинского и многие другие, ранее считавшиеся «монстрами», «исключительными множествами» и изучавшиеся изолированно друг от друга, имеют между собой общее свойство. И свойство это заключается в том, что их размерность Хаусдорфа-Безиковича является дробным числом. Поэтому множества, имеющие дробную размерность, были объединены Бенуа Мандельбротом в единое понятие фрактал. Характеризующую их дробную размерность он назвал фрактальной размерностью.

Во фрактальной геометрии большое значение имеют четыре типа размерности: размерность самоподобия, размерность Хаусдорфа, размерность Минковского, топологическая размерность. Размерность Хаусдорфа и размерность Минковского, вообще говоря, различаются, но для основных классических фракталов совпадают.

Преодоление стереотипов, связанных с понятием «размерность множества», осуществим с помощью мыслительной операции «обобщение». Остановимся на этом понятии подробнее.

Мыслительная операция обобщение имеет огромное значение как для профессионального математика, так и для студента.

Обобщение, выраженное формулой, позволяет решать серию однородных задач. Известные науке законы, принципы, правила – все это обобщения; понятия – тоже обобщения [4].

По мнению Д. Пойа: «Обобщение есть переход от рассмотрения данного множества предметов к рассмотрению большего множества, содержащего данное. Например, мы обобщаем, когда переходим от рассмотрения треугольников к рассмотрению многоугольников с произвольным числом сторон. Мы обобщаем также, когда переходим от изучения тригонометрических функций острого угла к изучению тригонометрических функций произвольного угла» [3, с. 31].

Обобщение означает переход знаний на более высокий уровень на основе установления для данных объектов общих свойств или общих отношений [6, с. 60].

Всякое действенное обобщение в сфере числовой и знаковой символики может рассматриваться по крайней мере с двух сторон – надо уметь увидеть сходную ситуацию (где применить) и надо владеть обобщенным типом решения, обобщенной схемой доказательства, рассуждения (что применить) [1, с. 260].

© В.С. Секованов, С.Б. Козырев, 2006

Рис. 1.

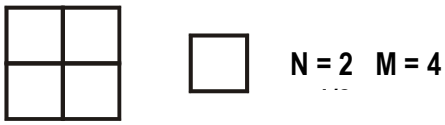

Рис. 2.

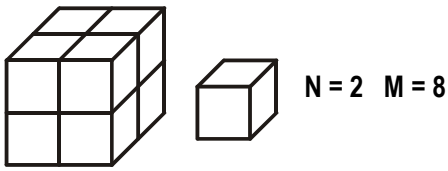

Рис. 3.

Способность ученика к обобщению математического материала рассматриваются в двух планах:

1) способность увидеть в частном, конкретном уже известное ему общее (подведение частного случая под известное общее понятие);

2) способность увидеть в единичном, частном пока еще неизвестное общее (вывести общее из частных случаев, образовать понятие). Одно дело – увидеть возможность применения к данному частному случаю уже известной ученику формулы, другое – на основании частных случаев вывести формулу, еще неизвестную ученику [1, с. 260–261].

По мнению Крутецкого [1, с. 288–289] способные к математике ученики обладают рядом отличий от других учеников:

1) они осуществляют обобщение математических объектов, отношений, действий «с места» на основании анализа лишь одного явления в ряду сходных явлений. Каждая конкретная задача осознается ими как представитель некоторого класса однотипных задач и решается в общей форме, т.е. вырабатывается общий способ (алгоритм) решения задач данного типа;

2) обобщают материал не только быстро, но и широко, легко находят существенное и общее в частном, скрытую общность в, казалось бы, различных математических выражениях и задачах;

3) способные к математике ученики обобщают и методы решения, принципы подхода к решению задач, поэтому способность к обобщению сказывается и на эффективности решения нетиповых, нестандартных математических задач.

В качестве обобщения часто используется метод индукции, являющийся важным методом доказательства различных утверждений.

Преодоление стереотипов мышления, формирование мыслительной операции «обобщение» происходит только в деятельности, к рассмотрению которой мы и переходим.

К понятию фрактал мы постепенно подойдем, проводя поэтапные обобщения.

Первый этап. Возьмем отрезок определенной длины и уменьшим его в N раз (всюду в данной работе N подразумевается натуральным числом). Полученный отрезок будет уменьшенной копией со своего оригинала. Взяв ровно M таких копий, можно составить из них исходный отрезок, то есть покрыть его копиями полностью, допуская их пересечение лишь в граничных точках (рис. 1). Понятно, что в данном случае $M = N$. Множества, которые можно составить из нескольких своих копий, уменьшенных в одинаковое число раз, называются самоподобными множествами. Таким образом, отрезок является самоподобным множеством.

Рассмотрим теперь квадрат. Возьмем его копии с уменьшением линейных размеров в N раз. Из них тоже можно составить исходный квадрат, но для этого потребуется уже $M = N^2$ копий. Снова копии покрывают весь квадрат и пересекаются лишь в своих граничных точках (рис. 2). Следовательно, квадрат тоже самоподобен.

Аналогично куб можно составить из его уменьшенных в N раз копий, взятых в количестве $M = N^3$ (рис. 3).

Обобщим наши наблюдения. Итак, пусть у нас имеется некоторое самоподобное множество. Образуем от него копию, уменьшенную в N раз. Так как множество самоподобно, то его можно восстановить из M полученных копий. Если M равно N, N^2 или N^3, то логично считать множество одно-, двух- или трехмерным соответственно. То есть принять в качестве размерности множества величину $\log_N M$, равную для отрезка 1, квадрата – 2, куба – 3.

Интересно, однако, что встречаются такие самоподобные множества, для которых M не равно целой степени N. Самым известным примером такого рода является классическое множество Кантора. Действительно, при уменьшении множества Кантора в 3 раза в результате получается ровно одна его половинка. А раз множество Кантора можно составить из двух его копий, уменьшенных втрое, то, последовательно развивая данную идею, мы должны приписать ему дробную размерность, равную числу $\log_3 2$.

С методической точки зрения представляет интерес предложить студентам следующие задачи.

Задача 1. Самоподобен ли правильный шестиугольник?

Задача 2. Самоподобен ли параллелограмм?

Класс самоподобных множеств довольно узок. Среди фигур на плоскости, например, прямоугольники и треугольники самоподобны, а круги несамоподобны. Однако понятие размерности самоподобия полезно для развития более общих подходов к понятию размерности. Дело в том, что самоподобные множества в теории фрактальных размерностей являются самыми простыми. Их размерность легко вычисляется, в некотором смысле самоочевидна и должна совпадать с более общими определениями размерности, основанными на сопоставлении множества и его частей.

Второй этап. Продолжим наше обобщение с помощью рассмотрения понятия «размерность Минковского». Пусть имеется некоторое метрическое ограниченное пространство X. Любой набор δ-шаров, объединение которых целиком покрывает некоторое множество $G \subseteq X$, назовем шаровым δ-покрытием множества G. Минимально необходимое число δ-шаров, которые смогли бы покрыть G, обозначим $n_\delta(G)$.

Как правило, при уменьшении δ число $n_\delta(G)$ растет. Идея размерности по Минковскому состоит в сравнении скорости роста $n_\delta(G)$ в зависимости от убывания δ.

Определение 1. Размерностью множества G по Минковскому называется предельный порядок роста числа $n_\delta(G)$ относительно величины 1/δ, то есть

$$\dim_M G = \lim_{\delta\to 0} \log_{1/\delta} n_\delta(G) = \lim_{\delta\to 0} \frac{\ln n_\delta(G)}{\ln \frac{1}{\delta}} = \lim_{\delta\to 0} \frac{\ln n_\delta(G)}{-\ln \delta}.$$

Некоторая аналогия с размерностью самоподобия просматривается. Число $n_\delta(G)$ аналогично количеству фрагментов M, из которых составляется оригинал, а δ играет роль величины $1/N$. Правда, в размерности Минковского в качестве фрагментов берутся пересечения δ-шаров с G. Они неодинаковы и к тому же могут пересекаться не только в граничных точках. На скорость роста $n_\delta(G)$ это не оказывает влияния, зато определение применимо ко всем ограниченным метрическим пространствам. Размерность Минковского тоже не всегда существует, но применима к гораздо более широкому классу множеств, чем размерность самоподобия. Справедливо следующее очевидное утверждение.

Предложение 1. Единичный отрезок одномерен по Минковскому, то есть $\dim_M[0,1] = 1$.

Доказательство. На числовой прямой δ-шарами являются обычные отрезки длины 2δ. Возьмем некоторое $\delta > 0$. Для него положим $N = [1/2\delta]$, здесь квадратные скобки означают взятие целой части числа. Ясно, что для покрытия единичного отрезка всегда достаточно $N + 1$ δ-шара, но недостаточно $N - 1$ δ-шара. То есть $N - 1 \le n_\delta([0,1]) \le N + 1$.

Так как $1/2\delta - 1 \le N \le 1/2\delta$, то $1/2\delta - 2 \le n_\delta([0,1]) \le 1/2\delta + 1$. Отсюда получаем:

$$\dim_M[0,1] = \lim_{\delta\to 0} \frac{\ln n_\delta([0,1])}{-\ln\delta} \le \lim_{\delta\to 0} \frac{\ln\left(\frac{1}{2\delta}+1\right)}{-\ln\delta} =$$

$$= \lim_{\delta\to 0} \frac{\ln(1+2\delta) - \ln 2 - \ln\delta}{-\ln\delta} = 1.$$

Аналогично получаем оценку снизу $\dim_M[0,1] \ge 1$; таким образом $\dim_M[0,1] = 1$.

Задача 3. Найти размерность Минковского для квадрата.

Предложение 2. Для канторова множества размерность Минковского и размерность самоподобия совпадают.

Доказательство. Подсчитаем размерность Минковского у канторова множества K. Хорошо известно, что канторово множество при любом целом $n \ge 0$ полностью покрывается 2^n непересекающимися отрезками длины 3^{-n}, причем концы этих отрезков принадлежат K. Следовательно, при $\delta = \frac{1}{2\cdot 3^n}$ число $n_\delta(K) = 2^n$. Поэтому

$$\dim_M K = \lim_{\delta\to 0} \frac{\ln 2^n}{\ln 2\cdot 3^n} = \frac{\ln 2}{\ln 3} = \log_3 2.$$

Размерность Минковского выгодно отличается от основного нашего обобщения – размерности Хаусдорфа (наш следующий и заключительный шаг) – тем, что она сравнительно легко вычисляется. После введения размерности Минковского студентам следует сразу указать на ее недостатки. Во-первых, размерность Минковского существует не для каждого множества. Во-вторых, даже когда данная размерность существует, она может дать неадекватный результат, то есть по существу быть неприменимой в некоторых случаях. Например, множество рациональных чисел на единичном отрезке (обозначим это множество Q) имеет размерность Минковского, равную единице ($\dim_M Q = 1$). Следует попросить студентов доказать данное утверждение.

Рассмотрим на числовой прямой множество $D=\left\{0,\ 1,\ \frac{1}{\sqrt[3]{2}},\ \frac{1}{\sqrt[3]{3}},\ \frac{1}{\sqrt[3]{4}},\ \cdots\right\}$. Множество несамоподобно, поэтому размерности самоподобия у него нет. Нетрудно проверить, что его топологическая размерность $\dim_T D=0$. Оно компактно, потому что ограничено и замкнуто. Вычислим $\dim_M D$.

Возьмем произвольное достаточно малое $\delta>0$. Обозначим через $k\delta$ наименьшее положительное натуральное число, удовлетворяющее неравенству: $\frac{1}{\sqrt[3]{k_\delta-1}}-\frac{1}{\sqrt[3]{k_\delta}}<\delta$.

Тогда имеет место неравенство:

$$\frac{1}{\sqrt[3]{k_\delta}\cdot\sqrt[3]{k_\delta-1}\cdot(\sqrt[3]{k_\delta^{\,2}}+\sqrt[3]{k_\delta\cdot(k_\delta-1)}+\sqrt[3]{(k_\delta-1)^2}}<\delta .$$

Так как δ мало, то $\delta\approx\frac{1}{3\sqrt[3]{k_\delta^{\,4}}}$. Следовательно, $k_\delta\approx\frac{1}{\sqrt[4]{27\delta^3}}$. Для покрытия $k_\delta-1$ точки $1,\frac{1}{\sqrt[3]{2}},\frac{1}{\sqrt[3]{3}},\frac{1}{\sqrt[3]{4}},\ldots,\frac{1}{\sqrt[3]{k_\varepsilon-1}}$ потребуется столько же δ-шаров. Для покрытия оставшихся точек множества D, лежащих на отрезке $\left[0,\frac{1}{\sqrt[3]{k_\delta}}\right]$, достаточно взять примерно $\frac{1}{2\delta\sqrt[3]{k_\delta}}=\frac{\sqrt[4]{3}}{2\sqrt[4]{\delta^3}}$ δ-шаров (здесь слово «примерно» означает, что число шаров должно быть целым). Таким образом, число $n_\delta(D)$ находится в пределах

$$\frac{1}{\sqrt[4]{27\delta^3}}-1\le n_\delta(D)\le\frac{1}{\sqrt[4]{27\delta^3}}+\frac{\sqrt[4]{3}}{2\sqrt[4]{\delta^3}}+1.$$

Верхняя и нижняя оценки числа $n_\delta(D)$ имеют одинаковый порядок роста, равный $O\left(\frac{1}{\delta^{3/4}}\right)$, поэтому $\dim_M D=\lim\limits_{\varepsilon\to 0}\frac{\ln(n_\delta(D))}{-\ln\delta}=\frac{3}{4}$.

Рассмотрим теперь на числовой прямой еще одно компактное множество

$E=\left\{0,\ \frac{1}{e},\ \frac{1}{e^2},\ \cdots,\ \frac{1}{e^n},\ \cdots\right\}$. Найдем размерность Минковского данного множества. Возьмем произвольное $\delta>0$. Подберем для него натуральное число k, удовлетворяющее неравенству $\frac{1}{e^k}\le 2\delta<\frac{1}{e^{k-1}}$. Тогда для покрытия всех точек множества E, лежащих на отрезке $\left[0,\frac{1}{e^k}\right]$, достаточно одного δ-шара. Для покрытия оставшихся точек $\left\{\frac{1}{e},\frac{1}{e^2},\ldots,\frac{1}{e^{k-1}}\right\}$ необходим ровно $k-1$ шар радиуса δ, поскольку даже между наиболее близкими точками $\frac{1}{e^{k-1}}$ и $\frac{1}{e^{k-2}}$ расстояние больше 2δ:

$$\frac{1}{e^{k-2}}-\frac{1}{e^{k-1}}=\frac{e-1}{e^{k-1}}>\frac{1}{e^{k-1}}>2\delta .$$

Таким образом, $n_\delta(E)=k$. Поскольку число k удовлетворяет неравенствам $e^k\ge\frac{1}{2\delta}>e^{k-1}$, $k\ge\ln\frac{1}{2\delta}>k-1$, то, следовательно, $\ln\frac{1}{2\delta}\le n_\delta(E)<\ln\frac{1}{2\delta}+1$. Отсюда получаем:

$$\frac{\ln\left(\ln\frac{1}{2\delta}\right)}{\ln\left(\frac{1}{\delta}\right)}\le\frac{\ln(n_\delta(E))}{\ln\left(\frac{1}{\delta}\right)}\le\frac{\ln\left(\ln\frac{1}{2\delta}+1\right)}{\ln\left(\frac{1}{\delta}\right)}.$$

Воспользовавшись правилом Лопиталя, получаем

$$\lim_{\delta\to 0}\frac{\ln\left(\ln\frac{1}{2\delta}+1\right)}{\ln\left(\frac{1}{\delta}\right)}=\lim_{\delta\to 0}\frac{\frac{1}{1-\ln(2\delta)}\cdot\left(-\frac{1}{2\delta}\right)}{-\frac{1}{\delta}}=$$

$$\lim_{\delta\to 0}\frac{1}{2-2\ln(2\delta)}=0 .$$

Аналогично убеждаемся, что $\lim\limits_{\delta\to 0}\frac{\ln\left(\ln\frac{1}{2\delta}\right)}{\ln\frac{1}{\delta}}=0$.

(Данную проверку можно не проводить. Почему?) Следовательно, существует предел $\lim\limits_{\delta\to 0}\frac{\ln(n_\delta(E))}{\ln\frac{1}{\delta}}$, также равный нулю. Таким образом, размерность $\dim_M E=0$.

Проведем компьютерный эксперимент, связанный с вычислением размерности Минковского множества E. Пусть δ=delta, $n_\delta(E)$=n,

$\frac{\ln(n_\delta(E))}{-\ln\delta}$=dimM. Тогда при различных значениях delta простая паскаль-программа:

```
uses crt;
  var delta, dimM, k, n: real;
begin
  clrscr;
  readln(delta);
  k:= –ln(2*delta);
  if k=int(k) then n:=k else n:=int(k)+1;
  dimM:=ln(n)/ln(1/delta);
  writeln('delta=', delta);
  writeln('N=', n);
  writeln('dimM=', dimM);
   readkey;
end.
```

дает следующие результаты:

δ	$n_\delta(E)$	dimM
0,01	4	0,301
0,001	7	0,282
1^{-10}	23	0,136
1^{-20}	46	0,0831
1^{-30}	69	0,0613

Читателю полезно провести аналогичный эксперимент для множества *D*.

Таким образом, видим, что для счетных множеств размерность Минковского дает различные результаты, что достаточно странно.

Третий этап. Продолжим наше обобщение. Пусть опять дано ограниченное метрическое пространство *X,* и у него имеется не более чем счетное δ-покрытие $\{J_n\}$. (Покрытие $\{J_n\}$ будем называть d-покрытием, если диаметры всех множеств J_n не превышают δ, то есть $|J_n| \le$d.) Для произвольных фиксированных чисел $d \ge 0$ и $\delta > 0$ введем обозначение $m_\delta^d X = \inf\left\{\sum_n |J_n|^d\right\}$, где инфимум берется по всем счетным δ-покрытиям множества *X*. Обозначим далее $m^d X = \lim_{\delta\to 0} m_\delta^d X$, этот предел существует, поскольку класс δ-покрытий сужается при уменьшении δ, а инфимумы $m_\delta^d X$ не убывают. Назовем его *d*-мерной мерой Хаусдорфа множества *X*. Мера $m^d X$ может быть бесконечной.

Предположим, что при некотором *d* мера $m^d X = C < \infty$. Это значит, что для любых сколь угодно малых δ, ε > 0 найдется d-покрытие, для которого $\sum_n |J_n|^d < C+\varepsilon$. Возьмем некоторое число $s > d$. Тогда имеем

$$\sum_n |J_n|^s = \sum_n |J_n|^d \cdot |J_n|^{s-d} \le \delta^{s-d} \sum_n |J_n|^d \le \delta^{s-d}(C+\varepsilon). \quad (*)$$

Устремляя δ к нулю, получаем из (*), что $m^s X = 0$.

Предположим теперь, что при некотором *d* мера $m^d X > 0$. Тогда для любого $s < d$ будет $m^s X = \infty$, иначе из предыдущего рассуждения следовало бы $m^d X = 0$, что противоречит сделанному предположению.

Определение 2. Для любого множества *X* возможна одна из трех следующих ситуаций.

1. Существует число $d > 0$ такое, что для всех $s > d$ мера $m^s X = 0$, а для всех $s < d$ будет $m^s X = \infty$. В этом случае положим по определению размерность Хаусдорфа множества *X* равной $\dim_H X = d$.

2. Для всех *d* мера $m^d X = \infty$. Тогда положим по определению $\dim_H X = \infty$.

3. Для всех чисел $d > 0$ мера $m^d X = 0$. В этом случае положим $\dim_H X = 0$.

Итак, размерность Хаусдорфа равна тому критическому значению *d*, при котором инфимумы *d*-сумм по δ-покрытиям с любым наперед заданным δ > 0 меняют свое значение с бесконечности на нуль. Данным определением обычно трудно пользоваться напрямую. Например, для круга на плоскости весьма трудно, если вообще возможно, показать, что инфимумы *d*-сумм меняют свое значение при *d*=2. В этом нас убеждает рисунок 4. Как видим, причина заключается в практически необозримом множестве даже шаровых δ-покрытий и сложности оценки соответствующих им *d*-сумм.

Отчасти преодолеть трудности, связанные с вычислением размерности Хаусдорфа, помогают следующие два следствия.

Следствие. Если для некоторого числа *d* мера $m^d X$ положительна и конечна, то $\dim_H X = d$. (Доказать).

Предложение 3. Если множество X не более чем счетно, то его размерность Хаусдорфа равна нулю.

Доказательство. Действительно, пусть $X = \{x_n\}$. Тогда для любых фиксированных чисел $d > 0$, $\varepsilon > 0$ накроем каждую точку x_n множеством диаметра не больше $\left(\frac{\varepsilon}{2^n}\right)^{1/d}$. Очевидно, *d*-сумма по полученному ε-покрытию не превосходит ε. В силу произвольности ε мера $m^d X = 0$. В силу произвольности *d* размерность $\dim_H X = 0$.

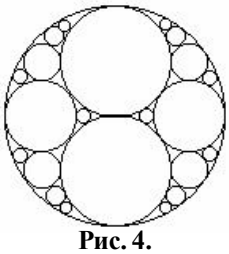

Рис. 4.

Таким образом, множество Q, рассмотренное выше, нульмерно по Хаусдорфу.

Предложение 4. Единичный отрезок одномерен по Хаусдорфу.

Рассмотрим разбиение единичного отрезка на n частей. Пусть $d=2$. Тогда $\sum_n |J_n| = \left(\frac{1}{n}\right)^2 \cdot n = \frac{1}{n} \to 0$.

Пусть теперь $d = 0$. Тогда $\sum_n |J_n| = \left(\frac{1}{n}\right)^0 \cdot n = n \to \infty$.

Можно предположить, что размерность Хаусдорфа равна 1 и попробовать доказать, что мера $m^1[0, 1]$ положительна и конечна. Мы докажем, что $m^1[0, 1] = 1$. Легко видеть, что для любого $\delta > 0$ существует δ-покрытие отрезка, 1-сумма которого в точности равна 1. Осталось показать, что не существует δ-покрытий отрезка [0, 1], у которых 1-суммы меньше 1.

Будем рассуждать от противного. Предположим, что при некотором δ существует δ-покрытие отрезка $\{J_n\}$ такое, что $\sum_n |J_n| = C < 1$. Без потери общности мы можем считать, что множества J_n все являются отрезками. Действительно, если это не так, то заменим каждое множество J_n отрезком $[a_n, b_n]$, где $a_n = \inf J_n$ и $b_n = \sup J_n$. При этом диаметры элементов нового покрытия (а следовательно, и сумма $\sum_n |J_n|$) останутся такими же, как у исходного покрытия. Возьмем теперь какое-нибудь $0 < \varepsilon < \delta$ такое, чтобы $C+\varepsilon < 1$. Для каждого отрезка $J_n = [a_n, b_n]$ определим накрывающий его интервал $I_n = \left(a_n - \frac{\varepsilon}{2^{n+1}}, b_n + \frac{\varepsilon}{2^{n+1}}\right)$. Покрытие $\{I_n\}$ будет открытым 2δ-покрытием, причем $\sum_n |I_n| = \sum_n |J_n| + \sum_n \frac{2\varepsilon}{2^{n+1}} = C+\varepsilon$. Так как отрезок [0, 1] замкнут, а покрытие $\{I_n\}$ открыто, то по лемме Гейне-Бореля из него можно выделить конечное подпокрытие. Это подпокрытие покрывает весь единичный отрезок, но в то же время суммарная длина входящих в него интервалов не больше $C+\varepsilon < 1$. Полученное противоречие доказывает, что не существует покрытия единичного отрезка, 1-сумма которого меньше единицы.

Существует и много других подходов к обобщению понятия размерности [7]. Для всех этих подходов отправным пунктом обобщения служит алгебраическая размерность евклидова пространства. То есть, если G – область евклидова пространства, то различные определения размерности дают для G одно и то же значение: размерность самого пространства. Это справедливо и для размерности самоподобия, если G самоподобна. Для фракталов же различные определения размерности могут давать разные значения. Студентам очень полезно исследовать рассмотренные в данной статье размерности для хорошо известных фракталов, таких, как множество Кантора, кривая Коха, ковры Серпинского и др. Ввиду ограниченности места приводим лишь сводную таблицу размерностей для некоторых таких множеств (табл.).

Вычисление размерностей из приведенной таблицы можно найти в совместной статье авторов [5, приложение 4], а также в [7].

Здесь поучительно сравнить размерности множества Q и дополнительного к нему на единичном отрезке множества $[0, 1] \setminus Q$. Оба множества сильно разорваны, вполне несвязны, поэтому их топологическая размерность равна нулю. Оба множества всюду плотны на единичном отрезке, поэтому их размерность Минковского совпадает с размерностью $\dim_M[0, 1]$, то есть единична. А вот размерность Хаусдорфа у них разная. Множество Q может быть накрыто как угодно малым покрытием, поэтому нульмерно. Дополнительное к нему множество гораздо больше. Оно имеет покрытие с 1-суммой, равной 1 (если покрыть отрезком [0, 1]), а покрытия с 1-суммой, меньшей 1, не существует. Если бы такое покрытие существовало, то мы смогли бы получить и покрытие всего отрезка [0, 1] с 1-суммой, меньшей 1, что невозможно, как показано в доказательстве предложения 4.

Изучая таблицу, можно заметить, что хотя разные размерности у множеств часто не совпадают, но в то же время некоторые из них часто совпадают. Не следует думать, что все четыре рассмотренные размерности не могут дать четыре разных результата для одного множества. Таким примером может служить множество

Таблица

Размерность	Топологическая размерность	Размерность самоподобия	Размерность Минковского	Размерность Хаусдорфа
[0,1]	1	1	1	1
$[0,1]^2$	2	2	2	2
Канторово множество K	0	$\log_3 2 \approx 0{,}63$	$\log_3 2$	$\log_3 2$
Кривая Коха	1	$\log_3 4 \approx 1{,}26$	$\log_3 4$	$\log_3 4$
Первый ковер Серпинского	1	$\log_2 3 \approx 1{,}58$	$\log_2 3$	$\log_2 3$
Второй ковер Серпинского	1	$\log_3 8 \approx 1{,}89$	$\log_3 8$	$\log_3 8$
Множество рациональных точек на отрезке [0,1], Q	0	1	1	0
Множество иррациональных точек на отрезке, $[0,1] \setminus Q$	0	1	1	1
Множество D	0	—	0,75	0
Множество E	0	—	0	0
Множество A	0	—	2	1

$$A = Q \times ([0,1] \setminus Q) \setminus \left\{ \left(x - \frac{1}{2}\right)^2 + \left(y - \frac{1}{2}\right)^2 < \frac{1}{16} \right\},$$

то есть декартово произведение множества Q и дополнительного к нему на единичном отрезке с выброшенным в центре кругом половинного диаметра. Благодаря выброшенному кругу A не самоподобно. Значения других его размерностей мы предлагаем читателю установить самостоятельно.

Задачи.

1. Найдите все размерности следующих множеств:

а) $\left\{0, \frac{1}{\sqrt{2}}, \frac{1}{\sqrt{3}}, \ldots, \frac{1}{\sqrt{n}}, \ldots\right\}$;

б) $\left\{0, \frac{1}{2}, \frac{1}{3}, \frac{1}{2^2}, \frac{1}{3^2}, \ldots, \frac{1}{2^n}, \frac{1}{3^n}, \ldots\right\}$;

в) $\left\{0, \frac{1}{\ln 2}, \frac{1}{\ln 3}, \ldots, \frac{1}{\ln n}, \ldots\right\}$.

Проведите для этих множеств компьютерный эксперимент, аналогичный выполненному в части II Приложения 4. Сравните полученные результаты с вычисленными.

2. Покажите, что канторово множество нигде не плотно.

3. Покажите, что множество иррациональных чисел на единичном отрезке плотно на нем.

4. Найдите все размерности единичной окружности $\{x^2 + y^2 = 1\}$. Является ли она самоподобным множеством?

5. Декартово произведение $K \times K$, где K – канторово множество, называется канторовой пылью. Определите размерности канторовой пыли. Сопоставьте их с размерностями канторова множества.

6. Приведите пример метрического пространства X, в котором некоторый δ_1-шар строго содержит в себе некоторый другой δ_2-шар при том, что $\delta_1 < \delta_2$. Можно ли, воспользовавшись этим примером, построить случай, когда $n_{\delta_1}(X) < n_{\delta_2}(X)$?

Библиографический список

1. *Крутецкий В.А.* Психология математических способностей школьников. – М.: Просвещение, 1968. – 432 с.

2. *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы. Институт компьютерных исследований. – М. – 656 с.

3. *Пойа Д.* Математика и правдоподобные рассуждения. Т.1, Т.2. – М.: Изд. иностр. литературы, 1957. – 535 с.

4. *Поспелов Н.Н., Поспелов И.Н.* Формирование мыслительных операций у старшеклассников. – М.: Педагогика, 1989. – с. 232.

5. *Секованов В.С.* Методическая система формирования креативности студента университета в процессе обучения фрактальной геометрии. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – с. 279.

6. *Эрдниев П.М., Эрдниев Б.П.* Укрупнение дидактических единиц в обучении математике. – М.: Просвещение, 1986. – 256 с.

7. *Falconer K.J.* Fractal Geometry. Mathematical Foundations and Applications. – New York; John Wiley, 1990.

ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Т.Л. Белкина, В.С. Гринько

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ (ФРОНДТ)

Ввиду бесконечного многообразия духовных пластов и представленных в них проблем называть, как это принято практически везде, русской отечественную философию в ее многообразных формах не совсем правильно. Мы предполагаем, что более точным было бы называть весь комплекс проблем, составляющих философскую сокровищницу, идейный арсенал отечественной философии философией российской отечественной национальной традиции (ФРОНДТ).

Л.Н. Гумилев пишет: «Великороссы включают в свой состав: восточных славян из Киевской Руси; западных славян – вятичей; финнов – меря, мурома, весь, заволоцкая чудь, угров, смешавшихся сперва с перечисленными финскими племенами; балтов – голядь, тюрок – крещеных половцев и татар и в небольшом количестве монголов»[1]. Все упомянутые и многочисленные другие этнические, демографические, конфессиональные ветви на том или ином этапе своего развития были ассимилированы в единую геополитического формата нацию, на почве общего языка межэтнического общения – русского.

Этот процесс ассимиляции продолжается за счет сохранивших свои этнолингвистические особенности народов бывшего СССР и мимикрийных популяций, массово проживающих вне территориальной России: немцы, евреи, мордва, иранцы (азербайджанцы, таджики, узбеки), цыгане, негры, грузины, армяне, греки, марийцы, башкиры, эвенки, якуты, буряты, монголы...

Некоторые народы мира, хотя и живут в России буквально в рассеянии среди иных народов России, но положительно комплиментарными не являются, другие же, исторически стабильно проживая довольно далеко, часто являются очень большими и давними друзьями России, некоторые в минуты опасности становятся даже братушками, а потом снова отворачиваются, соблазняясь бесплатным сыром в шоколаде с очень цивилизованного Запада.

На территории нашего великого отечества в самые древние исторические времена многочисленные, в том числе праславянские племена имели и совершенствовали *исконную символичность* своего языческого мировоззрения с их *вечными моделями* и *базисными феноменами*[2]. И это происходило задолго до принятия Киевской Русью христианства в 988 году в качестве официальной, единственной религии[3].

Местами обитания наших древних соотечественников были самые разнообразные географические (степь, лес, у гор, у рек и т. п.), резкоклиматические условия, во многом отличающиеся от нынешних условий в тех же местах. По условиям исторического существования язычество аборигенных первобытных племен обладало многовековой сложной и развитой духовной культурой так называемого родового или раннефеодального строя, носившей так называемый мифологический характер.

В полном восторге от неведомой, но предположительно очень славной истории собственного народа Михайло Ломоносов писал во «Вступлении» (годы 1754–1758), в попытке воссоздать оную в полноте классического величия: «Посему всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковыми греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности»[4]. Вот как скромно вывернул: не будем считать для себя унижением равенство героизма дел наших российских предков с античными. И Михайло Васильевич на всю катушку нашу славную историю расписал, беря факты и цитаты источников, пожалуй, прямо с потолка. За это, и за другие русские привычки современные ему дотошные немцы-академики, по свидетельствам источников, сильно его невзлюбили, хотя и сами – в своих геополитических интересах – не брезговали подобными метода-

© Т.Л. Белкина, В.С. Гринько, 2006

ми, умело маскируя их под строго научные выкладки перед «невежественными» туземцами.

Как описывают наших предков, это были сильные и жизнерадостные люди, их духовный универсум был неразрывно связан с природой (читай со средой обитания). Еще в VI в. византийский историк Прокопий Кесарийский, побывавший в славянских землях, писал, как цитирует его тот же Михайло Васильевич, что: «судьбины не признавают и не приписывают ей никаких действий в роде человеческом... Сверх того, почитают реки и другие воды, также и некоторых других богов, которым всем служат и в приношении жертвы гадают о будущем»[5]. Наши предки, значит, были фаталистами, индетерминистами… Волюнтаристами? В других, вполне ломоносовских по масштабности, сочинениях на эту тему со ссылками или без них, можно прочесть, что славяне всё зовут богами – солнце и месяц, землю и воздух, зверей и гадов, но особенно почитают солнце. Обращают внимание на характерное отношение к смерти: она – не полное уничтожение, не гибель тела и души. Она переход в иной мир – подземный. И что? Вполне метафизическая концепция, выраженная на языке своего времени.

Несмотря на такое, в том числе многоязычное, изобилие и бытование составляющих российское национальное духовное богатство источников, отечественную философию чаще всего называют русской философией, редко и не всерьез, и совсем подчас неверно – русскоязычной и, практически никогда, – российской.

Реально под условным названием «русская философия» в отечественной философии с большей или меньшей рельефностью выступают как взятые по отдельности, так и концептуально сочлененные, *два* основных пласта толкования философии в отечественной российской философии, обнаруживаемые при аналитическом подходе к составляющим её богатствам:

– экзогенный (оккупационный, т.е. внешнего, по тем или иным причинам, происхождения);

– аборигенный (исконный, отечественный, туземный).

Если наиболее современную и т.н. «общепринятую» в мировом сообществе устоявшуюся философскую парадигму выделить в качестве автономного отдельного пласта, то *три*, но в свете западного же принципа конвенционализма возникает проблема общенаучности, общепринятости, очень схожая с проблемами загадочных общечеловеческих ценностей.

Тем более, что доказано неоднократно самими же в том числе западными философами, что так глубоко подчас впечатляющий наших соотечественников высоко технологизированный стиль жизни вовсе не идеален, а если еще вскрыть, какой экономический каннибализм сокрыт за всем этим технологическим или эстетическим шиком, то тем более.

Русская философия – что это такое? Что ее делает русской? Язык[6]? Какой? Московский диалект киевского говора? А тогда как быть с церковнославянским каноном Библии? Как известно, язык оригинала наиболее древней части Библии с издержками, но возрожден, и библейский народ не мыслит своей великой исторической перспективы вне исконного языка и национального священного предания. Территория? Какая? Исторически принадлежавшая одной из форм Российского государства? Когда? Был ли Советский Союз одной из форм Российского государства? Не является ли Российская Федерация одним из государств в рамках и в пределах исторической России? Крещение Руси произошло в Киеве, а теперь в этой исторической цитадели прарусскости самой идеологически внятной, потому и господствующей, является агрессивно антимоскальская идеология. Может, русскость – это киевскость по происхождению? Но все мы, творения Божии, суть дети Солнца, Земли и других объектов космических, и, будучи, в этом смысле, земляками и даже родичами, ведем жесткий государственно-политический контроль над более-менее справедливым использованием всех космических ресурсов, и особенно на родной земле.

И действительно. Русскую философию, особенно в последнее время, в основном представляют православноориентированные философские учения.

Православная вера – прекрасна. Православные философы – великие мыслители. Пожалуй, как никакие другие, они прославили отечественную философскую мысль. Но ни духу, ни смыслу, ни содержанию философии вообще и философии в России партийная, конфессиональная, политическая ангажированность, на наш взгляд, не соответствует. Неужели нет корня своей собственной, российской, идентичности, скажем, в связи с Новгородом Великим, Владимиром, Москвой, Костромой, Псковом, Тверью, Смоленском? А Кант, родившийся и творивший всю свою жизнь, и умерший в пределах нынешних границ РФ! И даже некоторое время бывший вернопод-

данным российской государыни. Почему он родоначальник немецкой классической философии? По-немецки писал? Чаадаев писал (и, наверное, думал) по-французски. А Блаватская? В России почти не живала. Великий до безобразия Ленин в свои лучшие для философского творчества годы 1900 – апрель 1917 постоянно проживал за границей, то в Швейцарии, то в Париже, то в Лондоне, не считая Германии и Австро-Венгрии. Надо присмотреться к Збигневу Бжезинскому. Может, он тоже – русский философ?.. Он ведь, носитель славянских имени и фамилии (уже что-то!), пребывая в основном в США, так много работал над обустройством России! Не меньше некоторых, в том числе репрессированных, большевиков… Стиль (мышления)? В чем его отличие от стилей, допустим, (древне) китайского, древнегреческого, древнеримского? Древнееврейского? Устанешь искать общее и особенное, хотя и того, и другого – не перечесть. Принципиальное единство живого и исток бесконечно ожидаемой гармонии между его многообразными сферами – в универсальности генетического кода.

Нам представляется, что корень идентичности нашей национальной философской традиции есть. Он состоит во вбирании универсальных закономерностей бытия, где только ни обнаруженных. Потому что вся земля – Россия. Но вот с адаптацией их как-то не идет. Или слепо применяем субтропические учения у себя в Воркуте, или с порога отметаем и западных мэтров, и восточных гуру.

Закономерности универсальны, традиции (их понимание и применение) национальны, да и просто локальны. Философские традиции российской отечественной национальной духовности, российской мысли как раз и состоят в ее универсальности, всеядности, если хотите. Один утверждает: марксизм спасет мир, другой – нет, только всеединство, третьи – зовут назад, в передовую, мудрую, восточную древность. Но никто как-то не удосужился внятно отметить, что всё это и есть философия в России как таковая – многогранная философия российской отечественной национальной духовной традиции.

Почему именно российская, а не москальская? Впрочем, почему бы и не москальская? Видимо, нас, россиян, скажем, из Таймыра, как-то временно не совсем так поймут москали из Оймякона. К тому, что мы – россияне, и то не все еще серьезно готовы привыкнуть, а тут вообще – москали… Кто это такие?!!

Потому что границы России пульсирующие. Сегодня она с Финляндией и Аляской граничит, завтра – неизвестно с кем.

Почему отечественная? Потому что сакральное российское отечество никак не определяется географическими границами ни Руси, ни России. Живем ведь, по большомусчету, в бесконечности космоса. А родная пустошь среди бескрайних болот, бывшая деревней Шолежка – просто вечный наш центр его… Отчизна.

Почему национальная? Потому что политическая и философская Россия живет и, step by step, кругом торжествует в сердцах россиян всего мира, независимо от этнического их происхождения. А не-россиян в универсуме вообще не существует. Нам, россиянам, все жители планеты – соотечественники, друзья и братья – разной, конечно степени близости.

Так ли это? Мы стремимся показать, что, на наш взгляд, весьма положительное решение таких вопросов имеется, и не только теоретическое, а и практическое. Только надо взяться, наконец.

Аборигенный пласт ФРОНДТ вовсе не однороден (по крайней мере, не совсем и не всегда православноориентирован), в частности, по оригинальному языку его становления и происхождения («и назовёт меня всяк сущий в ней язык»): в этом пласте сохраняются элементы, ветви, сплавы довольно многочисленных славянских; финских; угорских (хунгарских, мадьярских); тюркских, позже монгольских (включая бурят, ханты, манси, якутов и т.п.); отживших, исчезнувших или удаленных, отошедших языков, культур, памятников.

Эта философская проблема – реставрации богатства исторического содержания российской национальной духовной гуманологической традиции на наш взгляд, на самом деле чрезвычайно плодотворна и интересна.

Вот только *некоторые темы возможных направлений исследования* (при этом, с нашей точки зрения, термин ФРОНДТ и производные концептуально вполне взаимозаменяемы термином гуманология и производными)[7]:

Философия умственная и философия экзистенции в философии российской отечественной национальной духовной традиции.

Невербальные[8] формы философствования в философии российской отечественной национальной духовной традиции:

Концепции происхождения русского народа и русского языка (философский аспект) в фило-

софии российской отечественной национальной духовной традиции.

Языческая терминология в современном русском языке с точки зрения философии российской отечественной национальной духовной традиции[9].

Социальная структура; социальная иерархия языческого общества в философии российской отечественной национальной духовной традиции.

Ценностные ориентации и кодекс поведения прарусского язычника в философии российской отечественной национальной духовной традиции.

Языческий коммпендиум духов — олицетворений природы и быта в философии российской отечественной национальной духовной традиции[10].

Русские и славянские языческие божества в философии российской отечественной национальной духовной традиции[11].

Генеалогия и этимология русских языческих божеств (авторизованные версии) в рамках философии российской отечественной национальной духовной традиции.

Языческие виды магической и оккультной деятельности[12]; их мировоззренческая база в философии российской отечественной национальной духовной традиции.

Рецепты зелья и их сущность в философии российской отечественной национальной духовной традиции.

Языческие сооружения, инструменты и другие атрибуты гуманологического назначения в философии российской отечественной национальной духовной традиции[13].

Языческая сакральная география в философии российской отечественной национальной духовной традиции.

Географический фактор (курганы, могилы, особая роль гор, рек, чащ) в философии российской отечественной национальной духовной традиции.

Языческие празднества в философии российской отечественной национальной духовной традиции[14].

Пасхальное язычество в философии российской отечественной национальной духовной традиции.

Языческие ритуалы, обряды и установления: рождение, жизнь, смерть, жизнь после смерти в философии российской отечественной национальной духовной традиции.

Языческая кулинария в философии российской отечественной национальной духовной традиции.

Ведовские снадобья, их смысл и предназначение в философии российской отечественной национальной духовной традиции.

Герои русского (татарского и т.п.) и славянского (общетюркского и т.п.) языческого эпоса в философии российской отечественной национальной духовной традиции: сравнительно-сопоставительный анализ.

Русский эпос и русские сказки в философии российской отечественной национальной духовной традиции: общее и особенное.

Иван Царевич и Иван Дурак: два архетипа русского этнического этического? Гуманологический анализ.

Сюжетно-содержательные параллели в ведическом, скандинавском, германском, римском, тюркском, японском и других эпосах. Гуманологический анализ.

Эстетическая иллюзия, её корни и роль в народном духовном базисе прарусского этноса[15]. Гуманологический анализ.

«Русские Веды»: миф и реальность. Гуманологический анализ.

«Боянова проблема». Гуманологический анализ.

Языческо-христианское двоеверие в философии российской отечественной национальной духовной традиции.

Язычество и проблемы становления христианства (православия и других его направлений) и мусульманства (буддизма и т.п.) в России (от докиевского по петербургский и современный периоды). Гуманологический анализ.

Исторические судьбы язычества в России.

И так далее. Можно согласиться с мнением, что вообще негативно окрашенные «представления о первобытном человеке как об узколобом дикаре не просто искажают человеческую перспективу. Такой подход влечет за собой ничем не оправданный отказ от изучения захватывающе интересного пласта культурного наследия человечества»[16]. Более того, в рамках поисков духовной идентичности некоторыми заинтересованными инициативными общественными организациями в России может и должно обнаружиться, что вдруг найденная так называемая русско-славянская языческая исконная духовная идентичность – только ступень, оболочка русифицированных в незапамятные времена вовсе неславянских народов и их потомков, например, скифов[17]. Тем не менее, на наш взгляд, такой дотошный, но толерантный и непрекращающийся поиск совершенно необходим для того, чтобы всем нам лучше знать свои истоки, место и пути развития человечества, и России в том числе, а это абсолютно философская задача.

Рис. 1.

Великие на века в своем прекрасном творческом амплуа Чеховы, плеяда замечательных гениев словесности под рубрикой Толстой, или Соловьев[18] при всем величии их вклада в летопись времени и судеб в нем Отечества, эти и другие творцы не всегда могли позитивно осмыслить богатейшую, разнообразную российскую национальную духовную традицию, случалось, пристрастно ее подавляли, в лучшем случае, буквально игнорировали ради торжества своих собственных, зачастую преходящих, воззрений. Таковы, вкратце, истоки нашей постановки проблемы, означенной в заглавии.

Если обратиться к некоторым аналогиям, то можно вспомнить, что центральным объектом в древневосточных религиозно-философских течениях является мандала – «один из основных сакральных символов в буддийской мифологии»[19]. Сохранились и отечественные памятники, которые можно рассматривать как предметно-объектный архетип философской концепции.

Бронзовая фигурка (рис. 1) на языке археологов называется «Пламенеющий идол» и обнаружена на территории Костромской губернии в 1835–1836 годах – так называемый «Галичский клад» – и датируется XIII **(тринадцатым) веком до н.э**[20]. Кстати, согласно официальной датировке, приведенной в процитированных исследованиях, это времена деятельности пророка-законодателя Моисея.

Следующий пример – каменная фигура (рис. 2). Согласно сообщению описывающего памятник авторитетного исследователя, «зооморфные образы и композиции искусства верхнепалеолитического поселения Малая Сыя (Хакассия, Кузнецкий Алатау; радиокарбоновая дата 34 500 ± 450; 34 060 ± 300) по содержанию глубоко космогеничны»[21].

Разве здесь нет мысли, разве нет образа, абстракции – примордиальных форм (ино)бытия философии?

Конечно, это не Аполлон и не Толстопузый[22] будда счастья Хотеи. Но это НАШ коренной аборигенный незапамятный исторический памятник.

Разве здесь нет «общественной силы красоты», как оценил значение философского образа как эстетической иллюзии (в отличие от философского понятия) Л.Б. Шульц в ряде произведений[23]? Или ее практических, но забывших свои истоки, результатов?

Анализируя четыре сказки Пушкина – о попе и работнике его Балде, о мертвой царевне и семи

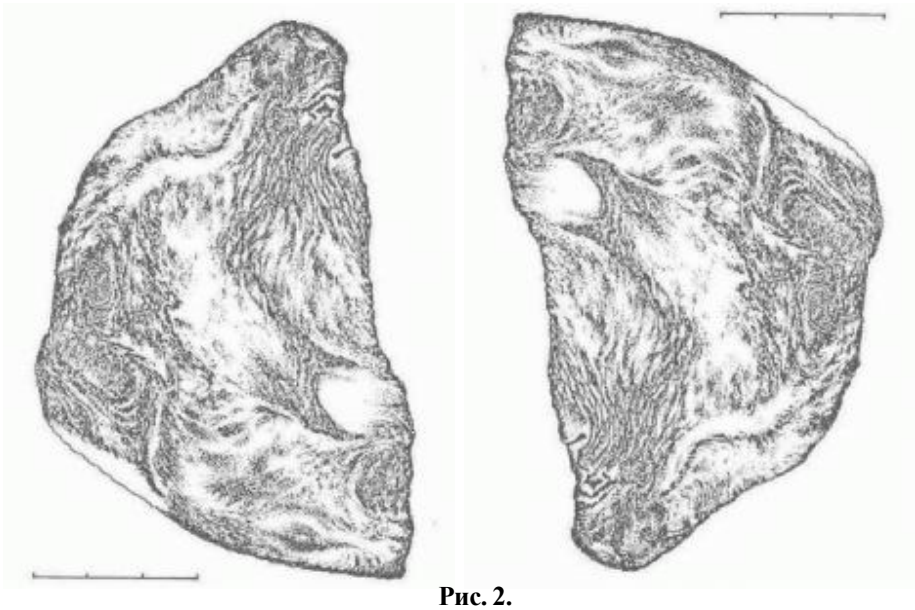

Рис. 2.

богатырях, о золотом петушке, о царе Салтане, французский исследователь подводит к итогу: «Все это позволяет предположить существование некой богатой и точной логики воображения, некоего без конца повторяющегося сценария, творение какой-то космической оси социальности, предполагает самую основу мифологического мышления; образ этот встречается среди прочего в мимической драме спортивного состязания. Престиж, который окружает детектива, чемпиона, ковбоя, «звезду», иллюзиониста, несомненно, побуждает нас несмотря на разнообразие своих форм, обратиться к тому общему источнику, каковым является реминисценция первоначального племенного опыта, выводящая в современном одеянии все того же царя-волшебника, наделенного космической властью»[24].

Как при наличии многочисленных и разнообразных памятников национальной мысли можно заявлять: философия в «форме, адекватной своему (Какому же? – *В.Г.*) содержанию» в России начинается «в XIX столетии (в полную силу – во второй его половине)»[25]. Философия на Руси никогда не появлялась: она всегда была, есть и будет в форме, полностью адекватной своему содержанию!

Примечания

[1] *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. – С. 181.

[2] См.: *Азаренко С.А.* Миф // Современный философский словарь. 2-е изд. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998. – С. 406: «Миф, – пишет С.А.Азаренко, – (греч. mythos – слово, речь, предание) – язык описания, оказавшийся, благодаря своей **исконной символичности**, удобным для выражения **вечных моделей** личного и общественного поведения, неких сущностных законов социального и природного космоса. Миф является **базисным феноменом** человеческой культуры. Начало современной интерпретации мифа восходит к 1725 году, к книге Джамбатиста Вико “Основания новой науки об общей природе наций”» (Подчеркнуто нами – *Т.Б., В.Г.*).

[3] См.: *Гобарев В.М.* Предыстория Руси. В 2-х ч. – М.: Менеджер, 1994.

[4] См.: Древняя Российская история // Ломоносов М. Избранная проза. – М.: Советская Россия, 1986. – С. 212.

[5] См.: Древняя Российская история // Ломоносов М. Избранная проза. – М.: Советская Россия, 1986. – С. 214.

[6] Под языком можно понимать институционализированную совокупность наречий, то есть образцов применяемой речи, относящихся к этому языку. С русским языком в России сложилась вполне удачная ситуация: в настоящее время он практически един, сохраняя в себе солидные исторические резервы в качестве активно работающих и понимаемых – даже язык летописей. Но вот многим другим известным языкам приходится существовать виртуально, ибо носители этих языков их применяют только в наречиях, а институционализированный образец применяется только в очень ограниченных, официальных сферах. Это касается таких, например, языков, как украинский, итальянский, арабский, даже немецкий и особенно китайский. Китайский язык еще тем показательнее, что институционализирован он пиктографически, а уж произношение пиктографий – иероглифов, да и их значение – рационализировано, вплоть до функционирования на их основе новых языков – корейского, (старо) ветнамского, японского и т.п.

[7] Формулировки условны и могут быть изменены в соответствии с этническими предпочтениями в аспекте исследовательского интереса.

[8] «Движенья нет, сказал мудрец брадатый. Другой смолчал и стал пред ним ходить. Сильнее бы не смог он возразить…» и т.д. В теории относительности А.Эйнштейна при описании движения важна точка отсчета, принимаемая за покоящуюся.

[9] К примеру, сохранившиеся и поныне в повседневном обиходе (включая украинские, «языческие») представления: цур, чур, щур, пек, трясця, бука, карачун и др.

[10] К примеру: водяной, домовой, соседушко, вила, купало, рожаница, леший, кикимора, русалка, мавки (малки), чудь, мара, оборотень, банник, упырь…

[11] К примеру: Род, Лада, Перун, Сварог, Даждьбог, Хорс, Семаргл, Стрибог, Велес, Мокошь, Белбог, Святовит, Ругевит, Радегост, Триглав, Сива, Купало, Ярило, Регл... И чего нас на Аполлонов или на Одинов, или к Манасам тянет? Как будто своего нет?

[12] К примеру: волхвование, знахарство, ведовство, чародейство, ворожение, врока, порча, сглаз... Чем не сокровищница традиционной народной валеологии, как психологического, так и соматологического назначения?

[13] К примеру: капища, кумиры, кумирни, орнаменты, обереги, барельефы. Алатырь-камень.

[14] К примеру: коляда, масленица, радуница, русалин, семик, тризна, святки...

[15] См., напр.: *Жегин Л.Ф.* Язык живописного произведения: Условность древнего искусства. – М.: Искусство, 1970. – 231с.

[16] *Ларичев В.Е.* Прозрение. – М.: Политиздат, 1990. – С. 9–11. Ср.: *Лихачев Д.С.* Черты первобытного примитивизма воровской речи // Словарь тюремно-лагерного-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белю, И.М. Исупов. – М.: Края Москвы, 1992. – С. 354–398.

[17] *Граков Б. Н.* Скифы: Научно-популярный очерк. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 200 с.

[18] Интересное сообщение относительно оценок деятельности Вл.С. Соловьева см.: *Щеголев П.* События 1 марта и Владимир Соловьёв // Наше наследие. – 1988. – № 2. См. также: *Гринько В.С.* Философия в России: парадигмы, проблемы, решения. – Кострома: Изд-во Костромск. ГСХА, 2003. – С. 161–165.

[19] *Топоров В.Н.* Мандала // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. – М.; Минск; Смоленск: РЭ, Дилер, Русич, 1994. – Т.2. – С. 100–103.

[20] См.: *Байдин В.* «Солнечное коло» восточных славян // Наука и жизнь. – 1994. – № 1. – С. 37; Археология Костромского края. – Кострома: АКО-ДККИИН, 1997. – С. 59–63; *Богданов А.П., Степанищев А.Т.* История России с древнейших времен до Петра Первого. – М.: Терра-КК, 1998, передний форзац.

[21] *Ларичев В.Е.* Зооантропоморфная скульптура рожающего существа верхнепалеотического поселения Малая Сыя и великая Богиня-Мать индийской мифологии // Рериховские чтения: 1979 год. К 50-летию института «Урусвати». Материалы конференции. – Новосибирск: ГПНТБ, 1980. – С. 16–17.

[22] Так в подлиннике статьи «Счастья боги», с которого делался перевод книги: *Бидерман Г.* Энциклопедия символов. – М.: Республика, 1996. – С. 263. В русской редакции оставлено Толстый Будда.

[23] *Шульц Л.Б.* Общественная сила красоты. – Ярославль: ВВКИ, 1985. – С. 40–43; *Шульц Л.Б.* К вопросу об эстетической иллюзии // Вест. Моск. ун-та. Сер. Философия. – 1978. – №6. – С. 53–62.

[24] *Же Б.* Космогония и воображаемое (Разбор четырех сказок А.С. Пушкина) // Разум и культура: Труды международного франко-советского коллоквиума. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – С. 133–141.

[25] Философия. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 106.

Е.Б. Витель

ВОЗМОЖНОСТИ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА

Художественная культура XX века, имея более чем вековую историю своего развития, продолжает восприниматься как одно из самых сложных и загадочных явлений современной эпохи. Отчасти это связано с кластеризацией нововведений, хаотическим наслоением разнородных и внешне малосвязанных друг с другом явлений: фовизм, кубизм, дадаизм, сюрреализм, абстракционизм, экспрессионизм, символизм, футуризм, кубизм, кубофутуризм, имажинизм, абсурдизм, экспрессионизм, неоклассицизм, пуантилизм, неоромантизм, минимализм и многие другие. Их принадлежность к авангарду, неоавангарду, модернизму, постмодернизму, постпостмодернизму, реализму, неореализму, поп-арту и соц-арту, к стилю, школе, направлению или течению, а также определение или уточнение содержания самих понятий – проблема, решение которой требует привлечения общенаучных методов исследования.

Множественность, сумбурность и хаотичность художественной культуры XX века видится ее наблюдателям как кризис традиционного художественного мышления, как закат европейской культуры (О. Шпенглер), как знамение цивилизационных процессов (П. Сорокин), конец истории (Ф. Фукияма), «кризис европейского человечества» (Э. Гуссерль) и т.д. Б. Шоу в пьесе «Дом, где разбиваются сердца» выводит зловещий символ переходной эпохи – трагический образ корабля с пьяным шкипером на борту, летящего без руля на скалы. Критика художественного творчества этой эпохи со стороны Г. Зиммеля, Р. Панвица О. Шпенглера, Ф. Ницше, П. Сорокина, В. Вейдле, а также русских философов Н. Бердяева о. П. Флоренского и др. говорит о невосприимчивости сознания к эпатажному искусству.

© Е.Б. Витель, 2006

Радикальная новизна модернистских новаций оказалась настолько сильной и парадоксальной, что «обезоружила» традиционную эстетику, которая вынуждена была обратиться к обсуждению вопроса о содержании, эстетической ценности и социальной сущности искусства. «Что есть искусство?» – ставит вопрос М. Итон. «Ликвидировав изображение природы и все формы признанного и традиционного декорирования, что «модернисты» дают взамен?»,– восклицал П. Зифф. К выводу о невозможности определения искусства приходит М. Вейц [1]. С началом XXI века рефлексия художественной культуры XX века со стороны культурологии, философии, искусствоведения изменилась незначительно и продолжает варьировать в широких пределах – от неприятия новых культурных смыслов (или в отказе ей в таковых) до осторожной попытки оправдать художественные новации. Все это делает художественную культуру XX века одной из проблемных областей современной культурологии.

Решать ее оказались не способны ни эстетика, ни философия культуры, ни традиционная философия – открывшаяся «новая реальность», заполненная хаосом, неравновесием, беспорядком, неустойчивостью, вероятностью, непредсказуемостью и спонтанностью не нашла «в лице» этих наук убедительной интерпретации. Так, если основная цель философии, согласно А. Бергсону, заключается в преодолении точки зрения разума, а познание осуществимо только интуитивным путем, то такая теория больше представляет интерес как концепция творчества, но не как методология познания. Гастон Башляр, анализируя причину кризиса в философии, отмечает: «За прежней философией «как» в сфере научной философии появляется философия «а почему бы нет» [3, с. 32]. То, что философия, наряду с искусством, занималась созданием концепций новой ирреально существующей действительности, Е.С. Борзов определяет как дискурс освобождения постсовременной философии в отличие от легитимирующего дискурса, господствующего со времен Платона. Освободившись от установки на всеобщность и реальность, сама философия стала постфилософским артефактом, сливаясь с художественным творчеством и превращаясь в новую художественно-философскую реальность. Отсюда становится понятной мысль М. Хайдеггера о необходимости трагического выбора между враждебной человеку наукой и антинаучной философией. На волне кризиса философии необъяснимые вещи в природе и науке, такие как «стрела времени» в физике или представление о неравноправности прошлого и будущего стали относить к области феноменологии – «новой научной мудрости» по выражению И. Пригожина.

В условиях кризиса философии, функцию научного познания взяла на себя общая теория систем. Вместе с системным анализом и системным подходом она обозначила новую системную парадигму мышления. Отметим, что сам характер революционных преобразований повилял на специфику нового научного способа мышления, когда стало ясно, что сложноорганизованный мир должен изучаться системными методами, а тенденция расчленять целое на части должна смениться стремлением к целостному охвату множества явлений. Переход от частнонаучных методов к общенаучным, от элементарного знания к синтетическому образно можно выразить афоризмом Козьмы Пруткова: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий».

Методология системного исследования фокусируется на понятии целостности изучаемого объекта, понимаемой не в традициях классической научной картины мира, то есть не как сумма элементарных свойств, а как такое целое, в котором выделяется *природа* свойств компонентов целого. В таком подходе и характеристики целого напрямую не присутствуют в его частях, но являются такими свойствами, которые способны порождать все процессы и явления в составе целого. С позиции методологии системного исследования, использование принципа целостности при исследовании объектов художественной культуры предполагает всеохватность объекта изучения анализом структурных и функциональных моментов, статических и динамических процессов, микро- и макросистемных уровней (внутрисистемных и межсистемных), вертикально-горизонтальных связей. Динамическая сторона предполагает выделение моментов культурогенеза, на основе которых изучаемое явление можно очертить и отграничить от других нецелостных объектов. Наконец, целостность системы обнаруживается на стадии ее разложения и разрушения, когда новая художественная система с еще не сложившейся целостностью выступают в роли антитезиса по отношению к предыдущей. Анализ художественной культуры с позиции системного принципа

целостности, позволил бы получить более четкие представления о причинах, вызвавших столь радикальную перемену художественного творчества в начале XX века.

Для того чтобы принцип целостности в рамках системного подхода, важно рассмотреть явление не изнутри его самого, а в системе объектов того же рода (Ю.А. Урманцев), которые являются по отношению к изучаемому своеобразным контекстом. Поэтому при анализе культуры XX века, необходимым окажется сопоставление этого периода с предшествующей эпохой. Первый вопрос, который возникает при решении этой, казалось бы, не сложной задачи, – поиск художественной системы, которая бы составила «рамки» объектной области. Традиционный принцип, при котором каждое новое эпохальное явление сменяло непосредственно свое предшествующее, благодаря чему эволюция художественной культуры представлялась как линейно выстроенный и непрерывный путь, отражающий общую прогрессивную направленность человеческой культуры, при взгляде на культуру XX века оказывается неприемлемым. Слишком радикальным оказался характер новаций, представленных в художественном творчестве XX века для того, чтобы сравнивать его с эпохой западноевропейского романтизма или русского реализма. В модернизме выразился протест против самих концептуальных основ искусства: принципа подражания, категории прекрасного, отражения реально существующей действительности, гносеологизма и оптимистически-позитивной точки зрения на мир, логичности и разумности (детерминированности) – всего того, с чем восприятие соотносило смысл художественного творчества. Обнаружилось, что в искусстве XX века исчезла антропоцентрическая позиция автора, которая позволяла отражать реальность сообразно природе человеческого понимания, что делало предмет искусства узнаваемым.

С утверждением модернизма стало ясно, что новое художественная культура противостоит не только своей предшествующей, а целому ряду эпох. Ю.Н. Холопов пишет: «Переживаемое нынешнее изменение музыки подобно изменениям, например, целой цивилизации. Это эпохальное событие» [10]. В этом же ключе высказывается Н.А. Хренов: «Искусство XX века не только разошлось с традицией, непосредственно ему предшествующей, но и демонстрировало возвращение к удаленным традициям, о чем свидетельствует актуальность для него вновь открываемого опыта средневековой или античной культуры, как и многих успевших угаснуть культур, в том числе и архаических» [11, с. 256]. Бишоф: Кризис художественного творчества своими истоками уходит в те времена, когда начался процесс «отхода искусства от религии к обществу» [2, с. 128]. Это лишь некоторые примеры, авторы которых свидетельствуют о периоде «великого разлома культуры».

Однако, очевидно то, что для получения более полного ответа о месте XX века в кривой эволюционного развития, необходимо попытаться ответить на вопрос, почему с наступлением XX века начался новый период в истории художественной культуры, а это требует рассмотрения целостности системы с позиции культурогенеза. Здесь необходимо остановиться на следующих моментах: через что описывается целостность системы художественной культуры, из чего складывается ядро целостности, и как целостность соотносится с развитием.

При ответе на первый вопрос, согласимся с мнением А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко о том, что механизм функционирования культуры заключен в ее смысле. «Культура есть результат действия законов смыслообразования», – пишут авторы. И далее: «…законы смыслообразования и оформления, закрепления и трансляции смыслов есть первичное основание бесчисленных феноменов, совокупно образующих культурный универсум» [8]. Итак, смысл функционирования художественной культуры является качеством, определяющим ее целостность.

Далее, рассматривая художественную культуру как системный объект с позиции принципа целостности, необходимо установить, какие смыслы выступают в ней в качестве системообразующих, или из чего складывается целостность смыслов. До наступления XX века, в котором начали обозначаться иные смыслы функционирования художественной культуры, скажем в период расцвета романтического искусства, сама постановка такого вопроса вызвала бы недоумение. Модернизм в своем бунте против отражения реальности, сделал выпуклым то, что, что прежде объединяло многие художественно-исторические стили, то, что было настолько естественным, что не привлекало к себе внимания – это антропоцентрическую позицию автора.

Антропоцентрическая идея, сформировавшаяся и утвердившаяся в античности в известном

тезисе Протагора «человек – мера всей вещей», стала знамением для всех последующих художественных направлений, оформившихся теперь в ансамбль культуры антропоцентрического типа. Законы пропорции человеческого тела (Поликлет), эстетическое представление об идеале и красоте художественного произведения (Аристотель) и многое другое создавалось не с позиции самой реальности, а с позиции человеческого наблюдения за ней. А. Филарете, архитектор эпохи Возрождения в «Трактате об архитектуре» писал: «Итак, даю тебе здание по подобию человеческому» [5, с. 286.]. Возрождение, как отмечает В.И. Тасалов, «поставило человека в центр всей «полноты природных вещей», всех сфер человеческой деятельности». [9, с. 118]. В этой связи стоит упомянуть идею человека-микрокосма и «города – человека» Леонардо или слова М. Фичино: «Нет ничего значительного на земле, кроме человека; нет ничего значительного в человеке кроме ума и духа; достигнув этого, ты превзойдешь небеса» [5, с.270]. Средневековье внешне, кажется, сместило человека из центра мироздания во имя Бога, но по сути – человеческое плотское было принижено ради возвышения человеческого духовного. Антропоцентричность средневековья выражалась в стремлении к совершенствованию человека, а Божественно-религиозное самосознание выступало в роли единственного средства спасения человеческой души. Косвенно доказывает эту мысль то, что в средневековой эстетике акцентировался принцип подражания как важнейшая установка антропоцентрического мировидения. «По-настоящему подражает Богу лишь тот, кто принимает на себя бремя ближнего своего, кто благодетельствует другим, кто раздает нуждающимся свое достояние и таким образом становится для них как бы Богом». [4, с. 25].

Художественное сознание Нового времени, как считалось, в своем прогрессивном развитии «переросло» эпоху расцвета христианской культуры, хотя бы тем, что обратилось против нее. В действительности, возникшая новая научная картина мира (с открытиями в области естествознания) установила лишь новые границы пространства, осмысленного человеком. Мир в представлении человека с его антропоцентрической позиции оставался разумным, целесообразным, познаваемым и управляемым вплоть до открытий в до XX веке противоположной его характеристики – неуправляемости, хаотичности, неравновесности и нелинейности. Не случайно, К. Ясперс в работе «Истоки истории и ее цель» обращается к человечеству с призывом раздвинуть границы реальности и совершить скачок по ту сторону мира, к трансцендентности, которая непознаваемая и для познания есть ничто. [12, с. 148]. «Если классическое искусство антропоцентрической культуры исходило из миметических оснований, где подражание совпадало с познанием человеком мира, а позже его психологизацией, то смещение акцентов в сторону мира, как такового, значимого самого по себе, приводило к проблеме того, *что* скрыто за пределами видимого»,– отмечает И.А. Едошина [6, с. 19-20]. Так в XX веке началась эпоха выдвижения антитезиса протагоровой идее, а вместе с ней антитезиса антропоцентрическому смыслу функционирования искусства.

Для того чтобы помыслить о мире иначе, важно было сместить угол зрения наблюдателя и поместить ее внутрь предмета наблюдения или иначе. Открытие множества новая «точек зрения» раздвинуло пространство художественной реальности и сами возможности искусства. Теперь реальность не предмет отражения, а один из многих мотивов (в числе которых само искусство), который можно бесконечно варьировать, создавая разнообразные авторские варианты *художественной реальности*.

Антропоцентризм как определенный способ описания, измерения и отражения окружающего пространства стал осознаваться лишь после своего исчезновения. Тогда прежнее естественное и понятное мировидение художника стало осознаваться как смысловая основа целой череды художественно-эстетических стилей, а вместе с тем прояснилась и социальная функция искусства, в которой его восприятие и принцип отражения были *тождественны*. Вот почему в современном искусстве, где нет тождества между смыслом произведения и его восприятием, в «зазор» (который видится огромным смысловым пространством) помещен *символ*, хоть как-то компенсирующий утраченное тождество. Учитывая то, что и сам символ обладает своим внутренним смысловым пространством восприятия, современное искусство видится как полифония художественных смыслов.

Если рассматривать восприятие искусства как систему, то окажется, что ее саморазвитие происходит по своим внутренним законам и задается своим темпом и ритмом. Это подтверждается

хотя бы тем, что наше восприятие до сих пор находится «в плену» антропоцентрической культуры и, разумеется, не готово принять идею исчерпанности ее смыслов. Между тем, если наблюдать за динамикой целого и при этом оперировать такими понятиями, как рождение, становление, зрелость, угасание, мы должны согласиться с тем, что завершенность (финальность) смыслов художественной культуры есть естественный и необходимый этап культурогенеза. Для подтверждения этой идеи необходимо: 1) выделить «общие места», «несущие конструкции» или концепт системы (А.И. Уёмов), иными словами ту природу целого, которая не вытекает из суммы свойств ее частей; 2) проследить за развитием выделенных качеств с точки зрения динамики становления целого, то есть моментов рождения, утверждения, расцвета и завершения.

При условии доказательства того, что выделенные свойства целого действительно исчерпали себя в процессе своего развития, можно будет утвердительно говорить о современной художественной культуре XX века как *начальном периоде* новой эпохи. Этот начальный период, а именно первую половину XX века мы характеризуем как переходный, однако имея в виду не переход от антропоцентризма к концептуализму, а переход от оппозиции старой культуре к поискам собственных смыслов. Это следует из того, что процесс рождения новой художественной эпохи происходит не после финальной завершительной фазы предшествующей, а спрятано глубоко в ее недрах. В то время, когда материнская эпоха переживает вершинный кульминационный период развития своих художественных смыслов, на другом полюсе рождаются симметричные, то есть прямо противоположные идеи пока на интуитивном уровне и виде отдельных и разрозненных событий. Этот своеобразный момент культурогенеза отмечали многие исследователи, хотя специально не заостряли на нем внимание. Так, в первой половине XV века Л. Альберти высказался совсем не в духе возрожденческих идей: «Человек не звено, а бич всего мира, язва на его теле, в нем выражается нелепость и безумие жизни» [5, с. 191]. Ж.-Ж. Руссо за целое столетие предвосхитивший появление научной антропологии, «удивлял своих современников постановкой вопроса о том, что расцвет наук и искусства не способствует улучшению нравов» [11, с. 29]. В некоторых темах из фуг ХТК И.С. Баха большое количество хроматических звуков создает аналог додекафонного письма – основы музыкального языка XX века. Идеи модернизма в виде отказа от миметизма, красоты, логики, рациональности, конечно, возникли не в начале XX века, а значительно раньше. В XX веке лишь утвердился резкий поворот: еще не понимая *как,* модернисты выразили «нет» старой культуре. В этом смысле период модернизма в истории художественной культуры мы рассматриваем как переход от протеста и разрушения к поиску новых альтернативных смыслов, лежащих, по всей видимости, в плоскости симметрии антропоцентризму, то есть не в подражании, а в творении.

Доказательство законченности и целостности культуры антропоцентрического типа, объединяющей несколько художественно-исторических стилей, позволит оценить художественную культуру XX века как явление, соразмерное предшествующей метаэпохе. Если смыслы антропоцентрического типа культуры существовали более пятнадцати веков, то, даже с учетом ускоренных темпов современной жизни, становление новых может занять несколько столетий. Думается, что с этим связана одна из причин наблюдаемой сегодня инерции постмодернизма и факт запоздалого его теоретического осмысления, отмеченный Н.Б. Маньковской [7].

Библиографический список

1. Американская философия искусства. Антология: Пер. с англ. / Под ред. Б. Дземидока и Б. Орлова. – Екатеринбург, 1997.

2. *Антонова О.А.* Католицизм и искусство XX века.– М., 1985.

3. *Башляр Г.* Новый рационализм. – М., 1987.

4. *Бычков В.В.* Малая история византийской эстетики. – Киев, 1991.

5. *Гарэн А.* Проблемы итальянского Возрождения: Пер. с ит. / Вступ. ст. и ред. Л.М. Брагиной. – М., 1986.

6. *Едошина И.А.* Художественное сознание модернизма: истоки и мифологемы. – М.; Кострома, 2002.

7. *Маньковская Н.Б.* Эстетика постмодернизма. – СПб., 2000.

8. *Пелипенко А.А.*, *Яковенко* И.Г. Культура как система.– М., 1998.

9. *Тасалов В.И.* Очерк эстетических идей архитектуры капиталистического общества. – М., 1979.

10. *Холопов Ю.Н.* Изменяющееся и неизменное в эволюции музыкального мышления // Проблемы традиции и новаторства в современной музыке. – М., 1982.

11. Эстетика и теория искусства XX века: учеб. пособие / Н.А. Хренов, А.С. Мигунов – М., 2005.

12. *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель. – М., 1991. – Вып.1.

Л.С. Андреева

ПРИРОДА ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЛОГИКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОТКРЫТОСТЬ ИСТОРИИ

Вопрос о природе исторических законов для философии истории, а точнее сказать для гуманитарного исторического познания относится к числу «вечных проблем». Если бы мы попытались дать даже самую приблизительную библиографию данного вопроса, то площадь нашей статьи оказалась бы слишком маленькой. И все-таки для иллюстрации сказанного мы сошлемся на тот минимум работ, без ссылок на которые не обходится ни один исследователь в области методологии исторического познания и которые стали как бы хрестоматийными[1].

Особый всплеск интереса к обозначенной в названии статьи проблеме обнаружился в 70–80 годах XX века в связи с разработкой деятельностного подхода сначала в области философии, а позднее с распространением его на всю сферу социально-гуманитарного познания[2]. Именно деятельностный подход позволил по-новому взглянуть на природу исторических законов и отказаться от имевшей место их «натурализации». В рамках этого подхода сложились определенные традиции, основные концепции, исследовательские принципы. И, казалось, что вопрос «закрыт».

Но особенность «вечных вопросов» состоит в том, что, оказываясь в новом историческом контексте, они приобретают иной вид, открываются какие-то новые грани, новые аспекты, они начинают наполняться новым смыслом, содержанием. Они неожиданно становятся снова актуальными и требуют переосмысления.

Гегель называл это время становлением истории, *историей,* когда происходит «переход», кончается одна эпоха и появляется потенциальная возможность перехода к *иной*. По существу это перекресток исторических дорог, вынуждающей делать выбор[3].

Мы называем это время *историческим бытием*. Оно всегда приходится на переходный период, что и определяет его проблематичность, не идентифицируемость ни с прошлым, ни с будущим, создавая ситуацию выбора.

В массовом сознании историческое бытие воспринимается как время отсутствия *логики, разумности, закономерности* в истории, как время господства всяких случайностей. Переходное кризисное время – это время глубоких потрясений устоявшейся, «закономерной» человеческой жизни. Поэтому массовое сознание перестает доверять объективности истории, оно становится зараженным вирусом антиисторизма и антигуманизма: люди не верят в гуманистический вектор исторического развития. Цинизм, нигилизм, равнодушие начинают разъедать общество, выливаясь во всеобщий волюнтаризм и своеволие.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что наше обращение к проблеме природы исторических законов и открытости истории более чем современно.

Логика нашей работы не позволяет нам специально остановиться на выяснении различий между такими понятиями как «общественные законы», «исторические законы», «законы истории», «социальные законы»… В нашей литературе имеет место различное толкование этих понятий. Безусловно, что между ними много общего, но в полном объеме они не совпадают.

В частности, понятие «законы истории» имеет много смыслов. Чаще всего под ним подразумевается *исторический характер* социальных (общественных) законов. То есть имеется в виду, что каждой эпохе присущи свои специфические, особенные законы развития.

У «законов истории» имеется и другой смысл: это законы присущие истории как единому процессу. Если в первом случае речь идет о законах развития общества как социального организма на определенном этапе его развития, то во втором – о законах исторического процесса, выражающих самые общие условия развития любого общества. Мы употребляем понятие «исторические законы» в близком ко второму значению. Для нас «исторические законы» – это законы развития той реальной основы истории, которая составляет способ существования социального, исторического бытия людей и обеспечивает единство человеческого рода. Маркс говорил, что «всякая общественная жизнь является по существу практической»[4]. Практическую, чувственно-предметную жизнь Маркс определяет как *родовую* жизнь человека. «Поэтому именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*». Это производство есть его деятельная родовая жизнь»[5]. Таким обра-

© Л.С. Андреева, 2006

зом, единый способ жизнедеятельности человеческого рода составляет основу единства всемирной истории и определяет ее логику.

Если реальную основу истории составляет чувственно-предметная деятельность, то, следовательно, негде больше и «искать» законы истории, как в самой деятельности, в ее диалектике.

Таким образом, теперь мы можем конкретнее сформулировать исследовательскую задачу. Она заключается в том, чтобы показать *исторические законы как объективированную логику человеческой деятельности*. Это позволит, с одной стороны, обнаружить в них объективность и казуальность, а, с другой стороны, потенциальную возможность вариативности, неопределенности исторического процесса.

Именно деятельность должна быть взята в качестве основной предпосылки исследования исторических законов, поскольку в ней осуществляется, происходит единство материального и идеального, объективного и субъективного, стихийного и сознательного, внутренней активности и внешней обусловленности.

Нельзя противопоставлять деятельность людей объективной закономерности: деятельность носит необходимый и объективный характер. Из отношений обмена деятельностью между людьми и рождается историческая закономерность.

Именно человеческая деятельность является главным фактором в развитии языка, религии, фольклора, техники, политики и экономики, т.е. различных сфер общественной жизни. А значит, существуют социально-исторические закономерности, в которых причина и следствие связаны, но связаны специфическим образом. Исторический детерминизм обнаруживается как направление, тенденция, представляющие собой связь актуальной «живой» человеческой деятельности и условий, опредмеченной деятельности, существующей в различных формах. Так, например, экономику, общественное производство можно представить не только как производство вещей, но как производство человеческих связей, отношений, потребностей, интересов, т.е. производство самого человека, точно так же юридическая система норм покоится на человеческой деятельности. Политическая система, связывающая нормы, вещи и людей через власть, законы, управление, включает, естественно и человеческую деятельность. По сути, все социальные институты, организации являются формами человеческой деятельности, которые характеризуются преобладанием традиции, имитации, подражанием авторитету…

Отрицание исторических законов только на том основании, что в общественной исторической жизни мы не наблюдаем повторяемости, что все исторические явления абсолютно индивидуальны и уникальны, нам не представляется убедительным. Сам факт признание социального детерминизма предполагает признание объективности и *повторяемости* в истории. В повторяемости явлений главное не многократное воспроизведение и повторение одного и того же, регулярное чередование подобного. Такая повторяемость в истории и на самом деле невозможна, так как в ней меняется все время ситуация. Повторяемость в истории – это воспроизведение существенного, общего, фундаментального в исторических явлениях, относящихся к различным этапам истории и к различным историческим эпохам. Этим фундаментальным и существенным является общая реальная основа родовой жизни человека и, следовательно, истории – деятельность. Категория «общественно-экономическая формация» как раз и фиксирует историческую повторяемость в виде общей структуры, скелета общества, хотя и получающей каждый раз новую форму

В онтологическом плане исторические законы – это всеобщее, необходимые, объективные существенные связи, отношения обмена деятельностью между людьми, которые должны быть обнаружены и воспроизведены гносеологически. Идеальный, гносеологический образ этих связей и отношений никогда не может в полном объеме их воспроизвести, реализовать. В свою очередь реальные исторические процессы лишь приближаются к своим идеальным образам, выступая как объективная тенденция. Закон как тенденция наиболее характерен для исторической действительности. Не все исследующие природу исторических законов, разделяют эту точку зрения. Например А.К. Уледов пишет: «В настоящее время, по нашему мнению, представляет определенную опасность не столько недооценка изменчивости явлений общественной жизни, сколько переоценка ее, выражающаяся в стремлении подменить понятие закона понятием тенденции и тем самым вообще снять вопрос об общественных законах или вести речь только о законах-тенденциях. Такое стремление характерно для буржуазной философии и социологии. Иногда и в марксистской литературе встречаются весьма кате-

горические суждения о том, что все общественные законы есть законы-тенденции»[6].

Статистически-вероятностный характер социальных законов неоднократно подчеркивали Маркс и Энгельс, а до них подобная точка зрения прослеживалась и у Гегеля. Приведем на этот счет известное высказывание Ф. Энгельса: «Каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные, сознательно поставленные цели, а общий итог этого множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир – это именно и есть история»[7].

Поэтому неудивительно, почему в марксистской литературе встречались утверждения об исторических законах как законах-тенденциях, поскольку сам Маркс утверждал, что «общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний»[8].

В предшествующей истории общая линия исторического процесса складывалась как равнодействующая разнонаправленных действий различных исторических субъектов, не совпадающие ни с одним из них. То есть исторические законы, как правило, являются законами-тенденциями, образующимися от сложения направленных в разные стороны действий, преследующих свои цели людей.

Вследствие этого исторические законы не обязательно должно быть сформулированы на подобие законов природы, в строгом математическом виде. Но это совершенно не означает, что исторические законы утрачивают строгость и перестают быть законами. По этому поводу М. Хайдеггер справедливо заметил: «Математическое познание не строже, чем историко-филологическое. У него разве что характер «точности», не совпадающий со строгостью. Требовать от историографии точность значило бы выступать против идеи специфической строгости гуманитарных наук»[9]. Пределом точности в естественных науках является идентификация (а=а). В гуманитарных науках точность – преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое (подмены всякого рода, модернизации, незнание чужого и т.п.)[10].

Говоря об исторических законах, следует иметь в виду, что законы вообще, а не только исторические, выражая всеобщую и необходимую, устойчивую связь между явлением, не могут выразить весь процесс, представить его целиком: они выражают лишь одну *существенную* сторону: момент устойчивости и постоянства внутри бесконечной сети изменяющихся событий. Следовательно, закон выражает объективную *тенденцию* этого бесконечного потока меняющихся явлений, которая оказывается как бы их устойчивым свойством.

С учетом всего сказанного можно согласиться с предположением ряда авторов[11] разграничивать понятия «закон» и «закономерность». Несмотря на некоторые различия в авторских интерпретациях данных понятий, которые, на наш взгляд, не носят принципиального характера, у них много общего. А именно: закономерность включает в себя целую систему законов, охватывающих исторический процесс в его целостности, а закон является только частью, стороной этой закономерности. Разграничение понятий «закон» и «закономерность» особенно важно применительно к исторической действительности, в который трудно выделить какой-то один закон. Понятием «закономерность» мы выражаем ту внутреннюю связь между законами целой сферы социальной действительности или даже целой исторической эпохи, исторического этапа, которая указывает на универсальный смысл всего исторического процесса. С этой точки зрения, методологически ценным является замечание Б.Ф. Поршнева: «Подлинный историк должен всегда видеть целый процесс исторического развития человечества, и, сравнивая любые две точки, соотносить их с этим целым процессом… Тот, кто изучает лишь ту или иную точку исторического прошлого или какой-либо ограниченный период времени – не истории, он – знаток старины, и не больше; историк тот, кто хотя бы и рассматривая данный момент под исследовательской лупой частицу истории, всегда мыслит обо всем процессе»[12].

Таким образом, можно говорить, что социальные законы носят иной характер, чем природные законы. Социальный детерминизм проявляется в том, что объективированная и опредмеченная деятельность предшествующих поколений (производительные силы, технологии, социальные отношения, социальные нормы, традиции, формы общественного сознания и т.д., и т.п.) существуют ли она в форме институциональных элементов или в форме отношений и ценностей, передается последующим поколениям независимо от их воли и желаний, обусловливая, детерминируя их собственную живую деятельность. Жившие поколения не проходят бесследно, они ос-

тавляют после себя свою объективированную деятельность и через нее пребывают среди нас. Объективированная деятельность составляет ту основу, на которой начинают свою деятельность новые поколения: они начинают ее с распредмечивания, освоения прошлой, накопленной деятельности, которая задает первоначально все основные параметры их жизнедеятельности. Но, прилагая к ней свою живую деятельность, новые поколения делают ситуацию вариативной, открытой[13]. Такое понимание истории помогает преодолеть крайности фатализма и волюнтаризма.

Различие природного закона и социально-исторического закона-тенденции основана, таким образом, на многомерности общественного развития, протекание этого процесса в исторически определенных условиях, и на деятельности как главном факторе исторического развития.

Однако принцип деятельности распространяется не только на понимание общества как формы, созидаемой ее актами, целями и структурами, но и на физико-географические и биологические условия общественного развития. История есть не одностороннее действие природы (или общества, культуры) на человека, а именно взаимодействие[14].

Человеческая деятельность признается, таким образом, универсальной и основной категорией исторического процесса. Деятельность становится принципом истории, который можно выразить в следующей формуле: История есть деятельность людей, преследующих цели, в объектированном результате которой прослеживается закономерная логика. Нет никакой Истории, действующей за спинами людей, вне их деятельности, вне и помимо их… История не смена абстрактных отношений, институтов, организаций, а это человеческая история, история собственной жизнедеятельности. История – это арена деятельности самого человека. Именно в такой деятельности осуществляется реальный исторический процесс.

В структуре жизненного мира человека можно выделить особый онтологический слой – историческое бытие – т.е. особый тип человеческого существования, характеризуемый прежде всего разладом индивидуально-конкретного бытия личности и социально-историческим, родовым миром. Этот тип бытия человека выделяется как уровень, не редуцируемый к понятию социального бытия, выходящий за его пределы: речь должна идти об историческом бытии как специфическом состоянии бытия личности и общества[15]. По существу это перекресток исторических дорог, время кризиса в буквальном смысле.

Нынешний этап истории – именно такой, переломный. В такие периоды истории открываются новые возможности для социального конструирования. Именно здесь рождаются новые подходы и теории, новые утопии, даже новые религии. Это момент, связанный с радикальной перестройкой самих оснований человеческой жизнедеятельности. Задача философских исследований сегодня состоит в том, чтобы не только прояснить те мировоззренческие структуры, которые определяют образ мира и образ жизни людей в ту или иную историческую эпоху, но и предложить возможные варианты новых жизненных смыслов и новых ценностей.

В кризисной исторической ситуации, как переходном периоде общественного развития, субъекты истории часто оказываются в реальном бытии и своем самосознании отчуждены от родовой сущности (родовая сущность – это совокупность исторического опыта бытия предыдущих поколений, объективированная в форме артефактов предметного мира), устойчивых социальных отношений и стабильных установок массового сознания (менталитет): прежняя структура социальной жизни распадается, а на ее месте еще не создана новая. Сама по себе потребность в историческом бытии – симптом онтологического неблагополучия субъекта, нуждающегося в восстановлении утраченного единства субъекта с его предметно-историческим миром, в налаживании прочных связей с обществом и творческом преобразовании бытия в соответствии с идеальной сущностью человека. Подобное творчество опирается на исторический опыт предшествующих поколений, но оно не в состоянии решить поставленные эпохой проблемы через простое воспроизведение накопленного знания. Ответ на вызов исторической ситуации не предопределен открытостью ее переходной структуры. Наличие исторических альтернатив в развитии общества еще не означает, что они будут осознаны в качестве возможности бытия. Для этого необходимо самосознание субъекта, отличное от обыденной, дорефлексивной установки сознания к бытию.

История всегда открыта, вариативна, в ней есть место неопределенности и известной непредсказуемости.

История складывается из бесконечной системы исторических ситуаций, создаваемых самим

человеком, и выход из них он должен находить сам. И на нем, только на нем лежит ответственность за принятые решения и найденные дороги. Результаты прошлой опредмеченной деятельности образуют тот исторический плацдарм, в выборе которого не свободны люди, т.е. действующие в данный момент законы общественного развития – это своеобразное потенциальное поле, причем в кризисную эпоху – это поле более узкое, дающее меньший простор для выбора. Заполняет «канву» истории и придает ей определенный результат движения *исторический выбор* личностью будущего развития, определенного варианта, несущего в себе отпечаток сложившегося определенного типа личности, характер человеческой жизнедеятельности.

Становится все очевиднее, что человек не просто приобщается к *чьей-то* истории, а он находится *в своей*, где всегда есть варианты, альтернативы, разные пути-дороги. История предоставляет ему выбор, за который он отвечает[16], в противном случае, человек, строго говоря, не будет является субъектом истории. Его субъективность индуцирована кризисом и поэтому он не рассматривает *историю как ценность*. История для него – это внешний и деструктивный процесс, к которому предстоит адаптироваться любой ценой. Он *живет* в истории, но «*не является историей*» по способу своего бытия. Типичной реакцией такого субъекта на исторический вызов эпохи становится состояние нерешительности. Утратив представление о легитимной, социально артикулированной и легализованной системе ценностных координат, он рассматривает открывающиеся в исторической ситуации возможности как равнозначные. Человек оказывается не в состоянии определить, какой из множества противоречивых императивов должного следует избрать в качестве главного. А так как в социальном пространстве переходной эпохи не существует инстанции, находящейся вне критики и обладающей всеобщим авторитетом, субъект воспринимает критику социальных идеалов, ценностей и норм, как их тотальное отрицание.

Историческая жизнь всегда есть преодоление неполноценности бытия, прибавление качества, открытие нового. И это «новое» всегда имеет экзистенциально-личностное происхождение; оно зиждется на тех социально-исторических предпосылках, которые характеризуют историческую ситуацию, но по способу осуществления является *индивидуально-конкретным бытием субъектов истории*[17].

Исторический процесс предстает как движение к человеку как субъекту истории, к единой всемирной истории, т.е. к взаимодействию, взаимосвязи культур, не поглощающих друг друга, а взаимно обогащающих на общем цивилизационном пространстве. Только духовные, целенаправленные, осмысленные, беспрерывно возобновляемые и скоординированные в актах коммуникации человеческие усилия способны предотвращать социокультурную энтропию и придавать историческому взаимодействию людей общий смысл. Без исторического бытия (понимания, оценки, действия) конкретных личностей история абсурдна, а люди обречены на дурную бесконечность повтора собственных ошибок.

Стоит отметить, что в реальной исторической действительности, не бывает бесчисленного множества альтернатив, а лишь такие, которые вытекают из объективных условий жизни общества. В борьбе этих альтернатив осуществляется историческое развитие общества. Исторический процесс альтернативен в том смысле, что в определенных инвариантных рамках идет борьба альтернатив, т.е. различные пути общественного развития не предопределены, они являются итогом борьбы людей. В каждый момент исторического развития существуют различные альтернативы, и победа той или иной из них определяется действием субъективного фактора.

Историческое событие не просто «дело случая», оно ожидалось в силу определенных предшествующих или одновременных условий. Ожидание, на которое ссылаются, не является пророчеством или божественным предсказанием; это – рациональное научное предчувствие, основывающееся на предположении об общих законах.

В сложной системе общественных отношений нет линейной, однозначной зависимости одних событий от других. Всегда действует множество причин и факторов. Законы общественной жизни проявляются не в фатальной неизбежности результатов, а в виде господствующей тенденции, пробивающей себе дорогу через толщу случайностей. На историю нельзя смотреть как на последовательное развитие жестких законов. Таков итог, на котором можно было бы и остановится.

Но статья была бы незавершенной логически и исторически, если бы мы не затронули вопрос об исторической перспективе современного российского общества в контексте проведенного исследования. В этом вопросе мы разделяем точку

зрения Н.И. Лапина, выраженную им в статье «Проблема формирования современного социетального порядка в России», в которой он пишет: «Российское общество как социетальное целое находится на этапе, когда кризис-хаос перестает доминировать и уступает место порядку. Но нет ясности, какому именно порядку. Неопределенность существует объективно, как одна из характеристик данного этапа эволюции самого общества, а не только недоработка нашего сознания»[18]. Эту неопределенность и открытость России на историческом перепутье Н.И. Лапин объясняет тем, что в современном обществе качественно возрастает роль *деятельности* социальных акторов – индивидов, социальных групп, общностей. Это требует новых подходов к изучению проблемы социетального порядка, в особенности – трансформации прежнего порядка в новый, закрепления нового порядка[19]. Таким образом, только антропосоциокультурный подход позволяет найти продуктивное понимание природы исторических законов. И помочь поиску выхода из современной кризисной ситуации.

Примечания

[1] См.: *Кареев Н.* Идея всеобщей истории. – СПб., 1885; Философские проблемы исторической науки. – М., 1969; *Гулыга А.* Искусство истории. – М., 1980; *Иванов Г.М., Коршунов Ю.В., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторического познания. – М., 1981; *Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Теория и история. – М., 1981; *Ракитов А.И.* Историческое познание (Системно-гносеологический подход). – М, 1982; *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. – М., 1984; *Иванов В.В.* Методология исторической науки. – М., 1985; *Черняк В.С.* История. Логика. Наука. – М., 1986; *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. – М., 1987; *Он же.* Сущность и особенности общественно-исторического развития // Исторические записки. Т. 1. – М., 1995; *Подкорытов Г.А.* О природе научного метода. – Л., 1988; *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории. – М., 1989.

[2] См.: *Батищев Г.С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. – М., 1969; *Дробницкий О.Г.* Мир оживших предметов. – М., 1967; *Каган М.С.* Человеческая деятельность. – М., 1974; *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М., 1973; *Цанн-кай-си Ф.В.* Проблема деятельности и становление марксистской концепции человека // Вестник Московского университета. Философия. – 1972. – №3 и др.

[3] См.: *Гегель.* Философия истории // Гегель. Соч. Т. VIII. – М.; Л., 1935. – С. 26, 58, 100.

[4] *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. – С. 262.

[5] *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. – С. 94.

[6] *Уледов А.К.* Социологические законы. – М., 1975. – С. 63.

[7] *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. – С. 306. Аналогичные высказывания мы встречаем и в письмах Энгельса последних лет жизни к различным лицам. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. – С. 395–396; Т. 39. – С. 355.

[8] *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. – С. 176.

[9] *Хайдеггер М.* Что такое метафизика // Время и бытие – М., 1993. – С. 16–17.

[10] *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 392. Сравнительную характеристику исторических и естественнонаучных законов дает А.И. Ракитов в книге «Историческое познание». – М., 1982. – С. 262–265.

[11] См.: *Голованов В.Н.* Законы в системе научного знания. – М., 1970; *Тугаринов В.П.* Законы объективного мира, их познание и использование. – Л., 1954; *Уледов А.К.* Социологические законы. – М., 1975 и др.

[12] Философские проблемы исторической науки. – М., 1969. – С. 95.

[13] *Цанн-кай-си Ф.В.* Философия как теоретическое мировоззрение. – Владимир, 2001. – С. 103.

[14] *Кареев Н.И.* Личное начало и роковые силы в истории // Вопросы философии. – 1996. – №7. – С. 159. См. так же: *Маркс К., Фридрих Э.* Соч. Т. 42. – С. 124–125. «Сама история является *действительной* частью *истории природы,* становление природы человеком… *общественная* действительность природы и *человеческое* естествознание, или естественная наука о человеке, это – тождественные выражения».

[15] См.: Историческое бытие // Сущность и структура человеческого бытия. – Владимир, 2001. – С. 100.

[16] См.: *Цанн-кай-си Ф.В., Новиков И.А.* Личность перед выбором // Философские и социологичес-

кие проблемы формирования социальной активности личности. – Владимир, 1989. – С. 90.

[17] См.: Историческое бытие // Сущность и структура человеческого бытия. – Владимир, 2001. – С. 109.

[18] *Лапин Н.И.* Проблема формирования современного социетального порядка в России // Вопросы философии. – 2006. – №11. – С. 3.

[19] Там же. – С. 5.

Н.А. Швецова

ФЕНОМЕН ХАРИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РЕЛИГИОЗНОМ СОЗНАНИИ

В динамике общественного сознания в условиях цивилизационного кризиса возрождается иррациональная составляющая, в которой традиционный элемент – религиозное сознание, в структуре которого большое место занимает харизма. Возрастание роли харизмы в религиозном сознании, культуре и деятельности людей актуализирует исследования природы, сущности иррационального в сознании, в том числе проявление и особенности данного феномена. В настоящее время харизма диктуется прежде всего кризисом, порождающим глубокий интерес к иррациональным формам бытия, которые, в свою очередь, являются духовной основой для бурного развития религиозного сознания и его харизматического содержания. Глубинное содержание харизмы кроется в истории человека, в его духовных потребностях, неотъемлемой составляющей которых является *харизма как особое эмоциональное состояние сознания*.

Чтобы раскрыть содержание феномена харизмы в современной религиозной культуре, необходимо проследить его проявление в обыденном сознании, так как в его сложной структуре есть значительное иррациональное начало – предрассудок, заблуждение, ошибочность, преувеличение, миф, фетишистские элементы, сложный эмоциональный компонент. Харизма – наименее всего исследована в структуре иррационального.

По мнению большинства современных исследователей, в качестве основного и наиболее общего признака религиозного сознания выступает вера в сверхъестественное. Религия духовно входит в мир человеческой культуры. Своими установлениями, предписаниями и запретами она проникает едва ли не во все сферы нашего бытия – в язык и мышление, в традиции и обряды, в обыденную жизнь и творчество, в профанное и священное. С разной степенью интенсивности религия окрашивает все содержательные элементы духовной жизни общества – обычаи, нормы, ценности, смыслы и знания [1, с. 81–82].

В религии органически сплетено сакральное (сверхъестественное) и священное (особенно чтимое). Сакральное связывается с высшей ценностью, благом, идеалом, авторитетом и занимает в ценностной иерархии общества высшую ступень, становясь святыней. Сакральное понимается как феномен, относящийся к духовной сфере, трансформирующийся в духовное знание и деяние. И ключевым объектом поклонения и веры является Бог – главный источник и носитель харизмы.

Представляет значительный интерес личностный аспект исследований харизмы – об особенностях сознания и деятельности харизматических лидеров, анализ которых обнаруживает многофункциональность, многомерность и богатство содержания харизмы как сущностной черты религиозного мироотношения [2].

Для нашего анализа существенное значение имеет социально-философский аспект религиозного сознания, в частности обыденного религиозного сознания, в особенности – его иррационального содержания.

Обыденное религиозное сознание представляет собой совокупность религиозных верований, чувств и настроений, которые в значительной мере рождаются стихийно, как непосредственное отражение бессилия людей перед лицом социальных условий их жизни. Обыденное религиозное сознание отличается от религиозной идеологии по способу отражения, своей структуре. Существуют особенности обыденного религиозного сознания: его несистематизированность, преобладание в нем наглядных представлений и образов, огромная роль эмоциональных процессов.

Духовная основа харизмы в религиозном сознании – *миф* и его основной образ – Бог – как сверхъестественная сила. Миф – это духовная среда, в которой формируется харизма. В мифологи-

© Н.А. Швецова, 2006

ческом сознании формируются механизмы объективации харизмы и других форм сакрализации в ритуале, обряде. Миф – это форма бытия харизмы.

Позднее содержание харизмы обогащается представлением о *святости праведного человека, обладающего выдающимися духовными качествами – мудростью, умением дарить Благо, творить чудо, исцелять, пророчествовать*. Такими выдающимися качествами обладали реальные личности, основатели мировых религий, выдающиеся религиозные деятели, подвижники, пророки. Нередко этими качествами их наделяли верующие, преувеличивая необычайные способности того или иного религиозного деятеля (проповедника, священника, миссионера), а церковь канонизировала образы реальных религиозных деятелей, мифологизируя их и причисляя их к статусу святых.

Истоки харизмы, на наш взгляд, – в недостатке рациональных представлений о мире и человеке в массовом сознании, в психологии верующего, в субъективных проявлениях эмоций и чувств, связанных с религиозными переживаниями, с принадлежностью к определенной религии. В основании харизмы – характерное для религиозного сознания вера в реальное существование сверхъестественного в мире и сверхъестественных духовных сил личности. Для верующего не надо искать доказательств чуда, как оно происходит, почему отдельные личности (святые, отмеченные Божественным даром) его творят. Религиозный человек верит и поклоняется Чуду, Святому, его мощам, его знакам, оставленным в памяти людей или местах пребывания (посох, книги, молитвенники и другие атрибуты веры). В этой связи представляется важным понятие «святое», уточненное в труде Р. Отто «Святое» (1917) и его современный анализ (М.Г. Писманик), в котором выражена особая направленность чувств верующего на восприятие величия, святости, внушающий трепет (субъективный мир верующего) и реальное отражение его реальных потребностей в гармонии с миром, в защите, в идеале, образцах поведения [1, с. 69].

На основании многих фактов можно предположить, что историческому процессу развития религиозных верований была свойственна тенденция перехода от более конкретных, наглядных, телесных представлений о сверхъестественном к более абстрактным, общим представлениям, в которых сверхъестественное «спиритуализируется» и противопоставляется материальному миру.

Необходимо выделить три важнейших особенности религиозной веры в сверхъестественное. Во-первых, религиозная вера в сверхъестественное есть не просто представления о сверхъестественном, но вера в реальное существование сверхъестественного. Во-вторых, религиозная вера всегда предполагает эмоциональное отношение к сверхъестественному. Религиозный человек не просто мыслит о сверхъестественном или представляет его, – он всегда переживает свое отношение к сверхъестественному, испытывая при этом самые различные чувства. Эмоции верующих людей специфичны не с точки зрения их физиологической основы и психологических особенностей, а с точки зрения их направленности, их объекта, т.е. их социальной роли. Следовательно, именно представления о сверхъестественном играют главную роль в религиозном комплексе, на основе которого и формируется харизма как дар божий избранным, как награда, как благодать особо праведным людям.

Специфическое отношение к сверхъестественному, которое свойственно религии, обладает еще одним важным признаком. Религиозный человек всегда находится со сверхъестественным в особых отношениях, которые можно условно назвать иллюзорно-практическими. Эти отношения существуют лишь в сознании религиозного человека, так же, как и сами объекты религиозной веры. Но последний искренне верит в существование подобных отношений и реализует эту свою веру практически, в культовых действиях. Религиозный человек верит в то, что сверхъестественные существа, силы или свойства могут, так или иначе, повлиять на его жизнь. Воображаемое воздействие сверхъестественного на реальную жизнь религиозного человека может, по его убеждению, быть положительным или отрицательным, желательным или нежелательным. Всякая религия поэтому включает в себя определенные предписания, касающиеся поведения верующего, его иллюзорных отношений к сверхъестественному. Эти предписания реализуются, прежде всего, в культе в его разнообразных формах.

Интегративной чертой религиозного сознания является религиозная вера. *Вера в авторитет и могущество Бога и его посланников на Земле – главная черта харизмы*.

Содержание веры обусловливает символический аспект религиозного сознания. Символ предполагает совершение сознанием актов объективирования мыслительного содержания, направ-

ленности на объективированный предмет (существо, свойство, связь), обозначения этого предмета. Предметы, действия, слова, тексты наделяются религиозными значениями и смыслами. Совокупность носителей этих значений и смыслов образует религиозно-символическую среду формирования и функционирования соответствующего сознания. Харизматическая личность для религиозного человека и символ веры в Бога, его благодать, но и реальный пример для подражания и наглядности божественного.

С верой связана диалогичность религиозного сознания. Вера в объективное существование существ включает веру в общение с ними, а такое общение предполагает диалог. Диалог реализуется в богослужении, молитве, медитации, с помощью звучащей или внутренней речи. *Диалог с харизматической личностью (через текст, молитву, визуализацию) возбуждает у верующего эмоциональный подъем, «озарение»*.

Вера в христианской традиции есть признание воздействия трансцендентного, метаисторического на человеческую жизнь, а также уверенность в возможности «диалога» с ним. Вера как связь с «высшим благом», «высшим смыслом» (путь к Богу) не существовала вне контекста идеи спасения внутреннего Я (души), достигаемого лишь в реальном сообществе духовно близких людей (путь к другу в духовной общине). За верой, как «проводником» в сакральный мир, признавался статус первенства, «столпа» обыденного мира. Вера понималась также как возможность его преобразования (одухотворения).

В религиозной вере человек реализует свою исконную направленность на осмысление мира и себя в этом мире через обращение к Богу как трансцендентной сущности.

Существенное значение для исследования харизмы в религиозной культуре имеет *типологический подход*. В типологии религиозной личности можно выделить *харизматический тип религиозной личности*, для которой характерно мистическое мироощущение. Наиболее полная характеристика харизматического типа лидера дана М. Вебером, который определил основной критерий лидера-харизматика – наличие сверхспособностей, особого дара к власти, управлению людьми, которые оцениваются массовым сознанием с позиций иррациональности [3].

В практике и обыденном религиозном познании действительности формируются идеалы как мировоззренческие позиции личности или общественной группы. На обыденном уровне они формируются стихийно, по содержанию – зачастую расплывчаты, бытуют в виде мечты, ожидания перемен, представлений о желаемом, должном, образцовом, совершенном, прекрасном, истинном. В силу своей ценностной природы идеал выступает побудительным стимулом деятельности и является общезначимым компонентом обыденного сознания, исторически меняя свое содержание и форму в зависимости от изменений общественного бытия. Идеал является наиболее действенной мировоззренческой, ценностной ориентацией личности. На основе идеала формируются психологические и социальные установки личности как определенная настроенность, готовность к действию, способность выбора поведения и ценностей. Идеалы и социальные установки составляют неотъемлемые компоненты убеждений. Крайне экзальтированной, личностной формой идеала в обыденном сознании практически является харизма.

В *явной форме* харизма проявляется в преимущественно эмоциональном компоненте религиозного сознания и культовой практике. Культовые действия, религиозные обряды становятся таковыми, поскольку они воплощают в символической форме религиозные верования и представления.

Религиозные организации формируются на основе общности религиозных верований. Чаще всего организация складывается вокруг харизматических религиозных деятелей (показателен в этом плане история религиозных поселений, на Руси – «посадов», общин, новых религиозных конфессий).

На наш взгляд, *харизма многофункциональна, многомерна и богата по содержанию, формируя сущностные черты религиозного мироотношения*. Феномен харизмы имеет сакральное значение, которое сохраняется религиозными институтами, транслирующими его потом вовне. Трансляция сакрального осуществлялась посредством властных отношений и создания особой знаковой реальности. Особая знаковая реальность священного, сакрального выражена в иконописи, в религиозной архитектуре и религиозных ритуалах – в культе, в богослужении, и особенно – в священных текстах.

Символы становятся важной формой обозначения и «изображения» сверхъестественных сущностей. Символы в христианском и любом другом религиозном культе играют роль своеобраз-

ного посредника между человеком и Богом, миром земным и сверхъестественным. *Символ – неотъемлемая часть харизматического представления*. Символ обладает субъективным динамизмом, способным привлекать к себе внимание индивида и вызывать восхищение. Символы являются продуктами спонтанной деятельности архетипической психики [4, с. 134].

Символ опосредует человека и мир, идеальное и реальное, понятийное и чувственное, возможное и действительное. Символ есть обозначение реальности, а не сама эта реальность; по символу нельзя судить ни об объекте, ни о субъекте, а только о способе их отношения, который в мифе весьма своеобразен: символ не должен и не может отождествляться с самим лежащим вне него бытием.

В функционировании символов проступает значение харизмы в осуществлении власти. Коллективная власть в мифе и ритуале осуществлялась над индивидом также в символически-авторитарной форме. В реальном бытие верующих в неразрывной связи осуществляется мифологическая и реальная харизматическая духовная власть религиозных деятелей, активно воздействующих на массовое религиозное сознание.

Существенной особенностью развития общественного сознания в России на рубеже XX–XXI веков является мировоззренческий сдвиг в массовом сознании, бурный рост религиозного сознания населения, обусловленный системным кризисом общества, в котором наиболее драматична динамика духовной жизни. Появление в России огромного количества нетрадиционных конфессий повлекло за собой множество сложнейших проблем в сфере идеологии, политики, культуры и морали. Феномен новых религий усугубил духовное смятение в кризисном обществе. Нет сомнений в том, что новые религии окажут заметное влияние на дальнейшее развитие культуры российского общества. В бурном росте новых религий особенно ярко проявляется харизма, своеобразный «харизматический взрыв» [1, с. 173]. В данном феномене проступает активная деятельность харизматического лидера реформаторского или пророческого типа в новых конфессиях («Свидетели Иеговы», «Церковь последнего завета», «Белое братство», Церковь-Семья Божия и другие). В религиозной среде осуществление права на власть невозможно без наличия харизматических качеств религиозного лидера. Все известные в истории культуры религиозные лидеры были харизматиками. На нашей памяти в XX столетии необычайной силой харизматического лидера обладали Иоанн Павел II, М.К. Ганди, Р.М. Хомейни и многие известные иерархи православной церкви.

Значимость харизмы, как и значимость религиозной традиции, актуализируется в условиях общественного кризиса и основывается на авторитете тех или иных лидеров социальных групп. Здесь особенно велика роль *идеи*, воплощением которой является харизматическая личность. Олицетворяя новую идею, харизматическая личность оказывает гипнотическое воздействие на своих последователей, заражая их этой идеей и увлекая за собой [5]. Основные функции, которые реализуются при этом: мировоззренческая, терапевтическая, регулятивная. Нормативные новации теснейшим образом связаны с реформами в сфере вероучения, культа и организации.

Одна из отличительных особенностей становления новых религий в современном российском обществе связана с тем, что, возникая в короткий срок, они буквально «сжимают» начальный этап своего становления, сопрягая его с харизматической фазой появления. Пожалуй, наиболее типичным в этом плане оказывается сосуществование в новых культах феномена харизмы с прекрасно отлаженной административной деятельностью уже на самом раннем этапе существования [6].

Социальные функции харизмы проступают в динамике религиозной традиции и нововведений. Нововведения выступают фактором тех или иных социальных перемен. Очень часто их источник – *харизматическая личность реформаторского или пророческого типа*. Связанные с деятельностью этих личностей изменения мы подводим под определение «нормативной новации», чья особенность состоит в том, что она может способствовать возникновению новой структуры как внутри религиозной традиции (тип реформатора), так и за ее пределами (тип пророка).

В результате анализа выявлены следующие инвариантные признаки проявления харизмы в обыденном религиозном сознании: харизма обладает парадоксальной природой и проявляется как иррациональный компонент в обыденном религиозном сознании; феномен харизмы является ценностным ориентиром социального бытия, воплощаясь и трансформируясь в различных социокультурных формах: мифе, религии,

одной вере, идеологии, он обнаруживает свою аксиологическую амбивалентность; данный феномен связан с коллективным сознанием или бессознательным, с коллективными архетипами, верованиями, чувствами; харизма, с психологической стороны вызывает благоговение, восхищение, священный трепет, и/или ужас, иррациональное поклонение, уважение, мистический страх; особая знаковая реальность священного, сакрального выражена в иконописи, в религиозной архитектуре и религиозных ритуалах – в культе, в богослужении, и особенно – в священных текстах; феномен харизмы реализуется в социуме через различные виды духовной, идейной практики человека и социума. Установлено, что все чувственно-материальные вещи имеют духовный, сверхчувственный, божественный смысл, обладают харизмой; начальный этап возникновения религии связан с харизматической фазой. Изучение особенностей проявления харизмы в религиозном сознании способствует более глубокому изучению особенностей современной культуры.

Библиографический список

1. *Писманик М.Г.* Лекции по религиоведению: учеб. пособие. – Пермь: Перм. гос. техн. ун-т., 2006. – 245 с.

2. *Волобуева М.М.* Феномен власти харизматического лидера в религиозных орденах Востока // Религиоведение. – 2004. – №2. – С. 58–68.

3. *Вебер М.* Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.

4. *Даурли Д.П.* Юнг и христианство / Д.П. Даурли, К.Г. Эдингер. – СПб.: Гуманитарное агентство, 1999. – 287 с.

5. *Московичи С.* Век толп. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – 475 с.

6. *Афанасенко Я.А.* Социально-философский анализ становления новой религии: Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Пермь, 2000. – 23 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГЛЕЕВА Зухра Равильевна, канд. пед. наук, доц. каф. современного русского языка Астраханского гос. ун-та.

АКАЕВ Олег Павлович, д-р техн. наук, проф., зав. каф. химии КГУ им. Н.А. Некрасова.

АНДРЕЕВА Людмила Сергеевна, аспирант каф. философии Владимирского гос. пед. ун-та.

АРТЕМЕНКО Вера Григорьевна, канд. хим. наук, доц. каф. химии КГУ им. Н.А. Некрасова.

БЕЛКИНА Тамара Леонидовна, канд. филос. наук, доц. каф. философии и политологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

БОРОВИКОВА Тамара Васильевна, д-р пед. наук, канд. экон. наук, проф. Смоленского гос. ун-та.

БУХМАСТОВА Галина Алексеевна, канд. филол. наук, доц. Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого.

ВАУЛИНА Лидия Николаевна, проректор по международным связям КГУ им. Н.А. Некрасова

ВИТЕЛЬ Елена Борисовна, канд. пед. наук, доц. каф. истории и теории музыки КГУ им. Н.А. Некрасова.

ВОЛКОВ Дмитрий Александрович, канд. истор. наук, доц. каф. истории России КГУ им. Н.А. Некрасова.

ГАНЦОВСКАЯ Нина Семеновна, канд. филол. наук, проф. каф. русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

ГРИНЬКО Валентин Сергеевич, канд. филос. наук, доц. каф. философии КГСХА.

ДУЛИН Юрий Николаевич канд. экон. наук, доц. каф. социального менеджмента, докторант РГПУ им. А.И. Герцена.

ЖЕЛУДОВА Елена Михайловна, аспирант Московского гос. пед. ун-та.

ЗАХАРОВА Жанна Анатольевна, канд. пед. наук, доц. каф. социальной педагогики КГУ им. Н.А. Некрасова.

ИЛЮХИНА Анна Святославовна, аспирант кафедры математических методов в экономике КГУ им. Н.А. Некрасова.

КАМЕНСКАЯ В.Г., РГПУ им. А.И. Герцена.

КОЗЫРЕВ Сергей Борисович, канд. физ.-мат. наук, доц. каф. математического анализа КГУ им. Н.А. Некрасова.

КОЗЫРЕВА Ю.К., РГПУ им. А.И. Герцена.

КОЛЕСОВ Евгений Вениаминович, канд. техн. наук, доц. каф. математических методов в экономике КГУ им. Н.А. Некрасова.

КРИВОШЕИН Владимир Владимирович, докторант каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

КУРОВА Галина Маратовна, докторант каф. экономики труда и институциональной теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЛЯГУШЕВ Григорий Евгеньевич, канд. экон. наук, докторант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

МАЛЬЦЕВ Роман Юрьевич, аспирант каф. истории России КГУ им. Н.А. Некрасова.

МУРАДОВА Людмила Владимировна, канд. сельскохозяйственных наук, доц. каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

МУРАТКИНА Екатерина Леонидовна, канд. филол. наук, доц. каф. английского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

ОЗЕРОВА Таисия Ивановна, канд. хим. наук, доц. каф. химии КГУ им. Н.А. Некрасова.

ОЧКАСОВА Мария Руфовна, канд. филол. наук, докторант каф. русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

РОМАНОВА Ирина Александровна, студентка факультета естествознания КГУ им. Н.А. Некрасова.

СЕКОВАНОВ Валерий Сергеевич, канд. физ.-мат. наук, проф. каф. прикладной математики и информационных технологий КГУ им. Н.А. Некрасова.

СЕМЕНОВА Юлия Владимировна, студентка факультета естествознания КГУ им. Н.А. Некрасова.

СИРОТИНА Марина Валерьевна, канд. биол. наук, доц. каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

СОКОЛОВА Татьяна Леонидовна, аспирант кафедры зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

ФИЛИНОВ Виталий Александрович, ст. преподаватель Смоленского гуманитарного ун-та.

ЧЕКМАРЕВ Василий Владимирович, д-р экон. наук, проф. КГУ им. Н.А. Некрасова.

ШВЕЦОВА Наталья Анатольевна, соискатель каф. философии Пермской гос. сельскохозяйственной академии им. Д.Н. Прянишникова.

ШПИЛЕВАЯ Галина Александровна, канд. филол. наук, доц. филологического факультета Воронежского гос. пед. ун-та.

ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ

Журнал «Вестник КГУ» публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Размер статей не должен превышать 10 страниц текста, включая библиографию и подписи под рисунками. Количество рисунков не должно превышать 6, в кратких сообщениях – 2.

Статьи, заказываемые редколлегией для обзора работ в одной из научных областей, могут иметь объем до 1 п.л.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в 1 экземпляре с дискетой (формат MS Word 7.0, рисунки в формате (*.bmp), (*.tif), (*.jpg), (*.psd), (*.pcx)). Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующие требования: кегль 14 через 1,5 интервала; поля 25 мм со всех сторон.

Материал должен быть тщательно отредактирован.

2. Построение статьи:

2.1. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима). Сведения об авторе (фамилия, имя, отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, должность).

2.2. Преамбула, объясняющая цель работы, актуальность проблемы.

2.3. Выводы.

2.4. Литературные ссылки.

3. Все страницы рукописи должны иметь сплошную нумерацию.

В тексте статьи необходимо дать ссылки на все рисунки и таблицы, которые, в свою очередь, должны быть озаглавлены.

Единицы измерения даются в соответствии с международной системой единиц (СИ).

Библиографический список помещается в конце статьи, авторы указываются в алфавитном порядке.

Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками.

Порядок оформления ссылок:

– Статья в журнале: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. От–до.

– Статья в сборнике трудов: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Город, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.)

– Монография или книга: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (или число страниц в книге __с.).

– Авторские свидетельства и патенты: А. с. номер. Название.

– Автореферат: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

4. Работы, опубликованные в других изданиях, не принимаются.

Статьи следует направлять по адресу:

156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14, Костромской государственный университет, корпус «В», кабинет 1.

vestnik@ksu.kostroma.net

Не принятые к публикации статьи возвращаются.

Для заметок

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных
А.В. Каштанов
Д.А. Смирнов

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 25.07.2006
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 12,0 л.
Тираж 1000 экз.
Изд. № 41

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(0942) 31-65-61**, факс: **(0942) 31-65-61,**
E-mail: **vestnik@ksu.kostroma.net**

Цена свободная